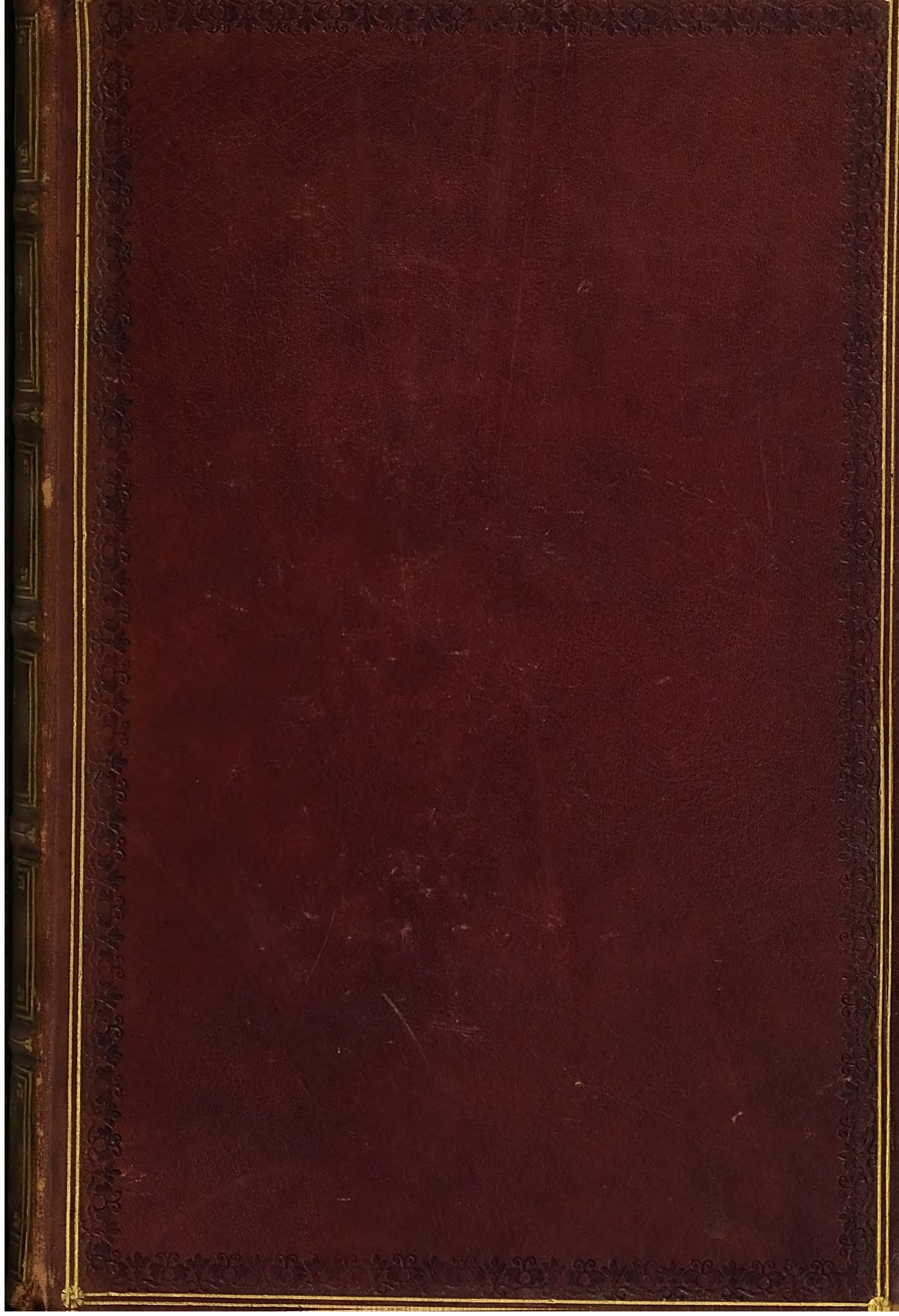
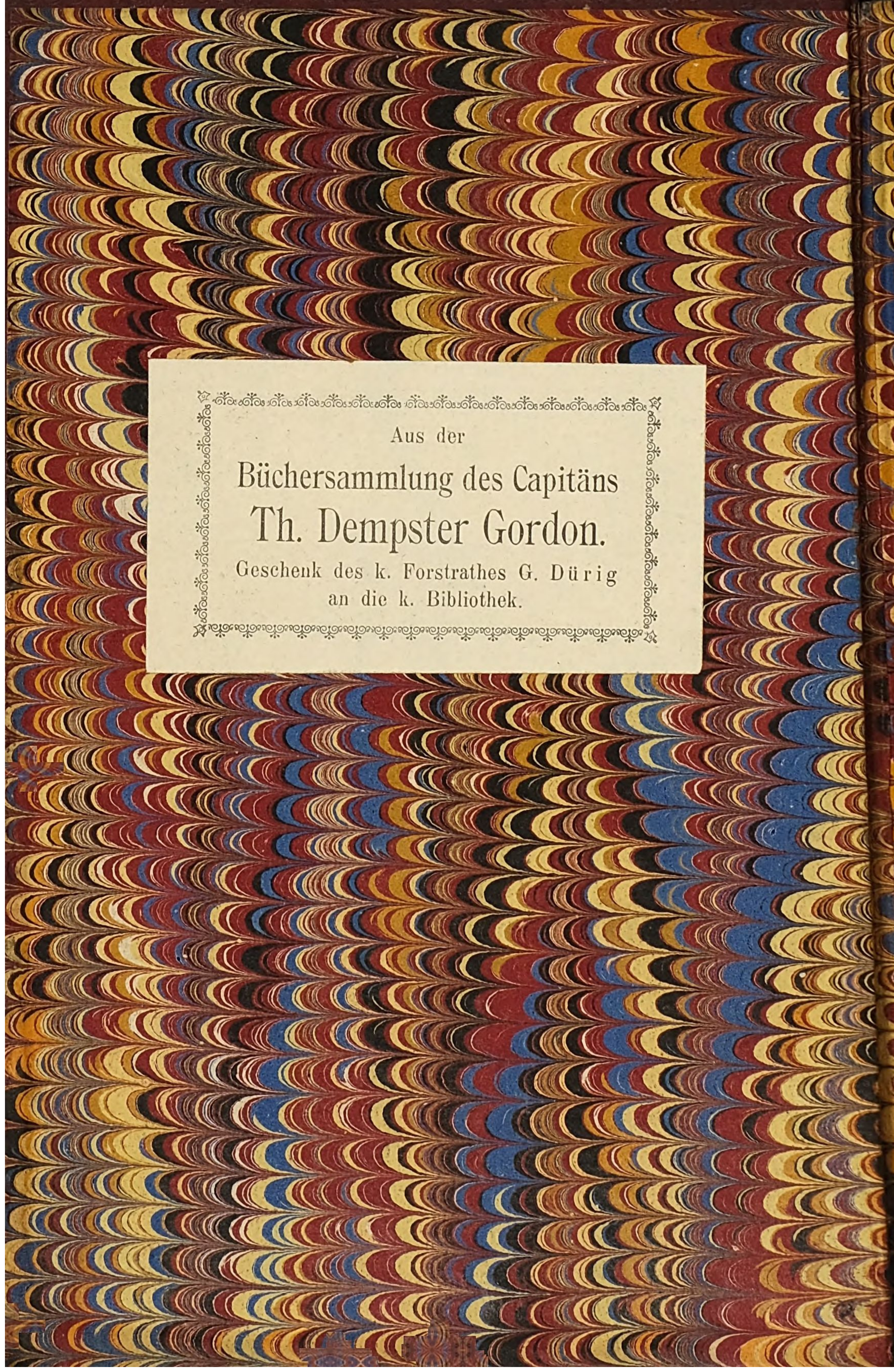

Aus der
Büchersammlung des Capitäns
Th. Dempster Gordon.
Geschenk des k. Forstrathes G. Dürig
an die k. Bibliothek.

L. russ.

0

60

9

9

СОЧИНЕНІЯ

Александра Пушкина.

ТОМЪ ДЕВЯТОЙ.

Изданіемъ Ильи Глазунова, Матвея Занкина и К^о.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. ГЛАЗУНОВА И К^о.

MDCCCXLI.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Санктпетербургъ, Апрѣля 29 дня 1840 года.

Ценсоръ Никитенко.

№ 657. Издатель *Михаилъ Сладуновъ*
а. н.

ОГЛАВЛЕНІЕ ДЕВЯТАГО ТОМА.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Мѣдный Всадникъ	страни. 3
Каменный гость	27
Русалка	71
Галубъ	107

МЕЛКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Памятникъ	121
Разлука	123
Желаніе	125
Сѣтованіе	128
Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума	129
Художнику	131
Въ альбомѣ	132
Демонъ	133
Три ключа	135
Пажъ, или пятнадцати-лѣтній король	136
А. Д. Баратынской	137
Д. В. Давыдову (при посылкѣ истор. Пугачев. бунта)	138
Въ альбомѣ Мих. Андр. Щербинину	139
Осеннее чувство	141
Ея глаза (въ отвѣтъ на стихи князя В — го)	142

Антологическія стихотворенія:

I. Юношу, горько рыдая, ревнивая дѣва бра- нила	143
II. Не розу Пафосскую	144
III. LVII ода Анакреона	145
IV. Богъ веселый винограда	146
V. Юноша! скромно пируй	147
VI. Мальчику (изъ Катулла)	148
VII. Изъ Анакреона (отрывокъ)	149
Подражаніе Итальянскому	150
Жалоба	151
Добрый совѣтъ	152
Къ * * *	153
Подражаніе Арабскому	154
Леила	155
М. А. Г.	156
Лицейская годовщина	157
Къ Н * *	159

II

страни

Разставаніе	160
Романсъ	161
Аквилонъ	162
Ночью, во время бессонницы	163
Заклинаніе	164
Капризь	166
Отрывокъ	168
М*	171
Подражанія Данту	172
Родригъ	177
Отрывокъ	183
Альбомъ Онегина	187
Сцены изъ Бориса Годунова	193
Послѣдніе цвѣты	200
Къ женщинѣ-поэту	201
Кто знаетъ край	202
Альфонсъ (начало поэмы)	205
Осень	207
Начало поэмы	212
Кромѣшникъ	215
Герой	218
В. С. Ф***	222
Сказка о купцѣ Кузьмѣ Остолопѣ и работникѣ его Балдѣ	225
ПОСЛѢДНІЯ ТРИ СТИХОТВОРЕНІЯ А. С. ПУШКИНА.	
Лицейская годовщина	235
Молитва	239
Опять на родинѣ	240
ПРИБАВЛЕНІЕ. — ЛИЦЕЙСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.	
Къ моей чернильницѣ	245
Бова (отрывокъ изъ поэмы)	249
Красавицѣ, которая нюхала табакъ	259
Къ Натальѣ	261
Къ молодой актрисѣ	264
Князю А. М. Горчакову	267
Леда (кантата)	269
Осгаръ	272
Эвлега	277
Окно	280
Разъудокъ и любовь	282
Къ Наташѣ	284
Наслажденіе	286

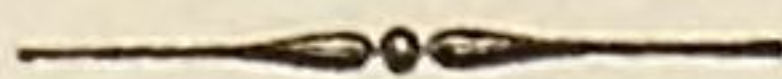
III

	страни.
Къ Машѣ	288
Погребъ	289
Истина	290
Застольная пѣсня	291
Стансы (изъ Вольтера)	293
Делія	295
Къ Деліи	297
Воспоминаніе (къ Пущину)	299
Сонъ (отрывокъ)	301
Къ ней	310
Слеза	312
Элегія :	
I. Опять я вашъ, о юные друзья !	314
II. Осеннее утро	316
III. Сну	318
IV. Любовь одна веселье жизни хладной !	319
V. Мѣсяцъ	322
VI. Счастливъ, кто въ страсти самъ себѣ	324
VII. Когда пробилъ послѣдній счастью часъ	325
VIII. Друзьямъ	327
IX. Я Лилу слушалъ у клавира	328
Къ Жуковскому	329
Горацій	335
Пирующие друзья	337
Къ Принцу Оранскому	342
Усы (философическая ода)	344
Къ молодой вдовѣ	347
Къ Дельвигу	349
Къ Дельвигу	352
Мое завѣщаніе друзьямъ	355
Наѣздникъ	359
Фіалъ Анакреона	363
Сраженный рыцарь	365
Эпиграмма	367
Твой и мой	368
Эпитафія	369
Экспромтъ на А.	370
Къ портрету К * * *	371
Къ письму	372
Дядѣ, назвавшему сочинителя братомъ	373
Желаніе	374
Заздравный кубокъ	375

Отрывки изъ стихотворенія: Фавнъ и Пастушка	377
Къ Живописцу	385
Сонъ (отрывокъ изъ Новгородской повѣсти: Вадимъ)	386
Путешественнику	389
Къ Морфею	390
Взглянувъ когда-нибудь на тайный сей листокъ	391
Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!	392
Въ альбомъ Иличевскому	393
Сновидѣнiе	395
Она	396
Къ товарищамъ передъ выпускомъ	397
Боже! Царя храни	399
Къ Г. . . . у	400
Мечтатель	403
Къ П у	407
Городокъ (къ * * *)	410
Безвѣрiе	426
Къ Б — ову	430
Романсъ	434
Воспоминанiя въ Царскомъ селѣ	437
Наполеонъ на Эльбѣ	446

СТИХОТВОРЕНIЯ, ПРОПУЩЕННЫЯ ВЪ ПОСЛѢД-
НЕМЪ ПОЛНОМЪ ИЗДАНIИ.

Отрывокъ изъ посланiя В. Л. П — ну	451
Къ Ю ву	453
Умолкну скоро я. Но если въ день печали	455
Антологическiй отрывокъ	456
Загадка (при посылкѣ бронзоваго сфинкса)	457
Новыя строфы изъ Евгенiя Онегина	458
Эпиграмма (изъ Антологiи)	464
Къ Каверину	465
Элегiя	466
Эпиграмма	467
Къ Языкову	468
Портретъ	470
Эпиграмма	471
Кривцову, при посылкѣ Вольтеровой поэмы	472
Въ альбомъ	473
Въ альбомъ маютокъ	474
Объясненiе	475
Французскiе стихи	479

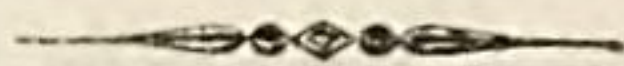

МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ.

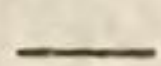
М.В. ПУШКИНЪ

МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПОВѢСТЬ. *

ВСТУПЛЕНИЕ.

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ Онъ, думъ великихъ полнъ,
И вдаль глядѣлъ. Предъ Нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный челнъ

* Происшествіе, описанное въ сей повѣсти, основано на истинѣ. Подробности наводненія заимствованы изъ тогдашнихъ журналовъ. Любопытные могутъ справиться съ извѣстіемъ, составленнымъ В. И. Берхомъ.

*

По ней стремился одиноко.
По мшистымъ, топкимъ берегамъ,
Чернѣли избы здѣсь и шамъ,
Пріютъ убогаго Чухонца;
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ шуманъ спряннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ.

И думалъ Онъ :

« Опселя грозить мы будемъ Шведу;
Здѣсь будетъ городъ заложенъ,
На-зло надменному сосѣду;
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно ¹,
Ногою швердой спать при морѣ;
Сюда, по новымъ имъ волнамъ,
Всѣ флаги въ-госпи будутъ къ намъ —
И запируемъ на-проспоръ.»
Прошло сто лѣтъ — и юный градъ,
Полночныхъ спиранъ краса и диво,
Изъ шмы лѣсовъ, изъ шочи блатъ
Вознесся пышно, горделиво:
Гдѣ прежде Финскій рыболовъ,
Печальный пасынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой вѣпхій неводъ, нынѣ шамъ
По оживленнымъ берегамъ

Громады стройныя шѣсняся
Дворцовъ и башень; корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ приспанямъ спремаяся;
Въ границѣ одѣлася Нева;
Мосты повисли надъ водами;
Темнозелеными садами
Ея покрылись острова —
И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфиросная вдова.

Люблю тебя, Петра творенье²;
Люблю твой строгой, стройный видъ,
Невы державное печенье,
Береговой ея границѣ,
Твоихъ оградъ узоръ чугунный,
Твоихъ задумчивыхъ ночей
Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный,
Когда я въ комнахъ моей
Пишу, чишаю безъ лампы,
И ясны спящія громады
Пустынныхъ улицъ, и свѣшла
Адмиралшейская игла,
И, не пуская нишу ночную
На золотыя небеса,

Одна заря смѣнитъ другую
Спѣшитъ, давъ ночи полчаса;
Люблю зимы пвоей жестокой
Недвижный воздухъ и морозъ,
Бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой,
Дѣвичьи лица ярче розъ,
И блескъ и шумъ и говоръ баловъ,
А въ часъ пирушки холостой
Шипѣнье пѣнстыхъ бокаловъ
И пунша пламень голубой;
Люблю воинственную живость
Попѣшныхъ Марсовыхъ полей,
Пѣхотныхъ рашей и коней
Однообразную красотость,
Въ ихъ спойно-зыблемомъ спойо
Лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ,
Сіянье шапокъ эшихъ мѣдныхъ,
Насквозь проспрѣленныхъ въ бою;
Люблю, военная сполица,
Твоей швердыни дымъ и громъ,
Когда полнощная Царица
Даруетъ сына въ Царскій домъ,
Или побѣду надъ врагомъ
Россія снова торжествуетъ,
Или, взломавъ свой синій ледъ,
Нева къ морямъ его несетъ
И, чуя вешни дни, ликуетъ.

Красуйся, градъ Петровъ, и спой
Неколебимо, какъ Россія!
Да умиришься же съ побой
И побѣжденная спихія:
Вражду и плѣнь спаринный своей
Пусть волны Финскія забудутъ
И щепной злобою не будутъ
Тревожить вѣчный сонъ Петра!

Была ужасная пора:
Объ ней свѣжо воспоминанье
Объ ней, друзья мои, для васъ
Начну свое повѣствованье.
Печальнѣ будешь мой рассказъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Надъ омраченнымъ Пепроградомъ
Дышалъ Ноябрь осеннимъ хладомъ ;
Плеская шумною волной
Въ края своей ограды спройной,
Нева мепалась, какъ больной
Въ своей поспелъ безпокойной ;
Ужъ было поздно и шемно ;
Сердито бился дождь въ окно
И въперъ дулъ, печально воя.
Въ то время изъ-госпей домой
Пришелъ Евгеній молодой
Мы будемъ нашего героя
Звашь эшимъ именемъ. Оно
Звучишь пріятно; съ нимъ давно
Мое перо ужъ какъ-то дружно ;
Прозванье намъ его не нужно —
Хошя въ минувши времена
Оно, бышь можетъ, и блиспало
И, подъ перомъ Карамзина,

Въ родныхъ преданьяхъ прозвучало;
Но нынѣ свѣтомъ и молвой
Оно забыто. Нашъ герой
Живетъ въ Коломнѣ; гдѣ-то служишь,
Дичишься знаемыхъ и не пужишь
Ни о покойницѣ роднѣ,
Ни о забытой спаринѣ.
И такъ домой пришелъ Евгеній,
Спряхнулъ шинель, раздѣлся, легъ —
Но долго онъ заснуть не могъ
Въ волненьи разныхъ размышленій.
О чемъ же думалъ онъ? О томъ,
Что былъ онъ бѣденъ; что прудомъ
Онъ долженъ былъ себѣ доспавишь
И независимость и честь;
Что могъ бы Богъ ему прибавишь
Ума и денегъ; что вѣдь есшь
Такіе праздные счастливыцы,
Ума недалняго, лѣнивцы,
Которымъ жизнь куда легка!
Что служишь онъ всего два года;
Онъ также думалъ, что погода
Не унималась; что рѣка
Все прибывала; что едва ли
Съ Невы мостовъ уже не сняли,
И что съ Парашей будетъ онъ
Дня на два, на три разлученъ.

Такъ онъ мечпалъ. И грустно было
Ему въ ту ночь, и онъ желалъ,
Чтобъ въперъ вылъ не такъ уныло,
И чтобы дождь въ окно спучалъ
Не такъ сердито....

Сонны очи

Онъ наконецъ закрылъ. И вопъ
Рвдѣетъ мгла ненаспной ночи,
И блѣдный день ужъ наспаетъ....
Ужасный день!

Нева всю ночь ⁵

Рвалася къ морю прошивъ бури,
Не одолѣвъ ихъ буйной дури....
И спорить спало ей не въ-мочь....
Поушпру надъ ея берегами
Тѣснился кучами народъ,
Любуясь брызгами, горами
И пѣной разъяренныхъ водъ.
Но силой въпра опъ залива
Перегражденная Нева
Обратно шла гнѣвна, бурлива
И запопляла оспрова;
Погода пуще свирѣѣла;
Нева вздувалась и ревѣла,
Копломъ клокоча и клубясь —
И вдругъ, какъ звѣрь оспервенясь,
На городъ кинулась. Предъ нею

Все побѣжало, все вокругъ
Вдругъ опустѣло... Воды вдругъ
Вшekli въ подземные подвалы;
Къ рѣшешкамъ хлынули каналы —
И всплылъ Пепрополь, какъ Трипонъ
По поясъ въ воду погруженъ.

Осада! приспупъ! Злая волны,
Какъ воры, лѣзупъ въ окна; челны
Съ разбѣга спекла бьюпъ кормой;
Садки подъ мокрой пеленой,
Обломки хижинъ, бревна, кровли,
Товаръ запасливой торговли,
Пожишки блѣдной нищеты,
Грозой снесенные мосты,
Гроба съ размытаго кладбища
Плывупъ по улицамъ!

Народъ

Зрипъ Божій гнѣвъ и казни ждепъ.
Увы! все гибнепъ: кровь и пища.
Гдѣ будетъ взятьъ?

Въ шопъ грозный годъ

Покойный Царь еще Россіей
Со славой правилъ. На балконъ
Печаленъ, смупенъ вышелъ Онъ
И молвилъ: » съ Божіей спихіей
Царямъ не совладѣпъ. » Онъ сълъ

И въ думъ скорбными очами
На злое бѣдствіе глядѣль:
Споляли спогны озерами,
И въ нихъ широкими рѣками
Вливались улицы. Дворецъ
Казался оспровомъ печальнымъ.
Царь молвилъ — изъ конца въ конецъ,
По ближнимъ улицамъ и дальнымъ,
Въ опасный путь средь бурныхъ водъ
Его пуспились Генералы ⁴
Спасашъ и спрахомъ обуялый
И дома понуцій народъ.
Тогда, на площади Пепровой —
Гдѣ домъ въ углу вознесся новый,
Гдѣ надъ возвышеннымъ крыльцомъ
Съ подъяпой лапой, какъ живые,
Спояшъ два льва спорожевые —
На звѣрѣ мраморномъ верхомъ,
Безъ шляпы, руки сжавъ кресломъ,
Сидѣлъ недвижный, спрашно блѣдный
Евгеній. Онъ спрашился бѣдный
Не за себя. Онъ не слыхалъ,
Какъ подымался жадный валь,
Ему подошвы подмывая;
Какъ дождь ему въ лице хлесшалъ;
Какъ вѣперъ, буйно завывая,
Съ него и шляпу вдругъ сорвалъ.

Его опчаянные взоры
На край одинъ наведены
Недвижно были. Словно горы,
Изъ возмущенной глубины,
Вспавали волны памъ и злились,
Тамъ буря выла, памъ носились
Обломки Боже, Боже! памъ —
Увы! близехонько къ волнамъ,
Почпи у самого залива —
Заборъ некрашенный, да ива
И вепхій домикъ : памъ онъ,
Вдова и дочь, его Параша,
Его мечша Или во снѣ
Онъ эпо видишь? иль вся наша
И жизнь не чпо, какъ сонъ пустой,
Насмѣшка рока надъ землей?
И онъ, какъ будпо околдованъ,
Какъ будпо къ мрамору прикованъ,
Сойпи не можешъ! Вкругъ него
Вода — и больше ничего.
И обращенъ къ нему спиною
Въ неколебимой вышинѣ,
Надъ возмущенною Невою,
Сидишь съ просшерпою рукою
Гигантъ на бронзовомъ конѣ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Но вопль, насыпясь разрушеньемъ
И наглымъ буйствомъ ушомась,
Нева обратно повлеклась,
Своимъ любясь возмущеньемъ
И покидая съ небреженьемъ
Свою добычу. Такъ злодѣй,
Съ свирѣпой шайкою своей
Въ село ворвавшись, ловишь, рѣжешь,
Крушишь и грабишь; вопли, скрежеть,
Насилье, брань, преревога, вой!...
И грабежемъ ошягощенны,
Боясь погони, упомленны,
Спѣшащъ разбойники домой,
Добычу на пупи роняя.

Вода сбыла, и мосшова
Ошкрылась, и Евгеній мой
Спѣшишь, душею замирая,
Въ надеждѣ, спрахѣ и шокѣ
Къ едва смирившейся рѣкѣ.

Но, поржесшвомъ побѣды полны,
Еще кипѣли злобно волны,
Какъ-бы подъ ними плѣлъ огонь;
Еще ихъ пѣна покрывала,
И тяжело Нева дышала,
Какъ съ бишвы прибѣжавшій конь.
Евгеній сморщилъ: видитъ лодку;
Онъ къ ней бѣжитъ какъ на находку;
Онъ перевозчика зовешъ —
И перевозчикъ беззаботной
Его за гривенникъ охотно
Чрезъ волны спрашныя везешъ.

И долго съ бурными волнами
Боролся опытный гребецъ,
И скрылся въ глубь межъ ихъ рядами
Всечасно съ дерзкими пловцами
Готовъ былъ челнъ — и наконецъ
Доспигъ онъ берега.

Несчастный

Знакомой улицей бѣжитъ
Въ мѣста знакомыя. Глядитъ...
Узнать не можетъ. Видъ ужасный!
Все передъ нимъ завалено;
Что сброшено, что снесено;
Скривились домики; другіе
Совсѣмъ обрушились; иные

Волнами сдвинуты; кругомъ,
Какъ будто въ полъ боевомъ,
Тѣла валяющіяся. Евгений
Спрямглавъ, не помня ничего,
Изнемогая отъ мученій,
Бѣжитъ шуда, гдѣ ждетъ его
Судьба съ невѣдомымъ извѣспьемъ,
Какъ съ запечатаннымъ письмомъ.
И вопъ бѣжитъ ужъ онъ предмѣспьемъ,
И вопъ заливъ, и близокъ домъ....
Что жъ это?

Онъ останоуился;
Пошелъ назадъ — и ворошилъ.
Глядитъ.... идетъ.... еще глядитъ:
Вопъ мѣсто, гдѣ ихъ домъ споитъ;
Вопъ ива. Были здѣсь вороша;
Снесло ихъ, видно. Гдѣ же домъ?
И полонъ сумрачной заботы,
Все ходитъ, ходитъ онъ кругомъ,
Толкуетъ громко самъ съ собою —
И вдругъ, удара въ лобъ рукою,
Захохоталъ.

Ночная мгла
На городъ препенный сошла;
Но долго жипели не спали
И межъ собою полковали
О днѣ минувшемъ.

Упра лучь

Изъ-за успалыхъ блѣдныхъ тучь
Блеснулъ надъ пихою столицей —
И не нашелъ уже слѣдовъ
Бѣды вчерашней. Багряницей
Уже прикрыто было зло —
Въ порядокъ прежній все вошло :
Уже по улицамъ свободнымъ
Съ своимъ безчувствіемъ холоднымъ
Ходилъ народъ. Чиновный людъ ,
Покинувъ свой ночной пріютъ ,
На службу шелъ. Торгашъ отважный,
Не унывая, открывалъ
Невой ограбленный подвалъ,
Сбираясь свой убытокъ важный
На ближнемъ вымѣспить. Съ дворовъ
Свозили лодки.

Графъ Хвостовъ ,
Поэтъ, любимый небесами ,
Ужъ пѣлъ безсмертными стихами
Несчастье Невскихъ береговъ.

Но бѣдный, бѣдный мой Евгеній
Увы ! его смященный умъ
Прошивъ ужасныхъ потрясеній
Не успоялъ. Мясешный шумъ
Невы и въпродъ раздавался

Въ его ушахъ. Ужасныхъ думъ
Безмолвно полонъ, онъ скипался;
Его шерзалъ какой-то сонъ.
Прошла недѣля, мѣсяцъ — онъ
Къ себѣ домой не возвращался.
Его пуспынный уголокъ
Опдалъ въ-наймы, какъ вышелъ срокъ,
Хозяинъ бѣдному поэту.
Евгеній за своимъ добромъ
Не приходилъ. Онъ скоро свѣшу
Спалъ чуждъ. Весь день бродилъ пѣшкомъ,
А спалъ на приспани; пилался
Въ окошко поданнымъ кускомъ;
Одежда вешая на немъ
Рвалась и шлѣла. Злыя дѣпи
Бросали камни въ-слѣдъ ему;
Нерѣдко кучерскія плещи
Его спегали, пошому
Что онъ не разбиралъ дороги
Ужъ никогда; казалось — онъ
Не примѣчалъ. Онъ оглушенъ
Былъ шумомъ внутренней превоги.
И такъ онъ свой несчастный вѣкъ
Влачилъ — ни звѣрь, ни человѣкъ;
Ни то, ни сѣ — ни жишель свѣсна,
Ни призракъ мершвой....

Разъ онъ спалъ

У Невской пристани. Дни лѣта
Клонились къ осени. Дышалъ
Ненаспный въперъ. Мрачный валь
Плескалъ на пристань, роща пѣни
И бѣясь о гладкія сшупени,
Какъ челобитчикъ у дверей
Ему невнемлющихъ судей.
Бѣднякъ проснулся. Мрачно было;
Дождь капалъ; въперъ выль уныло —
И съ нимъ вдали, во тмѣ ночной,
Перекликался часовой....
Вскочилъ Евгеній; вспомнилъ живо
Онъ прошлый ужасъ; поропливо
Онъ вспалъ; пошелъ бродить, и вдругъ
Остановился, и вокругъ
Тихонько спалъ водить очами
Съ боязною дикой на лицѣ.
Онъ очутился подъ столбами
Большаго дома. На крыльцѣ
Съ подъяпой лапой, какъ живые,
Споjali львы спорожевые,
И прямо въ темной вышинѣ,
Надъ огражденною скалою,
Гигантъ съ простершою рукою
Сидѣлъ на бронзовомъ конѣ *.

Евгеній вздрогнулъ. Прояснились

Въ немъ спрашио мысли. Онъ узналъ
И мѣсто, гдѣ попопъ игралъ,
Гдѣ волны хищныя полнились,
Буншуя злобно вокругъ него,
И львовъ и площадь и Того,
Кпо неподвижно возвышался
Во мракъ съ мѣдной головой
И съ распростерпою рукой —
Какъ будпо градомъ любовался.

Безумецъ бѣдный обошелъ
Кругомъ скалы съ поскою дикой,
И надпись яркую прочелъ,
И сердце скорбію великой
Спѣснилось въ немъ. Его чело
Къ рѣшеткѣ хладной прилегло,
Глаза подернулись шуманомъ....
По членамъ холодъ пробѣжалъ
И вздрогнулъ онъ — и мраченъ сталъ
Предъ дивнымъ Русскимъ Великаномъ.
И перепъ свой на Него поднявъ,
Задумался. Но вдругъ спремглавъ
Бѣжашъ пусшился. Показалось
Ему, чпо грознаго Царя,
Мгновенно гнѣвомъ возгоря,
Лице шихонько обращалось....
И онъ по площади пустой

Бѣжишь и слышишь за собой ,
Какъ будно грома грохотанье ,
Тяжело-звонкое скаканье
По попрысенной мостовой —
И , озаренъ луною блѣдной ,
Просперши руку въ вышинѣ ,
За нимъ несется Всадникъ мѣдный
На звонко-скачущемъ конѣ —
И во всю ночь , безумецъ бѣдный
Куда стопы ни обращалъ ,
За нимъ повсюду Всадникъ мѣдный
Съ тяжелымъ шопотомъ скакалъ.

И съ той поры , когда случилось
Итти той площадью ему ,
Въ лицѣ его изображалось
Смятенье : къ сердцу своему
Онъ прижималъ поспѣшно руку ,
Какъ бы его смирять муку ;
Карпузъ изношенный сымалъ ,
Смущенныхъ глазъ не подымалъ ,
И шелъ споронкой .

Островъ малый
На взморѣ видѣтъ . Иногда
Причалишь съ неводомъ шуда
Рыбакъ , на ловлѣ запоздалый ,
И бѣдный ужинъ свой варишь ;

Или чиновникъ посѣпшиъ ,
Гуляя въ лодкѣ въ воскресенье ,
Пустынный оспровъ. Не взросло
Тамъ ни былинки. Наводненье
Туда, играя, занесло
Домишко вепхій. Надъ водою
Оспался онъ какъ черный кусъ —
Его прошедшею весною
Свезли на баркѣ. Былъ онъ пусъ
И весь разрушенъ. У порога
Нашли безумца моего . . .
И пущъ же хладный шрущъ его
Похоронили ради Бога.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Алгаропши гдѣ-то сказалъ: Pétersbourg est la fenêtre, par la quelle la Russie regarde en Europe.
2. См. стихи К. Вяземскаго къ Графинѣ З***.
3. Мицкевичъ прекрасными стихами описалъ день, предшествовавшій Петербургскому наводненію *. Жаль только, что описаніе его не точное: снѣгу не было, Нева не была покрыта льдомъ. Наше описаніе вѣрнѣе хотя въ немъ и нѣтъ яркихъ красокъ Польскаго поэта.
4. Графъ Милорадовичъ и Генералъ-Адъютантъ Бенкендорфъ.
5. См. описаніе памятника въ Мицкевичѣ. Оно заимствовано изъ Рыбака — какъ замѣчаетъ самъ Мицкевичъ.

* Въ одномъ изъ лучшихъ своихъ стихотвореній Oleszkiewicz.

REPORT

1. A statement of the work done during the year.
2. A statement of the work done during the year.
3. A statement of the work done during the year.
4. A statement of the work done during the year.
5. A statement of the work done during the year.
6. A statement of the work done during the year.
7. A statement of the work done during the year.
8. A statement of the work done during the year.
9. A statement of the work done during the year.
10. A statement of the work done during the year.

КАМЕННЫЙ ГОСТЬ.

Leporello. O statua gentilissima
Del gran Commendatore!...
Ah, pardon!

DON GIOVANI.

КАМЕННЫЙ ЛОСЬ

Камеи и яшмы
Из древности
А. Яковлев
Издатель

КАМЕННЫЙ ГОСТЬ.

СЦЕНА I.

ДОНЪ-ЖУАНЪ И ЛЕПОРЕЛЛО.

Донъ-Жуанъ.

Дождемся ночи здѣсь. Уфъ! наконецъ
Доспигли мы ворошь Мадриша. Скоро
Я полечу по улицамъ знакомымъ,
Усы плащомъ закрывъ, а брови шляпой.
Какъ думаешь : узнашь меня нельзя?

Лепорелло.

Да, Донъ-Жуана мудроно признашь!
Такихъ, какъ онъ, такая бездна!

Донъ-Жуанъ.

Шутишь?

Да кто жъ меня узнаешь?

Лепорелло.

Первый сторожъ,
Гитана, или пьяный музыкантъ,
Иль свой же братъ нахальный кавалеръ
Въ плащъ, со шпагою подъ мышкой, въ маскѣ.

Донъ-Жуанъ.

Что за бѣда, хоть и узнаюшь! Только бѣ
Не встрѣшился мнѣ самъ король, а впрочемъ
Я никого въ Мадридѣ не боюсь.

Лепорелло.

А завтра же до короля дойдешь,
Что Донъ-Жуанъ изъ ссылки самовольно
Въ Мадридѣ явился — что тогда, скажишь,
Онъ съ вами сдѣлаетъ?

Донъ-Жуанъ.

Пошлешь назадъ.

Ужъ вѣрно головы мнѣ не опрубятъ.
Вѣдь я не государственный преступникъ.
Изъ милости ко мнѣ жъ меня опсюда
Онъ выслалъ. Онъ хотѣлъ меня опъ мщенья
Семьи убившаго спасти.

Лепорелло.

Ну что жъ?

Сидѣли бѣ вы себѣ спокойно шамъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Слуга покорный! я едва-едва
Не умеръ шамъ со скуки. Чшо за люди,
Чшо за земля! А небо? ... почный дымъ.
А женщины? да я не промѣняю,
Воптъ видишь ли, мой Лепорелло,
Послѣдней въ Андалузїи кресшьянки
На первыхъ шамошнихъ красавицъ — право.
Онѣ сначала нравилися мнѣ
Глазами синими, да бѣлизною,
Да скромносшью — а пуще новизною;
Да, слава Богу, скоро догадался —
Увидѣлъ я, чшо съ ними грѣхъ и знашья:
Въ нихъ жизни нѣтъ — все куклы восковыя;
А наши! ... Но послушай, эшо мѣсто
Знакомо намъ; узналъ ли ты его?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Какъ не узнашь? Аншоньевъ монастырь
Мнѣ памятенъ. Ъзжали вы сюда,
А лошадей держалъ я въ эшой роцѣ;
Проклятая, признашья, должносшь. Вы
Прїятнѣе здѣсь время проводили
Чѣмъ я, повѣрьте.

ДОНЪ-ЖУАНЪ (*задулиго*).

Бѣдная Инеза!

Ее ужъ нѣтъ! какъ я любилъ ее!

Лепорелло.

Инезу — черноглазую . . . о , помню !
Три мѣсяца ухаживали вы
За ней ; насилу-то помогъ лукавый.

Донъ-Жуанъ.

Въ Іюль . . . ночью. Чудную пріятность
Я находилъ въ ея печальномъ взорѣ
И померпвѣлыхъ губкахъ. Это спранно.
Ты , кажешся , ее не находилъ
Красавицей. И почто — мало было
Въ ней испинно-прекраснаго. Глаза ,
Одни глаза , да взглядъ . . . такого взгляда
Ужъ никогда я не встрѣчалъ. А голосъ
У ней былъ тихъ и слабъ , какъ у больной ;
А мужъ ея былъ негодяй суровый —
Узналъ я поздно . . . Бѣдная Инеза ! . . .

Лепорелло.

Что жъ ? вслѣдъ за ней другія были.

Донъ-Жуанъ.

Правда.

Лепорелло.

А живы будемъ , будущъ и другія.

Донъ-Жуанъ.

И то.

Лепорелло.

Теперь кончую въ Мадридѣ
Опыскивать мы будемъ ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

О, Лауру!

Я прямо къ ней бѣгу явисься.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Дѣло.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Къ ней прямо въ дверь; а если кто-нибудь
Ужъ у нее — прошу въ окно прыгнушь.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Конечно. Ну, развеселились мы.

Недолго насъ покойницы превозжають.

Кто къ намъ идесть (*входитъ монахъ.*)?

МОНАХЪ.

Сейчасъ она пріѣдетъ

Сюда. Кто здѣсь? Не люди ль донны Анны?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Нѣтъ, сами по себѣ мы господа.

Мы здѣсь гуляемъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

А кого вы ждете?

МОНАХЪ.

Сейчасъ должна пріѣхать донна Анна

На мужнину гробницу.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Донна Анна

Де Сольва? какъ, супруга командора

Убилаго... не помню кѣмъ?

МОНАХЪ.

Развратнымъ,
Бесовѣспнымъ, безбожнымъ Донъ-Жуаномъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ого! вошь какъ! молва о Донъ-Жуанѣ
И въ мирный монастырь проникла даже:
Опшцельники хвалы ему поюшъ.

МОНАХЪ.

Онъ вамъ знакомъ, бышь можете?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Намъ? нимало.

А гдѣ же онъ теперь?

МОНАХЪ.

Его здѣсь нѣтъ.

Онъ въ ссылкѣ, далеко.

ЛЕПОРЕЛЛО.

И слава Богу!

Чѣмъ далѣе, тѣмъ лучше. Всѣхъ бы ихъ,
Развратниковъ, въ одинъ мѣшокъ да въ море.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что, что ны врешь?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Молчише: я нарочно...

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Такъ здѣсь похоронили командора?

МОНАХЪ.

Здѣсь. Памятникъ жена ему воздвигла

И прїѣзжаетъ каждый день сюда
За упокой души его молишься
И плакашь.

Донъ-Жуанъ.

Что за спранныя вдова!
Не-даромъ же покойникъ былъ ревнивъ;
Онъ донну Анну въ заперши держалъ;
Никто изъ насъ на видывалъ ея.
И не дурна?

Монахъ.

Мы красоюю женской,
Опшельники, прельщающа не должны —
Но лгать грѣшно: не можешь и угодникъ
Въ ея красѣ чудесной не сознашься.

Донъ-Жуанъ.

Я съ нею бы хотѣлъ поговорить.

Монахъ.

О, донна Анна никогда съ мужчиной
Не говоришь.

Донъ-Жуанъ.

А съ вами, мой опецъ?

Монахъ.

Со мной иное дѣло — я монахъ.
Да вошь она. (*Входитъ донна Анна*).

Донна Анна.

Опецъ мой, опоприше.

МОНАХЪ.

Сейчасъ, сеньора; я васъ ожидалъ. (*Донна Анна
идетъ за монахомъ*).

ЛЕПОРЕЛЛО.

Что, какова?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ея совсѣмъ не видно
Подъ эшимъ вдовимъ чернымъ покрываломъ;
Чушь узенькую пяпку я замѣшилъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Довольно съ васъ. У васъ воображенье
Въ-минушу дорисуетъ оспальное;
Оно у васъ проворнѣй живописца.
Вамъ все равно, съ чего бы ни начать —
Съ бровей ли, съ ногъ ли.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Слушай, Лепорелло;
Я съ нею познакомлюсь.

ЛЕПОРЕЛЛО (*про себя*).

Вошь еще!
Куда какъ нужно! Мужа повалилъ,
Да хочешь поглядѣшь на вдовьи слезы.
Безсовѣстный!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Однако ужъ и смерклося.
Пока луна надъ нами не взошла

И въ свѣшлый сумракъ тмы не обратила,
Войдемъ въ Мадридъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Испанскій грандъ, какъ воръ,
Ждешъ ночи, и луны боишся; Боже!
Проклятое жишье. Да долго ль будешъ
Мнѣ съ нимъ возишся! Право силъ ужъ нѣтъ.

СЦЕНА II.

КОМНАТА, УЖИНЪ У ЛАУРЫ.

Первый гость.

Клянусь тебѣ, Лаура, никогда
Съ такимъ пы совершенствомъ не играла.
Какъ роль свою пы вѣрно поняла!

Второй.

Какъ развила ее! съ какою силой!

Третій.

Съ какимъ искусствомъ!

Лаура.

Да, мнѣ удавалось

Сегодня каждое движеніе, слово.

Я вольно предавалась вдохновенію.

Слова лились, какъ будно ихъ раждала

Не память робкая, но сердце...

Первый.

Правда.

Да и теперь глаза твои блещутъ

И щеки разгорѣлись — не проходишь
Въ тебѣ воспоргъ. Лаура, не давай
Оспышь ему безплодно, спой, Лаура,
Спой что-нибудь.

ЛАУРА.

Подайше мнѣ гитару. (*Поетъ*).

Всѣ.

О, bravo! bravo! чудно! безподобно!

Первый.

Благодаримъ, волшебница! Ты сердце
Чаруешь намъ. Изъ наслажденій жизни
Одной любви музыка уснушаетъ;
Но и любовь мелодія... взгляни:
Самъ Карлосъ пронунъ, пивой угрюмый гость.

Второй.

Какіе звуки! сколько въ нихъ души!
А чьи слова, Лаура?

ЛАУРА.

Донъ-Жуана.

Донъ-Карлосъ.

Что? Донъ-Жуанъ!

ЛАУРА.

Ихъ сочинилъ когда-то

Мой вѣрный другъ, мой вѣтреный любовникъ.

Донъ-Карлосъ.

Твой Донъ-Жуанъ — безбожникъ и мерзавецъ;

А ты, ты дура.

ЛАУРА.

Ты съ ума сошелъ !
Да я сейчас везю тебя заръзавъ
Моимъ слугамъ, хопъ ты Испанскій грандъ.

КАРЛОСЪ (встаетъ).

Зови же ихъ.

ПЕРВЫЙ.

Лаура, переспань ;
Донъ-Карлосъ, не сердись. Она забыла . . .

ЛАУРА.

Чпо ? чпо Жуанъ на поединкѣ честно
Убилъ его роднаго брата ? Правда, жаль,
Чпо не его.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Я глупъ, чпо осердился.

ЛАУРА.

Ага ! самъ сознаешься, чпо ты глупъ.
Такъ помиримся.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Виновать, Лаура !
Прости меня. Но знаешь : не могу
Я слышать эшо имя равнодушно . . .

ЛАУРА.

А виновата ль я, чпо поминую
Мнѣ на языкъ приходишь эшо имя ?

Гость.

Ну, въ знакъ, что ты совсѣмъ ужъ не сердита,
Лаура, спой еще.

ЛАУРА.

Да, на прощанье;
Пора — ужъ ночь. Но что же я спою?
А! слушайте. (*Поетъ*).

Всѣ.

Прелестно, безподобно!

ЛАУРА.

Прощайте жъ, господа.

Гости.

Прощай, Лаура.

(*Выходятъ. Лаура останавливаетъ Донъ-Карлоса*).

ЛАУРА.

Ты, бѣшенный, оспанься у меня;
Ты мнѣ понравился; ты Донъ-Жуана
Напомнилъ мнѣ, какъ выбранилъ меня
И списнулъ зубы съ скрежетомъ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Счастливецъ!

Такъ ты его любила? (*Лаура дѣлаетъ утверди-
тельный знакъ*) Очень?

ЛАУРА.

Очень.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

И любишь и теперь?

ЛАУРА.

Въ сію мину?у?
Нѣтъ, не люблю. Мнѣ двухъ любить нельзя.
Теперь люблю себя.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Скажи, Лаура,
Какой годъ тебѣ?

ЛАУРА.

Осмынадцать лѣтъ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Ты молода . . . и будешь молода
Еще лѣтъ пять иль шесть. Вокругъ тебя
Еще лѣтъ шесть они толпятся будутъ,
Тебя ласкаютъ, лелѣютъ и дарятъ,
И серенадами ночными пѣшатъ,
И за тебя другъ друга убиваютъ
На перекресткахъ ночью. Но когда
Пора пройдетъ, когда твои глаза
Впадутъ, и вѣки, сморщась, почернѣютъ,
И сѣдина въ косѣ твоей мелькнетъ,
И будутъ называть тебя старухой,
Тогда — что скажешь ты?

ЛАУРА.

Тогда Зачѣмъ
Объ этомъ думаешь? Что за разговоръ?
Иль у тебя всегда такія мысли?
Приди — открой балконъ. Какъ небо тихо;

Недвижимъ теплый воздухъ ; ночь лимономъ
 И лавромъ пахнетъ ; яркая луна
 Блещетъ на синевѣ густой и темной,
 И спорожъ кричатъ прозябно: ясно! ...
 А далеко, на сѣверѣ — въ Парижѣ —
 Быть можетъ, небо тучами покрыто,
 Холодный дождь идетъ и вѣтеръ дуетъ.
 А намъ какое дѣло? Слушай, Карлосъ :
 Я требую, чтобъ улыбнулся ты.
 Ну! что-то жъ!

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Милый демонъ! (*стучатъ*).

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Гей, Лаура!

ЛАУРА.

Кто тамъ? Чей это голосъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ошопри...

ЛАУРА.

Ужели!... Боже!... (*Отпираетъ двери, входитъ
 Донъ-Жуанъ*).

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Здравствуй...

ЛАУРА.

ДОНЪ-ЖУАНЪ!...

(*Лаура кидается ему на шею*).

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Какъ ! Донъ-Жуанъ !...

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Лаура, милый другъ !...

(Цѣлуетъ ее).

Кшо у тебя, моя Лаура ?

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Я,

Донъ-Карлосъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Вошъ нечаянная вепрѣча !

Я завѣра весь къ твоимъ услугамъ...

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Нѣтъ !

Теперь — сейчасъ.

ЛАУРА.

Донъ-Карлосъ, переспаньше !

Вы не на улицѣ — вы у меня —

Извольте выпши вонъ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ (ее не слушая).

Я жду. Ну, чшо жъ ?

Вѣдь ты при шпагѣ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ежели тебѣ

Не терпится, изволь. (Бьются).

ЛАУРА.

Ай, ай! Жуанъ!...

*(Кидается на постель,
Донъ-Карлосъ падаетъ).*

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Вставай, Лаура, кончено.

ЛАУРА.

Что шамъ?

Убишь? Прекрасно! въ комнашъ моей!

Что дѣлашь мнѣ шеперь, повѣса, дьяволь?

Куда я выброшу его?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Бышь можешъ,

Онъ живъ еще. *(Осматриваетъ тѣло).*

ЛАУРА.

Да! живъ! гляди, прокляшый,

Ты прямо въ сердце шкнулъ — небось, не мимо.

И кровь нейдешъ изъ преугольной ранки,

А ужъ не дышешъ — каково?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что дѣлашь?

Онъ самъ того хопѣлъ.

ЛАУРА.

Эхъ, Донъ-Жуанъ,

Досадно, право. Вѣчныя проказы —

А все не виновашъ... Опкуда шы?

Давно ли здѣсь?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я только-что пріѣхалъ
И по пихонько — я вѣдь не прощень.

ЛАУРА.

И вспомнилъ пошчасъ о своей Лаурѣ?
Что хорошо, то хорошо. Да полно,
Не вѣрю я. Ты мимо шелъ случайно,
И домъ увидѣлъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Нѣтъ, моя Лаура,
Спроси у Лепорелло. Я спою
За-городомъ, въ проклятой венѣ. Я Лауры
Пришелъ искашь въ Мадридѣ. (*Цѣлуетъ ее*).

ЛАУРА.

Другъ ты мой!...
Постой... при мертвомъ!... Что намъ дѣлать
съ нимъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Оставь его — передъ разсвѣтомъ, рано,
Я вынесу его подъ епанчею
И положу на перекресткѣ.

ЛАУРА.

Только

Смотри, чтобъ не увидѣли тебя.
Какъ хорошо ты сдѣлалъ, что явился
Одной минутой позже! у меня
Твои друзья здѣсь ужинали. Только

Что вышли вонъ. Когда бъ ты ихъ заспалъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Лаура, и давно его ты любишь?

ЛАУРА.

Кого? ты бредишь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Нѣтъ. А сколько разъ,

Скажи, ты мнѣ успѣла измѣнишь

Въ моемъ описушеніи?

ЛАУРА.

А ты, повѣса?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Скажи жъ — — Нѣтъ, послѣ переговоровъ.

СЦЕНА III.

ПАМЯТНИКЪ КОМАНДОРА.

Донъ-Жуанъ.

Все къ лучшему : нечаянно убивъ
Донъ-Карлоса, опшельникомъ смиреннымъ
Я скрылся здѣсь — и вижу каждый день
Мою прелесшную вдову, и ею,
Мнѣ кажешся, замѣченъ. До сихъ поръ
Чинились мы другъ съ другомъ; но сегодня
Пущуся въ разговоры съ ней; пора.
Съ чего начну? «Осмѣлюсь»... или нѣтъ :
«Сеньора»... ба ! чпо въ голову придеть,
То и скажу, безъ предуготовленья,
Импровизаторомъ любовной пѣсни...
Пора бѣ ужъ ей прѣхатъ. Безъ нея,
Я думаю, скучаетъ командоръ.
Какимъ онъ здѣсь предспавленъ исполиномъ !
Какія плечи ! чпо за Геркулесь !...
А самъ, покойникъ, малъ былъ и щедущень;
Здѣсь, спавъ на цыпочки, не могъ бы руку

До своего онъ носу допянушь.
Когда за Эскурьяломъ мы сошлись,
Нашкнулся мнѣ на шпагу онъ и замеръ,
Какъ на булавокѣ спрекоза: а былъ
Онъ гордъ и смѣлъ, и духъ имѣлъ суровый...
А! вопъ она. (*Входитъ донна Анна*).

Донна-Анна.

Опянь онъ здѣсь. Опець мой,
Я развлекла васъ въ вашихъ помышленьяхъ —
Проспише.

Донъ-Жуанъ.

Я просить прощенья долженъ
У васъ, сеньора. Можешь, я мѣшаю
Печали вашей вольно изливаться.

Донна-Анна.

Нѣтъ, мой опець: печаль моя во мнѣ;
При васъ мои молитвы могутъ къ небу
Смиренно возноситься — я прошу
И васъ соединишь свой голосъ съ ними.

Донъ-Жуанъ.

Мнѣ, мнѣ молюсь съ вами, донна Анна!
Я не достоинъ участи такой.
Я не дерзну порочными ушами
Мольбу свящую вашу повпорять;
Я только издали съ благоговѣньемъ
Смотрю на васъ, когда, склонившись тихо,
Вы кудри черные на мраморъ блѣдный

Разсыплете — и мнился мнѣ, что тайно
Гробницу эту ангелъ постѣпиль.
Въ смущенномъ сердцѣ я не обрѣшаю
Тогда моленій. Я дивлюсь безмолвно
И думаю: счастливъ, чей хладный мраморъ
Согрѣпъ ея дыханіемъ небеснымъ
И окропленъ любви ея слезами.

Донна-Анна.

Какія рѣчи спранные!

Донъ-Жуанъ.

Сеньора?

Донна-Анна.

Мнѣ вы забыли.

Донъ-Жуанъ.

Что? что недоспойный
Опшельникъ я? что грѣшный голосъ мой
Не долженъ здѣсь такъ громко раздаваться?

Донна-Анна.

Мнѣ показалось — — я не поняла — —

Донъ-Жуанъ.

Ахъ, вижу я: вы все, вы все узнали!

Донна-Анна.

Что я узнала?

Донъ-Жуанъ.

Такъ, я не монахъ ...
У вашихъ ногъ прощенья умоляю.

Толъ IX.

Донна-Анна.

О, Боже! вспаньше, вспаньше!... Кто же вы?

Донъ-Жуанъ.

Несчастный, жертва спраси безнадежной.

Донна-Анна.

О, Боже мой! и здѣсь, при этомъ гробъ!

Подите прочь —

Донъ-Жуанъ.

Минушу, Донна-Анна,

Одну минушу!

Донна-Анна.

Если кто взойдетъ!...

Донъ-Жуанъ.

Рѣшенка заперта. Одну минушу!

Донна-Анна.

Ну? что? чего вы требуете?

Донъ-Жуанъ.

Смерти!

О, пусть умру сейчасъ у вашихъ ногъ,
Пусть бѣдный прахъ мой здѣсь же похоронятъ,
Не подлѣ праха милаго для васъ,
Не шунтъ — не близко — далѣ гдѣ-нибудь,
Тамъ — у дверей — у самого порога,
Чтобъ камня моего могли коснуться
Вы легкою ногой или одеждой,
Когда сюда, на этомъ гордый гробъ,
Пройдете кудри наклонять и плакать.

Донна-Анна.

Вы не въ своемъ умѣ.

Донъ-Жуанъ.

Или желать

Кончины, Донна-Анна, знакъ безумства?
Когда бъ я былъ безумецъ, я бъ хотѣлъ
Въ-живыхъ оспаривать, я бъ имѣлъ надежду
Любовью нѣжной пронуть ваше сердце;
Когда бъ я былъ безумецъ, я бы ночи
Спать провождать у вашего балкона,
Тревожа серенадами вашъ сонъ;
Не спать бы я скрываться — я, напропивъ,
Старался бъ быть вездѣ замѣченъ вами;
Когда бъ я былъ безумецъ, я бъ не спать
Спрадать въ безмолвіи....

Донна-Анна.

И такъ-то вы

Молчите?

Донъ-Жуанъ.

Случай, Донна-Анна, случай
Увлекъ меня. Не то, вы бъ никогда
Моей печальной тайны не узнали.

Донна-Анна.

И любите давно ужъ вы меня?

Донъ-Жуанъ.

Давно или недавно, самъ не знаю,
Но съ той поры лишь только знаю цѣну

Мгновенной жизни, только съ той поры
И понялъ я, что значить слово счастье.

Донна-Анна.

Подите прочь — вы человекъ опасный.

Донъ-Жуанъ.

Опасный! чѣмъ?

Донна-Анна.

Я слушаю васъ боюсь.

Донъ-Жуанъ.

Я замолчу; лишь не гоните прочь
Того, кому вашъ видъ одна опрада.
Я не пишу дерзосныхъ надеждъ,
Я ничего не пребую, но видѣшь
Васъ долженъ я, когда уже на жизнь
Я осужденъ.

Донна-Анна.

Подите — здѣсь не мѣсто
Такимъ рѣчамъ, такимъ безумствамъ. Завтра
Ко мнѣ придите; если вы клянepесъ
Хранишь ко мнѣ такое жъ уваженъе,
Я васъ приму — но вечеромъ позднѣе —
Я никого не вижу съ той поры
Какъ овдовѣла. — — —

Донъ-Жуанъ.

Ангелъ, Донна-Анна!

Утѣшь васъ Богъ, какъ сами вы сегодня
Утѣшили несчастнаго спрадальца.

Донна-Анна.

Подите прочь.

Донъ-Жуанъ.

Еще одну минушу.

Донна-Анна.

Нѣшъ, видно мнѣ уйши.... къ тому жъ моленье
Мнѣ въ умъ нейдетъ. Вы развлекли меня
Рѣчами свѣтскими; опъ нихъ ужъ ухо
Мое давно, давно опвыкло. — Завпра
Я васъ приму —

Донъ-Жуанъ.

Еще не смѣю вѣришь,
Не смѣю счасью моему предаться — — —
Я завпра васъ увижу! — и не здѣсь,
И не украдкою!

Донна-Анна.

Да, завпра, завпра.

Какъ васъ зовушь?

Донъ-Жуанъ.

Діего де Кальвидо.

Донна-Анна.

Прощайте, Донъ-Діего. (*Уходитъ*).

Донъ-Жуанъ.

Лепорелло!

ЛЕПОРЕЛЛО. (*Лепорелло входитъ*).

Что вамъ угодно?

Донъ-Жуанъ.

Милый Лепорелло!

Я счастливъ! — — Завтра — вечеромъ позднѣе...

Мой Лепорелло, завтра — пригошовъ — —

Я счастливъ какъ ребенокъ!

Лепорелло.

Съ Донной-Анной

Вы говорили? можешь бышь, она

Сказала вамъ два ласковыя слова,

Или ее благословили вы.

Донъ-Жуанъ.

Нѣтъ, Лепорелло, нѣтъ! она свиданье,

Свиданье мнѣ назначила!

Лепорелло.

Неужь-шо!

О, вдовы! всѣ вы шаковы.

Донъ-Жуанъ.

Я счастливъ!

Я пѣшь гошовъ, я радъ весь міръ обняшь.

Лепорелло.

А командоръ? что скажешь онъ объ этомъ?

Донъ-Жуанъ.

Ты думаешь, онъ спанеть ревновать.

Ужъ вѣрно нѣтъ; онъ человекъ разумный

И вѣрно присмирѣлъ съ ихъ поръ, какъ умеръ.

Лепорелло.

Нѣтъ; посмотрише на его спашую.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что жъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Кажется, на васъ она глядитъ
И сердится.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Сступай же, Лепорелло,
Проси ее пожаловать ко мнѣ —
Нѣтъ, не ко мнѣ — а къ Доннѣ-Аннѣ, завтра.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Спашую въ госпи звать! зачѣмъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ужъ вѣрно
Не для того, чтобъ съ нею говорить —
Проси спашую завтра къ Доннѣ-Аннѣ
Прийти попозже вечеромъ и спашь
У двери на-часахъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Охопа вамъ
Шушишь, и съ кѣмъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Сступай же.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Но

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Сступай.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Преславная, прекрасная спашуя!
Мой баринъ, Донъ-Жуанъ, покорно просишь
Пожаловать.... Ей-Богу, не могу,
Мнѣ спрашно.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Трусъ! вопъ я тебя!...

ЛЕПОРЕЛЛО.

— Позвольте.

Мой баринъ, Донъ-Жуанъ, васъ просишь завпра
Прийти попозже въ домъ супруги вашей
И стасть у двери.... (*Статуя киваетъ головой
въ знакъ согласія*). Ай

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Чшо шамъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ай, ай!...

Ай, ай!... умру!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Чшо сдѣлалось съ тобою?

ЛЕПОРЕЛЛО, (*кисая головой*).

Спашуя.... ай!....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ты кланяешься!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Нѣтъ,

Не я — она!

Донъ-Жуанъ.

Какой ты вздоръ несешь?

Лепорелло.

Подите сами.

Донъ-Жуанъ.

Ну, смотри жъ, бездѣльникъ.

(Статуй). Я, командоръ, прошу тебя приши

къ пвоей вдовѣ, гдѣ завтра буду я,

И спашь у двери на-часахъ. Что? будешь?

(Статуя киваетъ опять). О Боже!

Лепорелло.

Что? я говорилъ

Донъ-Жуанъ.

Уйдемъ.

Дон-И-ан

Дон-И-ан

Дон-И-ан

Дон-И-ан

Дон-И-ан

Дон-И-ан

Дон-И-ан

Дон-И-ан

Дон-И-ан

Дон-И-ан

Дон-И-ан

Дон-И-ан

Дон-И-ан

Дон-И-ан

СЦЕНА IV.

(Комната Донны-Анны).

ДОНЪ-ЖУАНЪ И ДОННА-АННА.

Донна-Анна.

Я приняла васъ, Донъ-Діего; только
Боюсь, моя печальная бесѣда
Скучна вамъ будешь: бѣдная вдова!
Все помню я свою потерю. Слезы
Съ улыбкою мѣшаю, какъ апрѣль.
Что жъ вы молчите?

Донъ-Жуанъ.

Наслаждаюсь — молча,
Глубоко — мысляю бышь наединѣ
Съ прелесной Донной-Анной, здѣсь — не шамъ,
Не при гробницѣ мертваго счастливица —
И вижу васъ уже не на колѣнахъ
Предъ мраморнымъ супругомъ.

Донна-Анна.

Донъ-Діего,

Такъ вы ревнивы! мужъ мой и во гробъ
Васъ мучишь.

Донъ-Жуанъ.

Я не долженъ ревновать.

Онъ вами выбранъ былъ.

Донна Анна.

Нѣтъ, машь моя

Велѣла мнѣ дать руку Донъ-Альвару.

Мы были бѣдны, Донъ-Альваръ богатъ.

Донъ-Жуанъ.

Счастливецъ! онъ сокровища пустыя

Принесъ къ ногамъ богини: вопъ за чю

Вкусилъ онъ райское блаженство! Если бъ

Я прежде васъ узналъ — съ какимъ воспоргомъ

Мой санъ, мои богатства, все бы опдалъ,

Все, за единый благосклонный взглядъ!

Я былъ бы рабъ священной вашей воли;

Всѣ ваши прихоши я бъ изучалъ,

Чтобъ ихъ предупреждать; чтобъ ваша жизнь

Была однимъ волшебствомъ непрерывнымъ.

Увы! — судьба судила мнѣ иное!

Донна-Анна.

Діего, переспаньше; я грѣшу,

Васъ слушая — мнѣ васъ любить нельзя.

Вдова должна и гробу быть вѣрна.

Когда бы знали вы, какъ Донъ-Альваръ
Меня любилъ! о! Донъ-Альваръ ужъ вѣрно
Не принялъ бы къ себѣ влюбленной дамы,
Когда бъ онъ овдовѣлъ — онъ былъ бы вѣренъ
Супружеской любви.

Донъ-Жуанъ.

Не мучьте сердца
Мнѣ, Донна-Анна, вѣчнымъ поминаньемъ
Супруга. Полно вамъ меня казнить,
Хоть казнь я заслужилъ, быть можетъ.

Донна-Анна.

Чѣмъ же?

Вы узами не связаны святыми
Ни съ кѣмъ — не правда ль? Полюбивъ меня,
Вы предо мной и передъ Небомъ правы.

Донъ-Жуанъ.

Предъ вами! Боже!

Донна-Анна.

Развѣ вы виновны
Передо мной? скажите, въ чемъ же — ну.

Донъ-Жуанъ.

Нѣтъ, никогда —

Донна-Анна.

Діего, что такое?

Вы предо мной неправы? въ чемъ, скажите?

Донъ-Жуанъ.

Нѣтъ! ни за что!

Донна-Анна.

Діего, это спрашно:

Я васъ прошу, я требую —

Донъ-Жуанъ.

Нѣтъ, нѣтъ!

Донна-Анна.

А! такъ-то вы моей послушны волѣ!

А что сейчасъ вы говорили мнѣ?

Что вы бѣ рабомъ моимъ желали бытъ.

Я разсержусь, Діего: опвѣчайте,

Въ чемъ предо мной виновны вы?

Донъ-Жуанъ.

Не смѣю.

Вы ненавидѣтъ спанете меня.

Донна-Анна.

Нѣтъ, нѣтъ! Я васъ заранѣе прощаю,

Но знатъ хочу.

Донъ-Жуанъ.

Не желайте знатъ

Ужасную, убійственную шайну.

Донна-Анна.

Ужасную! вы мучите меня.

Я спрахъ, какъ любопышна — что такое?

И какъ меня могли вы оскорбитъ?

Я васъ не знала. У меня враговъ

И нѣтъ и не было. Убійца мужа

Одинъ и есмь.

Донъ-Жуанъ (*про себя*).

Идешь къ развязкѣ дѣло!

Скажите мнѣ: несчастный Донъ-Жуанъ

Вамъ незнакомъ?

Донна-Анна.

Нѣтъ, ошъ-роду его

Я не видала.

Донъ-Жуанъ.

Вы въ душѣ къ нему

Питаете вражду?

Донна-Анна.

По долгу чеспи.

Но вы ошвлечъ спараетесь меня

Ошъ моего вопроса, Донъ-Діего —

Я пребую

Донъ-Жуанъ.

Чшо, если бѣ Донъ-Жуана

Вы вспрѣшили?

Донна-Анна.

Тогда бы я злодѣю

Кинжалъ вонзила въ сердце.

Донъ-Жуанъ.

Донна-Анна,

Гдѣ швой кинжалъ? вошъ грудь моя.

Донна-Анна.

Діего!

Чшо вы?

Донъ-Жуанъ.

Я не Діего — я Жуанъ.

Донна-Анна.

О Боже! нѣтъ, не можешь быть, не вѣрю.

Донъ-Жуанъ.

Я Донъ-Жуанъ.

Донна-Анна.

Не правда.

Донъ-Жуанъ.

Я убилъ

Супруга своего; и не жалю

О томъ — и нѣтъ раскаянья во мнѣ.

Донна-Анна.

Что слышу я? нѣтъ, нѣтъ, не можешь быть.

Донъ-Жуанъ.

Я Донъ-Жуанъ, и я себя люблю.

Донна-Анна, *(падая)*.

Гдѣ я? ... гдѣ я, мнѣ дурно, дурно!

Донъ-Жуанъ.

Небо!

Что съ нею? что съ побою, Донна-Анна?

Проснись, опомнись: свой Діего,

Твой рабъ у ногъ твоихъ.

Донна-Анна.

Оспавъ меня.

(Слабо). Ты, ты мнѣ врагъ — ты опиялъ у меня

Все, что я въ жизни

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Милое созданье!

Я всѣмъ готовъ ударъ мой искупить;
У ногъ твоихъ жду только приказанья:
Вели — умру; вели дышать, я буду
Лишь для тебя. — — —

ДОННА-АННА.

Такъ это Донъ-Жуанъ —
Вы, говоряшь, безбожный развратитель,
Вы сущій демонъ. Сколько бѣдныхъ женщинъ
Вы погубили?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ни одной донынѣ
Изъ нихъ я не любилъ.

ДОННА-АННА.

И я повѣрю —
Чтобъ Донъ-Жуанъ влюбился въ первый разъ,
Чтобъ не искалъ во мнѣ онъ жертвы новой!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Когда бы я тебя обманывалъ,
Признался ль бы, сказалъ ли бы по имя,
Котораго не можешь ты и слышать?
Гдѣ жъ видно шупъ обдуманность, коварство?

ДОННА-АННА.

Кто знаетъ васъ? Но какъ могли прийти
Сюда вы; здѣсь узнать могли бы васъ,
И ваша смерть была бы неизбежна.

Донъ-Жуанъ.

Что значить смерть? За сладкій мигъ свиданья
Безропотно отдамъ я жизнь.

Донна-Анна.

Но какъ же
Отсюда выйти вамъ, неоспорожный!

Донъ-Жуанъ (*цѣлуя ей руки*).

И вы о жизни бѣднаго Жуана
Забоитесь! Такъ ненавидѣть
Бѣ душѣ своей небесной, Донна-Анна?

Донна-Анна.

Ахъ, если бѣ васъ могла я ненавидѣть!
Однако жъ надобно расстаться намъ.

Донъ-Жуанъ.

Когда жъ опять увидимся?

Донна-Анна.

Не знаю,
Когда-нибудь.

Донъ-Жуанъ.

А завтра?

Донна-Анна.

Гдѣ же?

Донъ-Жуанъ.

Здѣсь.

Донна-Анна.

О, Донъ-Жуанъ, какъ сердцемъ я слаба.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Въ залогъ прощанья мирный поцѣлуй

ДОННА-АННА.

Поди, пора.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Одинъ, холодный, мирный

ДОННА-АННА.

Какой ты неопвязчивый! на, вошь онъ

(Стучатъ).

Что тамъ за спукъ? . . . О, скройся, Донъ-Жуанъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Прощай же, до свиданья, другъ мой милый.

(Уходитъ и вбѣгаетъ опять).

А! . . . —

ДОННА-АННА.

Что съ тобой? А! . . . *(Входитъ статуя
командора, Донна-Анна падаетъ).*

СТАТУЯ.

Я на зовъ явился.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

О, Боже! Донна-Анна!

СТАТУЯ.

Брось ее,

Все кончено. Дрожишь ты, Донъ-Жуанъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я? нѣтъ! я звалъ тебя и радъ, что вижу.

Статуя.

Дай руку.

Донъ-Жуанъ.

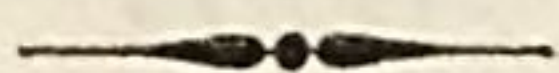
Вопъ она о, шажело
Пожапье каменной его десницы!
Оспавъ меня, пусти, пусти мнѣ руку — —
Я гибну — кончено — о, Донна-Анна!
(Проваливаются).

4 ноябрю 1856, с. Болдино.

РУСАЛКА.

P A C V I R V.

РУСАЛКА.

БЕРЕГЪ ДНѢПРА. — МЕЛЬНИЦА.

МЕЛЬНИКЪ И ДОЧЬ ЕГО.

Мельникъ.

Охъ, по-по всѣ вы, дѣвки молодыя,
Всѣ глупы вы. Ужъ если подвернулся
Къ вамъ человѣкъ завидный, непроспой,
Такъ должно вамъ его себѣ упрочить,
А чѣмъ? разумнымъ, честнымъ поведеньемъ,
Заманивать по спрогосстью, по лаской,
Порою исподволь, обинякомъ
О свадьбѣ заговаривать, а пуще
Беречь свою дѣвическую честь —

Безцѣнное сокровище; она —
Что слово: разъ упустишь, не ворошишь.
А коли нѣтъ на свадьбу ужъ надежды,
То все-таки по-крайней-мѣрѣ можно
Какой-нибудь барышъ себѣ, иль пользу
Роднымъ да выгадать; подумашъ надо:
«Не вѣчно жъ будешь онъ меня любишь
«И баловашъ меня.» Да нѣтъ! куда
Вамъ помышляшъ о добромъ дѣлѣ! Ксшапи ль?
Вы топчасъ одурѣете; вы рады
Исполнишь даромъ прихоти его,
Гоповы цѣлый день висѣшь на шеѣ
У милаго дружка; а милый другъ
Глядь — и пропалъ, и слѣдъ проспылъ; а вы
Остались ни съ чѣмъ... Охъ, всѣ вы глупы!
Не говорилъ ли я шебѣ спо разъ:
Эй, дочь, смотри, не будь такая дура,
Не прозѣвай ты счастья своего,
Не упускай ты князя, да спроспа
Не погуби самой себя. Что жъ вышло?
Сиди шеперь, да вѣчно плачь о томъ,
Чего ужъ не ворошишь.

Дочь.

Почему же

Ты думаешь, что бросилъ онъ меня?

Мельникъ.

Какъ почему? Да сколько разъ, бывало,

Въ недѣлю онъ на мельницу ѣзжалъ?
А? всякій Божій день, а иногда
И дважды въ день; а памъ все рѣже, рѣже
Спалъ прѣзжалъ — и вошъ девяшый день,
Какъ не видали мы его. Чшо скажешь?

Дочь.

Онъ заняпъ; мало ль у него забошы?
Вѣдь онъ не мельникъ: за него не спанешъ
Вода рабошашъ! Чашо онъ швердишъ,
Чшо всѣхъ шрудовъ его шруды шяжелъ.

Мельникъ.

Да, вѣрь ему. Когда князя шрудяшся?
И чшо ихъ шрудъ? шравишъ лисицъ и зайцевъ,
Да шировашъ, да обирашъ сосѣдей,
Да подговаривашъ васъ, бѣдныхъ дуръ.
Онъ самъ рабошаешъ — куда, какъ жалко!
А за меня вода!... А мнѣ покою
Ни днемъ, ни ночью нѣшъ; а шамъ посмошришъ:
То здѣсь, шо шамъ нужна еще починка,
Гдѣ гниль, гдѣ шечь. Вошъ если бѣ шы у князя
Умѣла выпросишъ на переспройку
Хошъ нѣсколько деньженокъ, было бѣ лучше.

Дочь.

Ахъ!

Мельникъ.

Чшо шакое?

Дочь.

Чу? я слышу шопотъ
Его коня Онъ! онъ!

Мельникъ.

Смотри же, дочь,
Не забывай моихъ совѣтовъ, помни . . .

Дочь.

Вошъ онъ, вошъ онъ!

*(Входитъ князь. Коню-
ший уводитъ его коня).*

Князь.

Здорово, милый другъ.

Здорово, мельникъ.

Мельникъ.

Милосливый князь,

Добро пожаловать. Давно, давно
Твоихъ очей мы свѣпныхъ не видали.
Пойду тебѣ готовишь угощенье. *(Уходитъ).*

Дочь.

Ахъ, наконецъ ты вспомнилъ обо мнѣ!
Не стыдно ли тебѣ такъ долго мучишь
Меня пусшымъ, жестокимъ ожиданьемъ?
Чего мнѣ въ голову не приходило?
Какимъ себя я страхомъ не пугала?
То думала, что конь тебя занесъ
Въ болото или пропасть; что медвѣдь
Тебя въ лѣсу дремучемъ одолѣлъ;

Чшо боленъ ты; чшо разлюбилъ меня...
 Но, слава Богу, живъ ты, невредимъ
 И любишь все по-прежнему меня,
 Не правда ли?

Князь.

По-прежнему, мой ангелъ;
 Нѣтъ, больше прежняго.

Она.

Однако ты
 Печаленъ; чшо съ тобою?

Князь.

Я печаленъ?
 Тебѣ такъ показалось. Нѣтъ, я веселъ
 Всегда, когда тебя лишь вижу.

Она.

Нѣтъ,
 Когда ты веселъ, издали ко мнѣ
 Спѣшишь и кличешь: гдѣ моя голубка?
 Чшо дѣлаешь она? А тамъ цѣлуешь
 И вопрошаешь: рада ль я тебѣ
 И ожидала ли тебя такъ рано?...
 А нынче — слушаешь меня ты молча,
 Не обнимаешь, не цѣлуешь въ очи.
 Ты чѣмъ-нибудь встревоженъ вѣрно? Чѣмъ же?
 Ужъ не сердитъ ли на меня?

Князь.

Я не хочу припворсповашъ напрасно.

Ты права: въ сердцѣ я ношу печаль
Тяжелую; и ты ее не можешь
Ни ласками любовными разсѣять,
Ни облегчить, ни даже раздѣлить.

Она.

Но больно мнѣ съ тобою не грустить
Одною грустью. Тайну мнѣ повѣдай.
Позволишь — буду плакать, не позволишь —
Ни слезкой я тебѣ не досажу.

Князь.

Зачѣмъ мнѣ медлишь? Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.
Мой милый другъ, ты знаешь, нѣтъ на свѣтѣ
Блаженства прочнаго: ни знатный родъ,
Ни красота, ни сила, ни богатство,
Ничто бѣды не можешь миновать.
И мы — не правда ли, моя голубка —
Мы были счастливы? по-крайней-мѣрѣ
Я счастливъ былъ тобою, своею любовью;
И что впередъ со мною ни случится,
Гдѣ бъ ни былъ я, всегда я буду помнить
Тебя, мой другъ; того, что я теряю,
Ничто на свѣтѣ мнѣ не замѣнитъ.

Она.

Я словъ твоихъ еще не понимаю,
Но ужъ мнѣ спрашно. Намъ судьба грозитъ,
Готовитъ намъ невѣдомое горе —
Разлуку, можешь быть

Князь.

Ты угадала:

Разлука намъ судьбою суждена.

Она.

Кто насъ разлучишь? Развѣ за побою

Ищи во слѣдъ я всюду невластна?

Я мальчикомъ одѣнусь, вѣрно буду

Тебѣ служишь дорогою, въ походѣ

Иль на войнѣ — войны я не боюсь,

Лишь видѣла бъ тебя. Нѣтъ, нѣтъ, не вѣрю!

Иль вывѣдашь мои пы мысли хочешь,

Или со мной пусшую шушку шутишь...

Князь.

Нѣтъ, шушки мнѣ на умъ нейдутъ сегодня,

Вывѣдывать тебя не нужно мнѣ;

Не снаряжаюсь я ни въ дальній путь,

Ни на войну; я дома остаюсь,

Но долженъ я съ побой навѣкъ проспишься.

Она.

Поспой, теперь я понимаю все:

Ты женишься? (*Князь молчитъ*). Ты женишься?

Князь.

Что дѣлаешь?

Сама пы разсуди. Князя невольны

Какъ дѣвицы: не по сердцу они

Себѣ подругъ берутъ, а по расчетамъ

Иныхъ людей, для выгоды чужой...
Твою печаль упѣвшишь Богъ и время!
Не забывай меня; возьми на память
Повязку — дай тебѣ я самъ надѣну.
Еще привезъ съ собою ожерелье —
Возьми его. Да вошь еще: опцу
Я это посулилъ — опдай ему. (*Даетъ ей въ
руки мѣшокъ съ золоти́мъ*).

Прощай!

Она.

Постой, тебѣ сказать должна я —
Не помню что.

Князь.

Припомни.

Она.

Для тебя

Я все гошова... Нѣтъ не то... Постой...
Нельзя, чтобы на вѣки, въ самомъ дѣлѣ,
Меня ты могъ покинуть... Все не то...
Да, вспомнила: сегодня у меня
Ребенокъ свой подъ сердцемъ шевельнулся.

Князь.

Несчастливая! какъ бышь? хошь для него
Побереги себя; я не оставлю
Ни твоего ребенка, ни тебя.

Со-временемъ, бытъ можетъ, самъ прїѣду
Васъ навѣспишь. Утѣшься, не крушился.
Дай обниму тебя въ послѣдній разъ.
(*Уходя*). Ухъ, кончено! душъ какъ будто легче.
Я бури ждалъ, но дѣло обошлось
Довольно тихо. (*Уходитъ. Она остается не-*
подвижною).

Мельникъ (*входитъ*).

Не угодно ль будетъ
Пожаловать на мельницу? ... Да гдѣ же онъ?
Скажи, гдѣ князь нашъ? Ба, ба, ба! Какая
Повязка! Вся въ каменьяхъ дорогихъ!
Такъ и горишь! И бусы! ... Ну, скажу,
Подарокъ царскій. Ахъ, онъ благодѣтель!
А это что? мѣшечекъ! Ужъ не деньги ль? ...
Да что же ты спойшь, не отвѣчаешь,
Не вымолвишь словечка? Али ты
Опъ радости нежданой одурѣла,
Иль на себя сполбнякъ нашелъ?

Дочь.

Не вѣрю,
Не можетъ бытъ. Я такъ его любила ...
Или онъ звѣрь? Иль сердце у него
Косматое?

Мельникъ.

О комъ ты говоришь?

Дочь.

Скажи, родимый: какъ могла его
Я прогнѣвить? Въ одну недѣлю развѣ
Моя краса пропала? Иль его
Отправой опоили?

Мельникъ.

Что съ тобою?

Дочь.

Родимый, онъ уѣхалъ! Вонъ онъ скачетъ!
И я, безумная, его пустила!
Я за полы его не уцѣпилась!
Я не повисла на уздѣ коня!
Пускай же бѣ онъ съ досады отрубилъ
Мнѣ руки по локоть; пускай бы тупъ же
Онъ распопшалъ меня своимъ конемъ!

Мельникъ.

Что съ нею?

Дочь.

Видишь ли — князя невольны
Какъ дѣвицы: не по сердцу они
Берутъ жену себѣ... А вольно имъ,
Небось, подманивать, божиться, плакать
И говоришь: «себя я повезу
«Въ мой свѣтлый шеремъ, въ шайную свѣшлицу,
«И наряжу въ парчу и въ бархатъ алый.»
Имъ вольно бѣдныхъ дѣвушекъ учишь
Съ полуночи на свисъ ихъ подымаешься

И до зари за мельницей сидѣшь.
Имъ любо сердце княжеское пѣшишь
Бѣдами нашими! А памъ прощай;
Ступай, голубушка, куда захочешь;
Люби, кого замыслишь!...

Мельникъ.

Вошъ въ чемъ дѣло!...

Дочь.

Да кто же, кто невѣста? На кого
Онъ промѣнялъ меня? О, я узнаю!
Я доберусь; я ей скажу злодѣйкѣ:
Ошпань опъ насъ! шы видишь: двѣ волчихи
Не водяшся въ одномъ оврагѣ...

Мельникъ.

Дура!

Ужъ если князь беретъ себѣ невѣсту,
Кто можетъ помѣшатель ему? Вошъ шо-то!
Не говорилъ ли я тебѣ...

Дочь.

И могъ онъ,
Какъ добрый человекъ, со мной прощаться,
И мнѣ давать подарки! Каковó?
И деньги! Выкупишь себя онъ думалъ!
Онъ мнѣ хошѣлъ языкъ засеребришь,
Чшобъ не прошла о немъ худая слава
И не дошла до молодой жены!...
Да, бишь, забыла я; тебѣ опдашь

Велѣлъ онъ это серебро за то,
 Чшо былъ хорошъ ты до него, чшо дочку
 За нимъ пускалъ паскаться, чшо ее
 Держалъ не спрого.... Въ-прокъ тебѣ пойдешъ
 Моя гибель! (*Отдаетъ ему мѣшокъ.*)

Мельникъ (*въ слезахъ.*)

...! До чего я дожилъ!
 Чшо Богъ привелъ услышать! Грѣхъ тебѣ
 Такъ горько упрекать отца роднаго.
 Одно дитя ты у меня на свѣтѣ,
 Одна отрада въ старости моей:
 Какъ было мнѣ тебя не баловать?
 Богъ наказалъ меня за то, чшо слабо
 Я выполнилъ отцовскій долгъ.

Дочь.

Охъ, душно!

Холодная змѣя мнѣ шею давишь...
 Змѣей, змѣею онъ меня —
 Не жемчугомъ опушалъ (*рветъ съ себя жемчугъ*)...
 (*Ополнясь.*) Такъ бы я
 Разорвала тебя змѣю-злѣйку,
 Проклятую разлучницу мою!

Мельникъ.

Ты бредишь, право бредишь.

Дочь (*снимаетъ съ себя повязку*).

...! Вошь вѣнецъ мой,
 Вѣнецъ позорный! Вошь чѣмъ насъ вѣнчалъ

Лукавый врагъ, когда я опреклася

Опо всего, чѣмъ прежде дорожила!

Мы развѣнчались. Сгинь ты, мой вѣнецъ! (*бросаетъ повязку въ Днѣпръ*).

Теперь все кончено!... (*бросается въ рѣку*).

Старикъ (*падая*).

Охъ, горе, горе!

the history of the world, from the beginning of time to the present day, is a subject of great interest and importance. It is a subject which has attracted the attention of all ages and all nations, and which has been the subject of many and various theories and opinions.

It is a subject which has been the subject of many and various theories and opinions.

It is a subject which has been the subject of many and various theories and opinions.

It is a subject which has been the subject of many and various theories and opinions. It is a subject which has been the subject of many and various theories and opinions. It is a subject which has been the subject of many and various theories and opinions. It is a subject which has been the subject of many and various theories and opinions.

It is a subject which has been the subject of many and various theories and opinions. It is a subject which has been the subject of many and various theories and opinions. It is a subject which has been the subject of many and various theories and opinions. It is a subject which has been the subject of many and various theories and opinions.

It is a subject which has been the subject of many and various theories and opinions. It is a subject which has been the subject of many and various theories and opinions. It is a subject which has been the subject of many and various theories and opinions. It is a subject which has been the subject of many and various theories and opinions.

It is a subject which has been the subject of many and various theories and opinions. It is a subject which has been the subject of many and various theories and opinions. It is a subject which has been the subject of many and various theories and opinions. It is a subject which has been the subject of many and various theories and opinions.

КНЯЖЕСКІЙ ТЕРЕМЪ.

—
**СВАДЬБА. МОЛОДЫЕ СИДЯТЪ ЗА СТОЛОМЪ. ГОСТИ.
ХОРЪ ДѢВУШЕКЪ.**

С в а т ь.

Веселую мы свадебку сыграли.
Ну, здравствуй, князь съ княгиней молодой!
Дай Богъ вамъ жить въ любви да совѣтѣ,
А намъ у васъ почаще пировать.
Что жъ, красныя дѣвицы, вы примолкли?
Что жъ, бѣлыя лебедушки, припихли?
Али всѣ пѣсенки вы перепѣли?
Аль горлышки опѣ пѣнья пересохли?

Х о р ь.

Свапушка, свапушка,
Безполковый свапушка!
По невѣсту ѣхали —
Въ огородъ заѣхали,
Пива бочку пролили,
Всю капусту полили,

Тыну поклонилися,
 Вереѣ молилися:
 Верея ль, вереюшка,
 Укажи дороженьку
 По невѣсшу ѣхаши.
 Свапушка, догадайся,
 За мошоночку принимайся:
 Въ мошнѣ денежка шевелилася,
 Краснымъ дѣвушкамъ норовилася.

С в а т ь.

Насмѣшницы, ужъ выбрали вы пѣсню!

На, на, возьмише, не корише сваща.

(*Даритъ дѣвушекъ.*)

О д и н ѣ г о л о с ь.

По камушкамъ, по желшу песочку
 Пробѣгала быспрая рѣчка;
 Въ быспрой рѣчкѣ гуляють двѣ рыбки,
 Двѣ рыбки, двѣ малыя плотицы.
 А слыхала ль ты, рыбка-сесприца,
 Про вѣспи наши про рѣчныя?
 Какъ вечеръ у насъ красна дѣвица упопилась,
 Упопая, милова друга проклинала?

С в а т ь.

Красавицы! да это что за пѣсня?

Она, кажись, не свадебная, нѣтъ.

Кто выбралъ эту пѣсню? а?

ДѢВУШКИ.

Не я,

Не я, не мы....

СВАТЪ.

Да кто жъ пропѣлъ ее?

(Шопотъ и смятеніе между дѣвушками).

КНЯЗЬ.

Я знаю кто. (Встаетъ изъ-за стола и говоритъ тихо конюшему).

Вѣдь мельничиха здѣсь:

Скорѣ выведи ее. Да свѣдай,

Кто смѣлъ ее впустилъ? (Конюшій подходитъ къ дѣвушкамъ).

Князь (про себя).

Она, пожалуй,

Гопова здѣсь надѣлашь сполько шуму,

Чшо со сныда не буду знашь, куда

И спряташься!

Конюшій.

Я не нашель ее.

Князь.

Ищи. Она, я знаю, здѣсь. Она

Пропѣла эту пѣсню.

Гость.

Ай-да медь!

И въ голову и въ ноги пакъ и бьешъ.

Жаль, горекъ: подсласшишь его бѣ не худо . . .

(Молодые цѣлуются. Слышенъ слабый крикъ).

Князь.

Она! Вотъ крикъ ея ревнивый! Чпо?

Конюшій.

Я не нашель ее нигдѣ.

Князь.

Дуракъ.

Дружко *(вставая)*.

Не время ль намъ княгиню выдашь мужу,
Да молодыхъ въ дверяхъ осыпашъ хмѣлемъ?

(Всѣ встаютъ).

Сваха.

Вѣспимо, время. Дайше жѣ пѣшуха.

(Молодыхъ кормятъ жаренымъ пѣтухоми, осыпаютъ хмѣлемъ, и ведутъ въ спальню).

Сваха.

Княгиня-душенька, не плачь, не бойся,
Послушна будь.

(Молодые уходятъ въ спальню. Всѣ расходятся, кромѣ свахи и дружка).

Дружко.

Гдѣ чарочка? Всю ночь

Подъ окнами я буду разѣзжашь,
Такъ укрѣпишься мнѣ виномъ не худо.

СВАХА (*наливаетъ ему чарку*).

На, кушай, на-здоровье.

ДРУЖКО.

Ухъ, спасибо!

Все хорошо, не правда ль, обошлось?
И свадьба хоть куда?

СВАХА.

Да, слава Богу,

Все хорошо: одно нехорошо...

ДРУЖКО.

А что?

СВАХА.

Да не къ добру пропѣли пѣсню
Не свадебную, а Богъ вѣсть какую.

ДРУЖКО.

Ужъ эпи дѣвушки! никакъ нельзя имъ
Не попроказишь. Спачочно ли дѣло
Мушишь нарочно княжескую свадьбу!

4243

Человек.

С В Ъ Т Л И Ц А.

КНЯГИНЯ И МАМКА.

Княгиня.

Чу! кажешся, прубяшь. Нѣтъ, онъ не ѣдетъ.
Ахъ, мамушка! какъ былъ онъ женихомъ,
Онъ опъ меня на шагъ не оплучался;
Съ меня очей, бывало, не сводилъ.
Женился онъ — и все пошло не шакъ!
Теперь меня ранехонько разбудишь,
И ужъ велишь себѣ коня сѣдлашь,
Да до ночи Богъ вѣдаетъ, гдѣ ѣздишь.
Ворошился — чупъ ласковое слово
Промолвишь мнѣ, чупъ ласковой рукой
По бѣлому лицу меня попреплещь.

Мамка.

Княгинюшка! мужчина, чпо пѣшухъ:
Кури-куку! махъ, махъ крыломъ — и прочь,
А женщина — чпо бѣдная насѣдка:

Сиди себѣ да выводѣ цыплятъ.
Пока женихъ — ужъ онъ не насидѣлся,
Ни пѣшь, ни ѣшь, глядишь, не нагладѣлся
Женился — и забошѣ наспаюшѣ:
То надобно сосѣдѣ навѣспѣшь,
То на охоту ѣхашѣ съ соколами,
То на войну нелегкая несешѣ,
Туда, сюда — а дома не сидѣлся.

Княгиня.

Какъ думаешѣ? Ужъ нѣшь ли у него
Зазнобѣ пайной?

Мамка.

Полно, не грѣши.

Да на кого тебѣ онъ промѣняешѣ?
Ты всѣмъ взяла: умомъ, красою ненаглядной,
Обычаемъ и разумомъ. Подумай,
Родимая: ну въ комъ ему найши,
Какъ не въ тебѣ, сокровище такое?

Княгиня.

Когда бѣ слышалъ Богъ мои молишвы
И мнѣ послалъ дѣшей, къ себѣ тогда бѣ
Умѣла вновь я мужа привязать...

А! полонъ дворъ охотниками. Мужъ
Домой прѣхалъ. Чшо жѣ его не видно?

(Входитъ Ловчій).

Чшо князь, гдѣ онъ?

Ловчій.

Князь приказалъ домой
Опѣхатъ намъ.

Княгиня.

А гдѣ жъ онъ самъ?

Ловчій.

Оспался

Одинъ въ лѣсу на берегу Днѣпра.

Княгиня.

И князя вы осмѣлились оспавишь
Тамъ одного? Усердные вы слуги!
Сейчасъ назадъ, сейчасъ къ нему скачите
Сказатъ ему, что я прислала васъ.

(Ловчій уходитъ).

Ахъ, Боже мой! въ лѣсу ночной порою
И дикій звѣрь, и люшый человѣкъ,
И лѣшій бродитъ — долго ль до бѣды!
Скорѣй зажги свѣчу передъ иконою.

Мамка.

Бѣгу, мой свѣшъ, бѣгу.

ДНѢПРЪ. НОЧЬ.

Русалки.

Веселой полною
 Съ глубокаго дна
 Мы ночью всплываемъ;
 Насъ грѣетъ луна.

Любо намъ порой ночью
 Дно рѣчное покидашь,
 Любо вольной головою
 Высь рѣчную разрѣзаешь,
 Подаешь другъ дружкѣ голосъ,
 Воздухъ звонкій раздражаешь,
 И зеленый влажный волосъ
 Въ немъ сушишь и оштрахиваешь.

Одна.

Тише! пшичка подь кустами
 Встрепенулася во мглу.

Другая.

Между мѣсяцемъ и нами
 Кто-то ходишь по землѣ.

(Прячутся).

Князь.

Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ
 Меня влечетъ невѣдомая сила.
 Знакомыя, печальныя мѣста!
 Я узнаю окрестныя предметы:

Воптъ мельница . . . Она ужъ развалилась ;
 Веселый шумъ ея колесъ умолкнулъ ;
 Спаль жорновъ : видно, умеръ и спарикъ —
 Дочь бѣдную оплакивалъ онъ долго !
 Тропинка шупъ вилась — она заглохла . . .
 Давно, давно сюда никшо не ходишь .
 Тупъ садикъ былъ съ заборомъ — неужели
 Разросся онъ кудрявой эпой рощей ?
 Ахъ, воптъ и дубъ завѣшный ! Здѣсь она,
 Обнявъ меня, поникла и умолкла . . .
 Возможно ли ? . . . (*Идетъ къ дверямъ ; листья*
сыплются).

Что это значишь ? лисья,
 Поблкнувъ, вдругъ свернули, и съ шумомъ,
 Какъ дождь, посыпалися на меня !
 Передо мной стоишь онъ голъ и черенъ,
 Какъ дерево проклятое. (*Входитъ старикъ въ*
лохмотьяхъ и полунагой).

Старикъ.

Здорово,

Здорово, зяпъ !

Князь.

Кто ты ?

Старикъ.

Я здѣшній воронъ.

Князь.

Возможно ль ? эпо мельникъ !

Старикъ.

Что за мельникъ!

Я продалъ мельницу бѣсамъ запечнымъ,
А денежки опдалъ на сохраненье
Русалкѣ, вѣщей дочери моей;
Онъ въ песку Днѣпра-рѣки зарытъ,
Ихъ рыбка одноглазка спорожишь.

Князь.

Несчастный, онъ помѣшанъ! Мысли въ немъ
Разсѣяны, какъ пучи послѣ бури.

Старикъ.

Зачѣмъ вечеръ ты не пріѣхалъ къ намъ?
У насъ былъ пиръ, тебя мы долго ждали.

Князь.

Кто ждалъ меня?

Старикъ.

Кто ждалъ? Вѣспимо, дочь.

Ты знаешь, я на все гляжу сквозь пальцы
И волю вамъ даю: сиди она
Съ побою хощь всю ночь, до пѣшуховъ —
Ни слова не скажу я.

Князь.

Бѣдный мельникъ!

Старикъ.

Какой я мельникъ! Говоряшь тебѣ,
Я воронъ, а не мельникъ. Чудный случай:
Когда (ты помнишь?) бросилась она

Въ рѣку, я побѣжалъ за нею слѣдомъ,
И съ той скалы прыгнувъ хопѣлъ, да вдругъ
Почувствовалъ: два сильныя крыла
Мнѣ выросли внезапно изъ-подъ мышекъ
И въ воздухъ сдержали. Съ той поры
То здѣсь, то тамъ лешаю, то клюю
Корову мертвую, то на могилахъ
Сижу да каркаю.

Князь.

Какая жалость!

Кто жъ за тобою смотришь?

Старикъ.

Да, за мною

Присматриваешь нехудо: старъ я спалъ
И шаловливъ. За мной, спасибо, смотришь
Русалочка.

Князь.

Кто?

Старикъ.

Внучка.

Князь.

Невозможно

Понять его! Старикъ, ты здѣсь въ лѣсу
Иль съ голоду умрешь, иль звѣрь тебя
Заѣстъ. Не хочешь ли пойми въ мой теремъ,
Со мною жить?

Старикъ.

Въ твоей перемъ? Нѣтъ, спасибо!
Заманишь, а попомъ меня, пожалуй,
Удавишь ожерельемъ. Здѣсь я живъ,
И сытъ, и воленъ. Не хочу въ твоей перемъ.
(Уходитъ).

Князь.

И этому все я виною! спрашно
Ума лишишься! Легче умерешь:
На мершвеца глядимъ мы съ уваженьемъ,
Творимъ о немъ молитвы: смерть равняетъ
Съ нимъ каждаго. Но человекъ, лишенный
Ума, спановишся не человекомъ:
Напрасно рѣчь ему дана — не править
Словами онъ; въ немъ брата своего
Звѣрь узнаетъ; онъ людямъ въ посмѣянье;
Надъ нимъ всякъ воленъ; Богъ его не судитъ....
Старикъ несчастный! Видъ его во мнѣ
Раскаянья всѣ муки расправилъ.

Ловчій.

Вотъ онъ. На силу-то его сыскали.

Князь.

Зачѣмъ вы здѣсь?

Ловчій.

Княгиня насъ послала.

Она боялась за тебя.

Князь.

Несносна

Ея заботливостъ! Иль я ребенокъ,

Что шагу мнѣ спусипъ безъ няньки?

*(Уходитъ. Русалки показы-
ваются надъ водой).*

Что, сесприцы: въ полѣ чиспомъ

Не догнапъ ли ихъ скорѣй?

Плескомъ, хохомъ и свиспомъ

Не пугнушъ ли ихъ коней?

Поздно. Волны охладѣли,

Пѣшухи въ дали пропѣли,

Высь небесная темна,

Закашмлася луна.

Одна.

Подождемъ еще, сесприца.

Другая.

Нѣтъ, пора, пора, пора!

Ожидаетъ насъ царица,

Наша спрогая сеспра.

(Скрываются).

ДНѢПРОВСКОЕ ДНО.

*Терели Русалокъ. Русалки прядутъ около
своей царицы.*

Старшая Русалка.

Оставьте пряжу, сестры. Солнце сѣло,
Сполбомъ луна блеснишь надъ нами. Полно.
Плывите вверхъ подъ небомъ попарись.
Да никого не прогайте сегодня —
Ни пѣшехода щекочать не смѣйте,
Ни рыбакамъ ихъ неводъ опягчать
Травой и шиной, ни ребенка въ воду
Заманивать рассказами о рыбахъ.

(Входитъ Русалочка).

Гдѣ ты была?

Дочь.

На землю выходила

Я къ дѣду
Со дна рѣки собравъ ему шѣ деньги,
Которыя когда-то въ воду къ намъ
Онъ побросалъ. Я долго ихъ искала;
А что такое деньги, я не знаю.
Однако же я вынесла ему
Пригоршню ракушинокъ самоцвѣпныхъ:
Онъ очень былъ имъ радъ.

Русалка.

Безумный скряга!

Послушай, дочка: нынче на тебя
 Надѣюсь я. Къ намъ на берегъ сегодня
 Придесть мужчина. Спереди его
 И выдь ему навспрѣчу. Онъ намъ близокъ —
 Онъ твой отецъ.

Дочь.

Тотъ самый, что тебя
 Покинулъ и на женщинъ женился?

Русалка.

Онъ самъ. Къ нему нѣжнѣе приласкайся
 И расскажи все то, что ошъ меня
 Ты знаешь про свое рожденъе, также
 И про меня. И если спросишь онъ:
 Забыла ль я его иль нѣтъ — скажи,
 Что все его я помню и люблю,
 И жду къ себѣ. Ты поняла меня?

Дочь.

О! поняла.

Русалка.

Спупай же. (Одна). Съ той поры,
 Какъ бросилась безъ памяши я въ воду
 Опчаянной и презрѣнной дѣвчонкой,
 И въ глубинѣ Днѣпра-рѣки очнулась

Русалкою холодной и могучей,
 Прошло двенадцать полныхъ лѣтъ;
 Я каждый день о мщеньи помышляю —
 И нынѣ, кажется, мой часъ насталъ.

БЕРЕГЪ.

Князь.
 Невольно къ эшимъ грустнымъ берегамъ
 Меня влечетъ невѣдомая сила.
 Все здѣсь напоминаетъ мнѣ былое
 И вольной, красной юности моей
 Любимую, хоть горестную повѣсть.
 Здѣсь нѣкогда меня встрѣчала
 Свободнаго свободная любовь.
 Я счастливъ былъ. Безумецъ!... и я могъ
 Такъ въпрено отъ счастья отказаться!...
 Печальныя, печальныя мечты
 Вчерашняя мнѣ встрѣча оживила.
 Опець несчастный! Какъ ужасенъ онъ!
 Авось опять его сегодня встрѣчу,

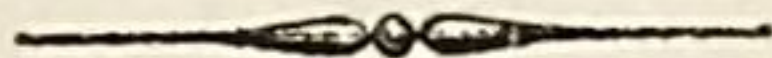
И согласишся онъ оставишь лѣсъ

И къ намъ переселишься (Русалочка выходитъ на берегъ).

Что я вижу!

Откуда ты, прелестное дитя?

.

ГЛАВЪ.

И колесница моя осияла
И на нивах небесных
(Р. 2. 1. 1. 1. 1. 1.)
Глаголю: (Р. 2. 1. 1. 1. 1. 1.)

Ибо я нива!

Они же, пророки, иже

ГЛАУБЪ.

Не для радости жить,
Не для бойней войны
Тамъ рече слышана! Ахъ,
На доръ Глагола бранна
Въ пещерной исторіи твоей Глагола
Ручкой записана убога
Обида развѣши Талантѣхъ
Въ родимой заглѣ твоей аснѣхъ
Образъ исторіи исторіи твоей
Записанъ твоей исторіи твоей
Въ арбу исторіи твоей
Слово твоее слово твоее
Доръ полонъ исторіи твоей
Исторіи твоей исторіи твоей

T. A. J. B. P.

Г А Л У Б Ъ.

Не для бесѣдъ и ликованій,
 Не для кровавыхъ совѣщаній,
 Не для разспросовъ кунака,
 Не для разбойничей пошѣхи
 Такъ рано съѣхались Адехи
 На дворъ Галуба спарика.
 Въ нежданной встрѣчѣ сынъ Галуба
 Рукой зависника убишъ
 Вблизи развалинъ Ташаршуба.
 Въ родимой саклѣ онъ лежишъ;
 Обрядъ шворишся погребальной;
 Звучишъ уныло пѣснь мулы;
 Въ арбу впряженные волы
 Стояшъ предъ саклею печальной;
 Дворъ полонъ пѣсною шолпой;
 Подъемлюшъ госни скорбный вой

И съ плачемъ бьютъ въ нагрудны брони;
И, внемля шумъ небоевой,
Мянушся спутанные кони;
Всѣ ждущъ. Изъ сакли наконецъ
Выходишь между женъ отецъ;
Два узденя за нимъ выносятъ
На буркѣ хладный пруть. Толпу
По споронамъ раздашься просятъ,
Слагающъ шѣло на арбу
И съ нимъ кладущъ снарядъ военной:
Неразряженную пицаль,
Колчанъ и лукъ, кинжалъ Грузинской
И шашки кресповую спаль,
Чпобы крѣпка была могила,
Гдѣ храбрый ляжешъ почивающъ,
Чпобъ могъ на зовъ онъ Азраила
Исправнымъ воиномъ воспаять.
Въ дорогу шествіе гошовой,
И пронулась арба. За ней
Адехи слѣдуютъ сурово,
Смирная молча пыль коней.
Ужъ попухалъ закапъ огнистой,
Злаша нагорныя скалы,
Когда долины каменистой
Доспигли пихіе воны.
Въ долину пой враждою жадной
Сраженъ пѣздникъ молодой —

Тамъ нынѣ въ пѣнь могилы хладной
Онъ ляжешъ, блѣдный и нѣмой...
Ужъ прупъ землею взяшъ. Могила
Завалена. Толпа вокругъ
Мольбы послѣднія пворила.
Изъ-за горы явились вдругъ
Спарикъ съдой, съ нимъ опрокъ спройный.
Даюшъ дорогу пришлецу,
И скорбному спарикъ опцу
Такъ молвилъ важный и спокойный:
«Тому прошло принадашь лѣшъ,
Какъ пы, въ ауль чужой пришедъ,
Вручилъ мнѣ слабаго младенца,
Чшобъ воспитаньемъ изъ него
Я сдѣлалъ храбраго Чеченца.
Сегодня сына одного
Ты преждевременно хоронишъ.
Галубъ! покоренъ будь судьбѣ!
Другаго я привезъ шебѣ —
Вошъ онъ. Ты голову преклонишъ
Къ его могучему плечу,
Свою пошерю имъ замѣнишъ:
Труды мои пы самъ оцѣнишъ —
Хвалишься ими не хочу.»
Умолкнулъ. Смопришъ поропливо
Галубъ на опрока. Тазишъ,
Главу пошупя молчаливо,

Ему недвижимъ предпоишъ.
И въ горѣ имъ Галубъ любуясь,
Влеченью сердца повинуюсь,
Объемлешь ласково его.
Попомъ наставника ласкаешь,
Благодаришъ и приглашаешь
Подъ кровлю дома своего.
Три дня, при ночи съ кунаками
Его онъ хочешь угощаешь
И послѣ съ честью провожаешь,
Съ благословеньемъ и дарами.
Ему, опецъ печальный мнишъ,
Обязанъ благомъ я безцѣннымъ:
Слугой и другомъ неизмѣннымъ,
Могучимъ мстительнымъ обидѣ.
Проходяшъ дни. Печаль заснула
Въ душѣ Галуба. Но Тазишъ
Все дикосшъ прежнюю хранишъ.
Среди родимаго аула
Онъ все чужой; онъ цѣлый день
Въ горахъ одинъ молчишъ и бродишъ.
Такъ въ саклѣ пойманный олень
Все въ лѣсѣ глядишъ, все въ глушѣ уходишъ.
Онъ любишъ — по крупнымъ скаламъ
Скользишъ, ползши пропой кремнистой,
Внимая бурѣ голосистой
И въ безднѣ воющимъ волнамъ.

Онъ иногда до поздней ночи
Сидитъ, печалень, надъ горой,
Недвижно въ даль усава очи,
Опершись на руку главой.
Какія мысли въ немъ проходятъ?
Чего желаетъ онъ тогда?
Изъ міра дальняго куда
Младые сны его уводятъ? ...
Какъ знаетъ? Незрима глубь сердець!
Въ мечпаньяхъ опрокъ своеволенъ,
Какъ вѣперъ въ небѣ ...

Но отецъ

Уже Тазипомъ не доволенъ.
«Гдѣ жъ, мыслишь онъ, въ немъ плодъ наукъ,
Опважноспь, хипроспъ и проворспво,
Лукавый умъ и сила рукъ?
Въ немъ шолько лѣнь и непокорспво.
Иль сына взоръ мой не проникъ,
Иль обмануль меня спарикъ?»

Тазишъ изъ шабуна выводитъ
Коня, любимца своего.
Два дня въ аулѣ нѣтъ его,
На претій онъ домой приходитъ.

Отецъ.

Гдѣ былъ ты, сынъ?

Сынъ.

Въ ущельи скалъ,

Гдѣ прорванъ каменистый берегъ

И путь открытъ на Даріаль.

Отецъ.

Что дѣлалъ тамъ?

Сынъ.

Я слушалъ Терекъ.

Отецъ.

А не видалъ ли ты Грузинъ,

Иль Русскихъ?

Сынъ.

Видѣлъ я: съ поваромъ

Тифлисскій ѣхалъ Армянинъ.

Отецъ.

Онъ былъ со спражей?

Сынъ.

Нѣтъ, одинъ.

Отецъ.

Зачѣмъ нечаяннымъ ударомъ

Не вздумалъ ты свалить его,

И не прыгнулъ къ нему съ ушеса?

Дѣло въ томъ, что

Попунилъ очи сынъ Черкеса

Не отвѣчая ничего.

Тазинъ опять коня сѣдлаешъ,

Два дня, двѣ ночи пропадаешъ,
Попомъ являешся домой.

Отецъ.

Гдѣ былъ?

Сынъ.

За Бѣлою-горой.

Отецъ.

Кого ты встрѣпилъ на курганѣ?

Сынъ.

Опъ насъ бѣжавшаго раба.

Отецъ.

О милосердая судьба!

Гдѣ жъ онъ? уже ли на арканѣ

Ты бѣглеца не припачилъ?

Тазипъ опяпъ главу склонилъ.

Галубъ нахмурился въ молчанѣ,

Но скрылъ свое негодованье.

«Нѣпъ, мыслипъ онъ, не замѣнипъ

Онъ никогда другаго брата!

Не научился мой Тазипъ,

Какъ шашкой добывающъ злапа;

Ни спадъ моихъ, ни шабуновъ

Не надѣляпъ его разѣзды;

Онъ только знаешъ безъ шрудовъ

Внимашъ волнамъ, гладъшъ на звѣзды,

А не въ набѣгахъ опбивашъ

Толъ IX.

Коней съ Нагайскими быками,
И съ боя взяпыми рабами
Суда въ Анапѣ нагружашь.»

Тазипъ опять коня сѣдлаепъ.
Два дня, двѣ noci пропадаетъ,
На шрешій, блѣденъ какъ мершвецъ,
Приходитъ онъ домой. Отецъ,
Его увидя, вопрошаепъ:
Гдѣ былъ ты?

Сынъ.

Около спаницъ

Кубани, близъ лѣсныхъ границъ

.

Отецъ.

Кого ты видѣлъ?

Сынъ.

Супоспана.

Отецъ.

Кого? кого?

Сынъ.

Убійцу брата.

Отецъ.

Убійцу сына моего?...

Тазипъ! гдѣ голова его?

Дай, наглажусь!

Сынъ.

Убійца былъ

Одинъ, израненъ, безоруженъ...

Отецъ.

Ты долга крови не забылъ...

Врага ты навзничъ опрокинулъ...

Не правда ли? ты шашку вынулъ,

Ты въ горло спаль ему вопкнулъ

И прижды пиho повернулъ?

Упился ты его спенаньемъ,

Его змѣинымъ издыханьемъ?...

Гдѣ жъ голова? подай!... нѣтъ силъ...

Но сынъ молчитъ, пошупя очи.

И спалъ Галубъ чернѣе ночи

И сыну грозно возопилъ:

«Поди ты прочь — ты мнѣ не сынъ,

Ты не Чеченецъ — ты спаруха,

Ты прусъ, ты рабъ, ты Армянинъ —

Будь проклятъ мной — поди — чшобъ слуха

Никшо о робкомъ не имѣлъ,

Чшобъ вѣчно ждалъ ты грозной встрѣчи,

Чшобъ мершвыи бранъ тебѣ на плечи

Окровавленной кошкой сѣлъ

И къ безднѣ гналъ тебѣ нещадно;

Чшобъ ты, какъ раненый олень,

Бѣжалъ, поскуя безопрадно;

Чпобъ дѣти Русскихъ деревень
Тебя веревкою поймали
И какъ волченка заперзали —
Чпобъ шы... бѣги, бѣги скорѣй!
Не оскверняй моихъ очей!»
Сказаль и на земь легъ — и очи
Закрыль, и такъ лежалъ до ночи.
Когда же приподнялся онъ,
Былъ темень синій небосклонъ.

II.

Ущелій горныхъ поселенцы
Въ долину шумно собрались;
Привычны игры начались:
Верхами юные Чеченцы,
Въ пыли несясь во весь опоръ,
Спрѣлою шапку пробивающъ,
Иль прижды сложенный коверъ
Булапомъ сразу разсѣкающъ,
То скользкой пѣшашся борьбой,
То пляской быспрой. Жены, дѣвы
Межъ тѣмъ поющъ — и гуль лѣсной
Далече впоришъ ихъ напѣвы.
Но между дѣвами одна
Молчишъ, уныла и блѣдна.

.
.
.

Въ полѣ стоятъ чешою спральной, —

Споаятъ, не видя ничего.

И горе имъ: онъ — сынъ изгнанный,

Она — любовница его . . .

О, было время! . . . съ ней украдкой

Видался юноша въ горахъ ;

Онъ пилъ огонь оправы сладкой

Въ ея смяпены, въ рѣчи крапкой,

Въ ея популненныхъ очахъ,

Когда съ домашняго порогу

Она смопрѣла на дорогу

Съ подружкой рѣзвой говоря,

И вдругъ садилась и блѣднѣла,

И опвѣчая не глядѣла,

И разгаралась какъ заря,

Или у водъ когда спояла,

Текущихъ съ каменныхъ вершинъ

И долго кованный кувшинъ

Волною звонкой наполняла . . .

И онъ, невластный превозмочь

Волненій сердца, разъ приходишь

Къ ея опцу, его опводишь

И говоришь: «швоя мнѣ дочь

Давно мила ; по ней поскую,

Одинъ и сирь давно живу я;
Благослови любовь мою;
Я бѣденъ — но могучь и молодъ,
Я агнецъ дома, звѣрь въ бою;
Къ намъ въ саклю не впускаю я голодъ;
Тебѣ я буду сынъ и другъ
Послушный, преданный и нѣжный,
Твоимъ сынамъ — кунакъ надежный,
А ей приверженный супругъ . . . »

НАМІТНИКЪ.

МЕЛКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

MEMORIA CTINXOTBOPIHIA

ПАМЯТНИКЪ.

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукопворной;
Къ нему не зароспешъ народная пропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Наполеонова сполпа.

Нѣтъ! весь я не умру: душа въ завѣшной лирѣ
Мой прахъ переживешъ и плѣнья убѣжишъ —
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мѣрѣ
Живъ будешъ хоть одинъ пѣишъ.

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назовешъ меня всякъ сущій въ ней языкъ —
И гордый внукъ Славянъ, и Финъ, и нынѣ дикой
Тунгузъ, и другъ спепей Калмыкъ.

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелесью живой стиховъ я былъ полезенъ,
И милосъ къ падшимъ призывалъ.

Велѣнью Божію, о муза! будь послушна:
Обиды не спрашись, не пребуй и вѣнца;
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

РАЗЛУКА.

Для береговъ опчизны дальной
Ты покидала край чужой;
Въ часъ незабвенный, въ часъ печальной
Я долго плакалъ предъ шобой.
Мои хладѣющія руки
Тебя спарались удержашь;
Томленья спрашнаго разлуки
Мой спонъ молилъ не прерывашь.

Но ты опъ горькаго лобзанья
Свои уша отпорвала;
Изъ края мрачнаго изгнанья
Ты въ край иной меня звала.
Ты говорила: въ день свиданья
Подъ небомъ вѣчно-голубымъ,
Въ пѣни оливъ, любви лобзанья
Мы вновь, мой другъ, соединимъ.

Но памѣ, увѣ! гдѣ неба своды
Сіяють въ блескѣ голубомѣ,
Гдѣ подѣ скалами дремлють воды,
Заснула ты послѣднимѣ сномѣ.
Твоя краса, твои спраданыя
Исчезли въ урнѣ гробовой —
Исчезъ и поцѣлуй свиданья
Но жду его: онѣ за побой:

ЖЕЛАНІЕ.

Кто видѣлъ край, гдѣ роскошью природы
Оживлены дубравы и луга,
Гдѣ весело синѣютъ, блещутъ воды,
Роскошные лаская берега,
Гдѣ на холмы подѣ лавровые своды
Не смѣютъ лечь угрюмые снѣга?
Скажите мнѣ: кто видѣлъ край прелестный,
Гдѣ я любилъ, изгнанникъ неизвѣстный?

Злапой предѣлъ, любимый край Эльвины!
Туда лепятъ желанія мои.
Я помню горъ высокія вершины,
Прозрачныхъ водъ веселыя струи,
И шѣнь, и шумъ, и красныя долины,
Гдѣ бѣдныя просыхъ Ташаръ семьи
Среди заботъ и съ дружбою взаимной
Подъ кровлею живутъ госпепріимной.

Все мило тамъ красою безмятежной,
Все путника плѣняетъ и манишь,
Какъ въ ясный день дорогою прибрежной
Привычный конь по склону горъ бѣжитъ.
Повсюду прудъ веселый и прилежный
Сады Ташаръ и нивы богатишь,
Холмы цвѣшущъ, и въ листьяхъ винограда
Виситъ янтарь, ночныхъ пировъ отрада.

Все живо тамъ: кудрявыхъ роць прохлада,
Въ тѣни оливъ уснувшія спада,
Вокругъ домовъ рѣшетки винограда,
Монастыри, селенья, города,
И моря шумъ, и говоръ водопада,
И средь валовъ бѣгучія суда,
И яркіе лучи златаго Феба,
И синій сводъ полуденнаго неба.

Приду ли вновь, поклонникъ музъ и мира,
Забывъ молву и свѣща суесны,
На берегахъ веселаго Салгира
Воспоминашь души моей мечны?
Въ моихъ рукахъ Овидіева лира,
Счастливая пѣвица красоты,
Пѣвица нѣгъ, изгнанья и разлуки,
Найдешь ли вновь свои живые звуки?

И тамъ, гдѣ миршъ шумитъ надъ тихой урной,
Увижу ль вновь, сквозь темные лѣса,
И своды скалъ, и моря блескъ лазурной,
И ясныя, какъ радость, небеса?
Утихнеть ли волненье жизни бурной?
Минувшихъ лѣтъ воскреснеть ли краса?
Приду ли вновь подъ сладостныя тѣни
Душой заснуть на лонѣ мирной лѣни?

СѢТОВАНИЕ.

Недавно я — въ часы свободы —

Уставъ наѣздника чиналъ,

И даже ясно понималъ

Его искусные доводы;

Узналъ я рѣзкія чершы

Неподражаемаго слога —

И перевершывалъ листы,

.

И думалъ: въспрєнный пѣвецъ!

Перебѣсилась наконецъ

Твоя проказливая лира;

И сердцемъ охладѣвъ навѣкъ,

Ты видно спалъ въ угоду міра

Благоразумный человѣкъ!

О, горе! молвилъ я сквозь слезы,

Кшо далъ Давыдову совѣтъ

Оставишь лавръ, оставишь розы?

Какъ могъ унизиться до прозы

Вѣнчаный музою поэтъ,

Презрѣвъ и славу прежнихъ лѣтъ

И шѣни Бурцова угрозы?

Не дай мнѣ Богъ сойши съ ума;
Нѣтъ, легче посохъ и сума,
Нѣтъ, легче шрудъ и гладъ.

Не то, чтобъ разумомъ моимъ
Я дорожилъ; не то, чтобъ съ нимъ
Разсѣпашься былъ не радъ.

Когда бъ оставили меня
На волю, какъ бы рѣзво я
Пуспился въ шемный лѣсъ!

Я пѣлъ бы въ пламенномъ бреду,
Я забывался бы въ чаду
Неспрройныхъ, чудныхъ грезъ.

Силѣнъ и воленъ былъ бы я,
Какъ вихоръ, роющій поля,
Ломающій лѣса.

И я бъ заслушивался волнъ,
Толь IX.

И я глядѣлъ бы, счаснѣя полнѣ,
Въ пусшыя небеса.

Да вопъ бѣда: сойди съ ума,
И спрашенъ будешь, какъ чума;
Какъ разъ тебя запруть;

Посадытъ на цѣпь дурака,
И сквозь рѣшетку, какъ звѣрка,
Дразнитъ тебя придуть.

А ночью слышашъ буду я,
Не голосъ яркій соловья,
Не шумъ глухой лѣсовъ;

А крикъ поварищей моихъ,
Да брань смопришелей ночныхъ,
Да визгъ, да звонъ оковъ.

ХУДОЖНИКУ.

Грустенъ и весель вхожу, Ваятель, въ свою
масперскую:

Гипсу ты мысли даешь, мраморъ послушенъ
тебѣ:

Сколько боговъ и богинь и героевъ!... Вотъ Зевсъ
громовержецъ;

Вотъ изъ-подлѣбья глядишь, дая въ цѣвницу
Сафиръ;

Здѣсь зачинатель Барклай, а здѣсь совершилъ
Купузовъ;

Тутъ Аполлонъ — идеаль, тамъ Ніобея —
печаль...

Весело мнѣ! Но межъ-тѣмъ, въ полнѣ молчали-
выхъ кумировъ—

Грустенъ гуляю: со мной добраго Дельвига
нѣтъ;

Въ темной могилѣ почилъ художниковъ другъ и
совѣтникъ.

Какъ бы онъ обнялъ тебя! какъ бы гордился
тобой!

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Въ шревогъ неспрой и безплодной
Большаго свѣша и Двора
Я сохранила взоръ холодный,
Простое сердце, умъ свободный
И правды пламень благородный—
И какъ дыша была добра,
Смѣялась надъ толпою вздорной,
Судила здраво и свѣшло,
И шупки злоспи самой черной
Писала прямо на-бѣло.

ДЕМОНЪ.

—

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнья бытія:
И взоры дѣвъ, и шумъ дубровы,
И ночью пѣнье соловья;
Когда возвышенныя чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенныя искусства
Такъ сильно волновали кровь:
Часы надеждъ и наслажденій
Тоской внезапной осѣня,
Тогда какой-то злобный геній
Спалъ тайно навѣщаешь меня.
Печальны были наши встрѣчи:
Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Неиспоцимый клеветною,
Онъ Провидѣнье искушалъ;

Онъ звалъ прекрасное мечшою,
Онъ вдохновенъ презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ;
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ:
И ничего во всей природѣ
Благословишь онъ не хотѣлъ.

ТРИ КЛЮЧА.

Въ снѣпи мірской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробились при ключа:
Ключъ юности — ключъ быспрый и мяшежный,
Кипишь, бѣжишь, сверкая и журча;
Каспальскій ключъ волною вдохновенья
Въ снѣпи мірской изгнанниковъ поишь;
Послѣдній ключъ, холодный ключъ забвенья —
Онъ слаще всѣхъ жаръ сердца упоишь.

Ш А Ж Ъ,

ИЛИ

ПЯТНАДЦАТИ-ЛѢТНІЙ КОРОЛЬ.

C'est l'age de Cherubin....

Пятнадцатъ лѣтъ мнѣ скоро минеть;
Дождусь ли радостнаго дня?
Какъ онъ впередъ меня подвинеть!
Но и теперь никто не кинетъ
Съ презрѣньемъ взгляда на меня.

Ужъ я не мальчикъ — ужъ надъ губой
Могу свой усъ я зашпунуть;
Я важенъ, какъ старикъ беззубой;
Вы слышите мой голосъ грубой:
Попробуй кто меня толкнуть!

Я нравлюсь дамамъ, ибо скромнѣ,
И между ними есмь одна....
И гордый взоръ ея такъ шеметъ,
И цвѣтъ ланинъ ея такъ пометъ,
Что жизни мнѣ милѣй она.

Она гопова хопъ въ пуспыню
Бѣжашъ со мной, презрѣвъ молву —
Хопише знашь мою богиню,
Мою Севильскую Графиню?
Нѣтъ! ни за что не назову!

А. Д. БАРАТЫНСКОЙ.

Когда-то, помню съ умиленьемъ,
Я смѣлъ васъ нянчить съ восхищеньемъ:
Вы были дивное дитя.
Вы разцвѣли: съ благоговѣньемъ
Вамъ нынѣ поклоняюсь я.
За вами сердцемъ и глазами
Съ невольнымъ препенемъ ношусь,
И вашей славою, и вами,
Какъ нянька старая, горжусь.

Д. В. ДАВЫДОВУ.

(При посылкѣ Исторіи Пугачевского бунта.)

Тебѣ пѣвцу, тебѣ герою!
Не удалось мнѣ за побою
При громѣ пушечномъ, въ огнѣ
Скакать на бѣшенномъ конѣ.
Наѣздникъ смирнаго пегаса,
Носилъ я спараго Парнасса
Изъ моды вышедшій мундиръ:
Но и по эпой службъ шрудной,
И шупъ — о мой наѣздникъ чудной,
Ты мой опецъ и командиръ.
Вошъ мой Пугачъ: при первомъ взглядѣ
Онъ виденъ: плушъ, козакъ прямой;
Въ передовомъ швоемъ опрядѣ
Урядникъ былъ бы онъ лихой.

ВЪ АЛЬБОМЪ

МИХ. АНДР. ЩЕРБИНИНУ.

Жишье шому, любезный другъ,
Кто спрасшью глупою не боленъ,
Кому влюбисься недосугъ,
Кто заняпъ всѣмъ и всѣмъ доволенъ;
Кто Надиньку подъ вечерокъ
За шайнымъ ужиномъ ласкаетъ,
И жирный Спразбургскій пирогъ
Виномъ душистымъ запиваетъ.

.
.
.
.

Поушру сладко дремлетъ онъ,
Чишая листикъ Инвалида;
Весь день веселью посвященъ,

.

И мы не такъ ли дни ведемъ,

Щербининъ, рѣзвый другъ забавы,
Покамѣспъ молоды и здравы?
Но дни младые пролепяшъ,
Сердца изсохнушъ и остынушъ.
Тогда безъ пѣсень, безъ подругъ,
Безъ наслажденій, безъ желаній,
Найдемъ опраду, милый другъ,
Въ пуманномъ снѣ воспоминаній!
Тогда, качая головой,
Скажу тебѣ у двери гроба:
« Ты помнишь Фанни, милый мой? »
— И тихо улыбнемся оба.

ОСЕННЕЕ ЧУВСТВО.

—

.
Какъ быстро въ полъ, вокругъ опкрышомъ,
Подкованъ вновь, мой конь бѣжитъ!
Какъ звонко подъ его копышомъ
Земля промерзлая спучитъ!

.
Какъ онъ взвился, репивый, смѣлый
Черезъ попокъ оледенѣлый!

.
Полезенъ Русскому здоровью
Нашъ укрѣпительный морозъ.
Ланины жарче вѣшнихъ розъ
Играютъ холодомъ и кровью

.

ЕЯ ГЛАЗА.

(Въ отвѣтъ на стихи князя В — го).

—

Она мила — скажу межъ нами —
Придворныхъ випязей гроза,
И можно съ южными звѣздами
Сравнишь, особенно спихами,
Ея Черкесскіе глаза.
Она владѣетъ ими смѣло,
Они горятъ огня живѣй;
Но самъ признайся, то ли дѣло
Глаза О ... моей!
Какой задумчивый въ нихъ геній,
И сколько дѣшской простоты,
И сколько томныхъ выраженій,
И сколько нѣги и мечты! ...
Попушишь ихъ съ улыбкой Леля —
Въ нихъ скромныхъ грацій торжество;
Поднимешь — ангель Рафаэля
Такъ созерцаетъ Божество.

—

АНТОЛОГИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Юношу, горько рыдая, ревнивая дѣва бранила;
 Къ ней на плечо преклоненъ, юноша вдругъ
 задремаль.

Дѣва підпчасъ умолкла, сонъ его легкій лелѣя,
 И улыбалась ему, шихія слезы лія.

II.

Не розу Павосскую,
Росой оживленную,
Я нынѣ пою;
Не розу Феосскую,
Виномъ окропленную,
Спихами хвалю;
Но розу счастливую,
На персяхъ увядшую
Элины моей — — —

III.

LVII ОДА АНАКРЕОНА.

Что же сухо въ чашѣ дно?
Наливай мнѣ, мальчикъ рѣзвой;
Только пьяное вино
Распвори водою презвой.
Мы не Скиѣы; не люблю,
Други, пьянствовать безчинно;
Нѣтъ! за чашей я пою,
Иль бесѣдную невинно.

IV.

Богъ веселый винограда
Позволяетъ намъ при чаши
Выпивать въ пиру вечернемъ:
Чаша первая Харишамъ
Обнаженнымъ и спыдливымъ
Посвящается; вшорая
Краснощекому здоровью;
Третья дружбѣ многолѣтней.
Мудрый послѣ прѣшней чаши,
Всѣ вѣнки съ главы слагая,
Совершаетъ возліянье
Благодашному Морфею.

V.

Юноша ! скромно пируй , и шумную Вакхову
влагоу
Съ презвой спруею воды , съ мудрой бесѣдой
мѣшай.

*

VI.

МАЛЬЧИКУ.*(Изъ Катутла).**Minister vetuli puer.*

Пьяной горечью Фалерна
Чашу мнѣ наполни, мальчикъ:
Такъ Поспумія велѣла,
Предсѣдательница оргій.
Ты же прочь, рѣчная влага —
И струей, вину враждебной,
Спрогихъ постниковъ довольсшуй:
Чистый намъ любезенъ Бахусъ.

VII.

ИЗЪ АНАКРЕОНА.*(Отрывокъ).*

Узнаемъ коней репивыхъ
Мы по вызженнымъ шаврамъ;
Узнаемъ Пароянъ кичливыхъ
По высокимъ клобукамъ:
Я любовниковъ счастливыхъ
Узнаю по ихъ глазамъ.

ПОДРАЖАНІЕ ИТАЛЬЯНСКОМУ.

Какъ съ древа сорвался предашель ученикъ,
Лукавый прилепѣль, къ лицу его приникъ,
Дхнулъ жизнь въ него, взвился съ своей добычей
смрадной
И бросилъ прупъ живой въ горшанъ геенны
гладной...

Тамъ бѣсы, радуясь и плеща, на рога
Пріяли съ хохомъ всемірнаго врага
И шумно понесли къ проклятому владыкѣ.
И Сапана, привспавъ, съ веселіемъ на ликѣ,
Лобзаніемъ своимъ насквозь прожегъ уша,
Въ предашельную ночь лобзавшія Христа.

ЖАЛОБА.

Вашъ дѣдъ поршней, вашъ дядя поваръ,
А вы, вы модный господинъ —
Таковъ объ васъ народный говоръ,
И дива нѣтъ — не вы одинъ
Пошомокъ предковъ благородныхъ.
Увы! никакъ въ моей роднѣ
Не шьешь мнѣ даромъ фраковъ модныхъ
И не варишь обѣда мнѣ.

ДОБРЫЙ СОВѢТЪ.

Давайше пишь и веселишься,
Давайше жизнию играшь;
Пусшь чернь слѣпая суешился —
Не намъ безумной подражаешь.
Пусшь наша въпреная младосшь
Попонешъ въ нѣгъ и въ винъ;
Пусшь измѣняющая радосшь
Намъ улыбнешся хошь во снѣ.
Когда же юносшь легкимъ дымомъ
Умчишь веселосшь юныхъ дней,
Тогда у сшаросши опымемъ
Все, что опымешся у ней.

КЪ *.**

Счастливъ, кто избранъ своею правдою
Твоей похвалою мечтой,
При комъ любовью мѣешь явно,
Чьи взоры властвуютъ побой;
Но жалокъ тотъ, кто молчаливо,
Старая пламенемъ любви,
Пошупя голову ревниво,
Признанья слушаешь свои.

ПОДРАЖАНІЕ АРАБСКОМУ.

Опрокъ милый, опрокъ нѣжный,
Не сшыдись, на-вѣкъ шы мой!
Топъ же въ насъ огонь мяшежный —
Жизнью мы живемъ одной.
Не боюся я насмѣшекъ —
Мы сдвоились межъ собой:
Мы почъ-въ-почъ двойной орѣшекъ
Подъ одною скорлупой.

ЛЕИЛА.

—

Опѣ меня вечеръ Леила
Равнодушно уходила.
Я сказалъ: поспой! куда?
А она мнѣ возразила:
Голова швоя сѣда.
Я насмѣшницѣ нескромной
Опвѣчалъ: всему пора!
То, что было мускусъ шемной,
Спало нынче камфора.
Но Леила неудачнымъ
Посмѣялася рѣчамъ
И сказала: знаешь самъ,
Сладокъ мускусъ новобрачнымъ,
Камфора годна гробамъ.

М. А. Г.

—

Давно объ ней воспоминанье
Ношу въ сердечной глубинѣ;
Ея минувшее вниманье
Оспрадой долго было мнѣ.
Твердилъ я сшихъ обвороженный,
Мой сшихъ, унынья звукъ живой,
Такъ мило ею повпоренный,
Замѣченный ея душой.
Вновь лиръ слезъ и хладной скуки
Она съ учаспiемъ вняла —
И нынѣ ей передала
Свои плѣнительные звуки
Довольно! въ гордоспи моей
Я мыслишь буду съ умиленьемъ:
Я славой былъ обязанъ ей,
А, можешь быть, и вдохновеньемъ.

ЛИЦЕЙСКАЯ ГОДОВЩИНА.

Чѣмъ чаще празднуетъ Лицей
Свою свящую годовщину,
Тѣмъ робче спарый кругъ друзей
Въ семью спѣсняется едина,
Тѣмъ рѣже онъ; пѣтъ праздникъ нашъ
Въ своемъ веселіи мрачнѣе,
Тѣмъ глуше звонъ задравныхъ чашъ
И наши пѣсни пѣтъ грустнѣе.

Давно ль, друзья.... Но двадцать лѣтъ
Тому прошло; и что же вижу?
Того Царя въ-живыхъ ужъ нѣтъ;
Мы жгли Москву, былъ плѣнь Парижу,
Угасъ въ пюрьмъ Наполеонъ,
Воскресла Грековъ древнихъ слава,
Съ преспола палъ другой Бурбонъ,
Отбунтовала вновь Варшава.

Такъ дуновенья бурь земныхъ
И насъ нечаянно касались;

И мы средь пиршесствъ молодыхъ
Душею часто омрачались;
Мы возмужали; Рокъ судилъ
И намъ жишейски испыпанья;
И смерти духъ средь насъ ходилъ,
И назначалъ свои закланья.

Шестъ мѣсцъ упраздненныхъ спояшъ;
Шести друзей не узримъ болѣ;
Они, разбросанные, спяшъ
Кпо здѣсь, кпо шамъ, на рашномъ полѣ,
Кпо дома, кпо въ землѣ чужой,
Кого недугъ, кого печали
Свели во мракъ земли сырой;
И всѣхъ мы брашки поминали.

И мнишся, очередь за мной...
Зовешъ меня мой Дельвигъ милый,
Товарищъ юности живой,
Товарищъ юности унылой,
Товарищъ пѣсень молодыхъ,
Пировъ и чиспыхъ помышленій,
Туда, въ толпу пѣней родныхъ
На-вѣкъ опъ насъ ушедшій геній.

КЪ Н**.

—

Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ;
Тебя мы долго ожидали;
И свѣселъ ты сошелъ съ шаинспвенныхъ вер-
шинъ,
И вынесъ намъ свои скрижали.
И что жъ? ты насъ обрѣлъ въ пустынь подъ
шапромъ,
Въ безумствѣ суешнаго пира,
Поющихъ буйну пѣснь и скачущихъ кругомъ
Отъ насъ созданнаго кумира.
Смутились мы, твоихъ чуждаяся лучей.
Въ порывѣ гнѣва и печали
Ты проклялъ насъ, безсмысленныхъ дѣшей,
Разбивъ листы своей скрижали.
Нѣтъ! ты не проклялъ насъ. Ты любишь съ
высопы
Скрываться въ тѣнь долины малой;
Ты любишь громъ небесъ, и также внимашь ты
Журчанью пчелъ надъ розой алой.

РАЗСТАВАНІЕ.

Въ послѣдній разъ пвой образъ милой
Дерзаю мысленно ласкашь,
Будишь мечту сердечной силой
И съ нѣгой робкой и унылой
Твою любовь воспоминашь.

Бѣгушь, мѣняясь, наши лѣта,
Мѣняя все, мѣняя насъ —
Ужъ ты для своего поэта
Могильнымъ сумракомъ одѣта,
И для тебя пвой другъ угасъ.

Прими же, дальная подруга,
Прощанье сердца моего,
Какъ овдовѣвшая супруга,
Какъ другъ, обнявшій молча друга
Передъ изгнаніемъ его.

РОМАНСЪ.

Предъ Испанкой благородной
Двое рыцарей спояпъ;
Оба смѣло и свободно
Въ очи прямо ей глядяпъ.
Блещутъ оба красопою,
Оба сердцемъ горячи,
Оба мощною рукою
Оперлися на мечи.

Жизни имъ она дороже
И какъ слава имъ мила,
Но одинъ ей милъ. Кого же
Дѣва сердцемъ избрала?
Кшо, рѣши, любимъ побою?
Оба дѣвѣ говорятъ —
И съ надеждой молодою
Въ очи прямо ей глядяпъ.

АКВИЛОНЪ.

Зачѣмъ ты, грозный Аквилонъ,
Трошникъ болотный долу клонишь?
Зачѣмъ на дальній небосклонъ
Ты облако споль гнѣвно гонишь?

Недавно черныхъ тучъ грядой
Сводъ неба глухо облакался;
Недавно дубъ надъ высокою
Въ красѣ надменной величался.

Но ты поднялся, ты разыгралъ,
Ты про шумѣлъ грозой и славой —
И бурны тучи разогналъ
И дубъ низвергнулъ величавой.

Пускай же солнца ясный ликъ
Опныиъ радостью блистаетъ
И облакомъ зефиръ играетъ
И пиho зыблется тростникъ.

НОЧЬЮ, ВО ВРЕМЯ БЕЗСОННИЦЫ.

—

Мнѣ не спится, нѣтъ огня:
Всюду мракъ и сонъ докучной;
Ходъ часовъ лишь однозвучной
Раздается близъ меня.
Парки бабье лепешанье,
Спящей ночи трепешанье,
Жизни мышья бѣгошья —
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучной тешень?
Укоризна, или ропошь
Мной упраченнаго дня?
Опъ меня чего ты хочешь?
Ты зовешь, или пророчишь?
Я понялъ себя хочу,
Темный пивой языкъ учу....

—

ЗАКЛИНАНИЕ.

—
О, если правда, что въ ночи,
Когда покояшся живые
И съ неба лунные лучи
Скользятъ на камни гробовые,
О, если правда, что тогда,
Пустѣютъ тихія могилы —
Я шѣнь зову, я жду Лейлы:
Ко мнѣ, мой другъ, сюда, сюда!

Явись, возлюбленная шѣнь,
Какъ ты была передъ разлукой,
Блѣдна, холодна, какъ зимній день,
Искажена послѣдней мукой.
Приди, какъ дальная звѣзда,
Какъ легкій звукъ иль дуновенье,
Иль какъ ужасное видѣнье,
Мнѣ все равно: сюда, сюда!....

Зову тебя, не для того,
Чтобъ укорять людей, чья злоба

Убила друга моего,
Иль чщобъ извѣдашь тайны гроба;
Не для того, чщо иногда
Сомнѣньемъ мучусь.... но поскуя,
Хочу сказаць, чщо все люблю я,
Чщо все я твоей. Сюда, сюда!

КАПРИЗЪ.

Румяной кришикъ мой, насмѣшникъ полспо-
пузой,
Гоповый вѣкъ трунишь надъ нашей помной му-
зой,
Подика ты сюда, присядь-ка ты со мной;
Попробуй, сладимъ ли съ проклятою хандрой.
Что жъ ты нахмурился? Нельзя ли блажь оспа-
вишь
И пѣсенкою насъ веселой позабавишь?
Смогри, какой здѣсь видъ : избушекъ рядъ убогой,
За ними черноземъ, равнины скапъ оплогой,
Надъ ними сѣрыхъ тучъ густая полоса.
Гдѣ жъ нивы свѣшлыя? гдѣ темные лѣса?
Гдѣ рѣчка? На дворъ у низкаго забора
Два бѣдныхъ деревца спояшь въ опраду взора,
Два только деревца, и то изъ нихъ одно
Дождливой осенью совсѣмъ обнажено,
А листья на другомъ размокли и, желшѣя,
Чтобъ лужу засоришь, ждущъ перваго борея.

И только. На дворъ живой собаки нѣтъ.

Вопъ, правда, мужичекъ; за нимъ двѣ бабы вслѣдъ.

Безъ шапки онъ; несетъ подъ мышкой гробъ

ребенка

И кличетъ издали лѣниваго попенка,

Чпобъ топъ опца позвалъ, да церковь опворилъ.

Скорѣй! ждашь нѣкогда! давно бѣ ужъ схоронилъ.

ОТРЫВОКЪ.

Ты сердцу непонятный мракъ,
Пріюшь опчаянья слѣпаго,
Ничтожество! пустою призракъ.
Не жажду твоего покрова.
Мечтанье жизни разлюбя,
Счастливыхъ дней не знавъ опъ вѣка,
Я все не вѣрую въ себя;
Ты чуждо мысли человека!
Тебя спрашишь гордый умъ.
Такъ пунникъ, съ вышины внимая
Ручьевъ Алпійскихъ вѣчный шумъ
И взоры въ бездну погружая,
Невольнымъ ужасомъ помимъ,
Дрожишь, колеблешся — предъ нимъ
Предметы движущся, темнѣютъ,
Въ немъ чувства хладныя нѣмѣютъ,
Кругомъ оплоша ищешь онъ,
Все мчишь, меркнешь, исчезаешь....
И хладный обморока сонъ

На край горы его бросаетъ....
Но, улещѣвъ въ міры иные,
Уже ли съ ризой гробовой
Всѣ чувства брошу я земныя
И чуждѣ мнѣ спанетъ міръ земной?
Уже ли тамъ, гдѣ все блистаетъ
Неплѣнной славой и красой,
Гдѣ чистый пламень пожираетъ
Несовершенство бытія,
Минувшихъ жизни впечатлѣній
Не сохранитъ душа моя,
Не буду вѣдать сожалѣній,
Тоску любви забуду я?
Любви! Но что же за могилой
Переживетъ еще меня?
Во мнѣ бессмертна память милой:
Что безъ нея душа моя?

.

Вы насъ увѣрили, поэты,
Что тѣни тайною толпой
Опѣ береговъ печальной Лешы
Слепаются на брегъ земной.
Онѣ уныло посѣщаютъ
Мѣста, гдѣ жизнь была мила
И въ сновидѣньяхъ утѣшаютъ
Сердца покинутыхъ друзей....
Онѣ, бессмертіе вкушая,

Въ элизій поджидають ихъ
Какъ въ праздникъ ждесть семья родная
Замедлившихъ госпей своихъ....

.

Мечпы поэзи прелестной,

Благословенныя мечпы!

Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный

И ваши тайныя цвѣты.

М*.

Онъ между нами жилъ,
Средь племени ему чужаго; злобы
Въ душѣ своей къ намъ не питалъ онъ; мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Онъ посѣщалъ бесѣды наши. Съ нимъ
Дѣлились мы и чистыми мечтами
И пѣснями (онъ вдохновенъ былъ свыше
И съ высоты взиралъ на жизнь). Нерѣдко
Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединяшся.
Мы жадно слушали поэта. Онъ
Ушелъ на западъ — и благословеньемъ
Его мы проводили. Но теперь
Нашъ мирный гость намъ спалъ врагомъ, и нынѣ
Въ своихъ спихахъ, угодникъ черни буйной,
Поетъ онъ ненависть: Издалека
Знакомый голосъ злобнаго поэта,
Доходишь къ намъ!.... О Боже! возврати
Твой миръ въ его озлобленную душу.

ПОДРАЖАНІЯ ДАНТУ.

I.

Въ началѣ жизни школу помню я;
Тамъ насъ, дѣшей безпечныхъ, было много —
Неравная и рѣзвая семья;

Смиренная, одѣтая убого,
Но видомъ величавая, жена
Надъ школою надзоръ хранила сстрогаго.

Толпою нашею окружена,
Пріятнымъ, сладкимъ голосомъ, бывало,
Съ младенцами бесѣдуетъ она.

Ея чела я помню покрывало
И очи свѣплыя какъ небеса —
Но я вникалъ въ ея бесѣды мало.

Меня смущала строга краса
Ея чела, спокойныхъ уснѣ и взоровъ
И полныя свяпыни словеса.

Дичась ея совѣшвъ и укоровъ,
Я про себя превратно толковалъ
Понятный смыслъ правдивыхъ разговоровъ.

И часто я украдкой убѣгалъ
Въ великолѣпный мракъ чужаго сада
Подъ сводъ искусственный порфирныхъ скалъ.

Тамъ нѣжила меня деревъ прохлада;
Я предавалъ мечтамъ мой слабый умъ,
И праздномыслишь было мнѣ опрада.

Любилъ я свѣшлыхъ водъ и лиспьевъ шумъ
И бѣлые въ тѣни деревъ кумиры
И въ ликахъ ихъ печашь недвижныхъ думъ.

Все мраморные циркули и лиры
И свиски въ мраморныхъ рукахъ
И длинныя на ихъ плечахъ порфиры —

Все наводило сладкій нѣкій страхъ
Мнѣ на сердце; и слезы вдохновенья
При видѣ ихъ раждались на глазахъ.

Другія два чудесныя творенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двухъ бѣсовъ изображенья.

Одинъ (Дельфійскій идолъ) ликъ молодой —
Былъ гнѣвъ, полонъ гордости ужасной
И весь дышалъ онъ силой неземной.

Другой женообразный, сладоспирасный,
Сомнительный и лживый идеаль —
Волшебный демонъ — лживый, но прекрасный.

.

II.

И далѣ мы пошли — и страхъ обнялъ меня.
Бѣсенокъ, подѣ себя поджавъ свое копыно,
Крупилъ росповщика у адскаго огня.

Горячій капаль жиръ въ копченое корыто,
И лопаль на огнѣ печеный росповщикъ.
А я: повѣдай мнѣ, въ сей казни чпо сокрыто?

Виргилій мнѣ: мой сынъ, сей казни смыслъ
великъ;
Одно спяжаніе имѣвъ вездѣ въ предметѣ,
Жиръ должниковъ своихъ сосалъ сей злой

И ихъ безжалостно крупилъ на вашемъ свѣтѣ.
Тупъ грѣшникъ жареный просяжно возопилъ:

«О, если бѣ я шеперь шонулъ въ холодной Лепѣ,

«О, еслибъ зимній дождь мнѣ кожу оспудилъ!
«Спо на спо я терплю: проценѣть неимовѣрный!»
Тупъ звучно лопнулъ онъ — я взоры отвращилъ.

Тогда услышалъ я (о диво!) запахъ скверный,
Какъ будто тухлое разбилось лицо,
Иль караншинный спражъ курилъ жаровней сѣрной.

Я, носъ себѣ зажавъ, закрылъ свое лицо.
Но мудрый вождь шасиль меня все далѣ, далѣ—
И, камень приподнявъ за мѣдное кольцо,

Сопли мы внизъ — и я узрѣлъ себя въ подвалѣ.
Тогда я демоновъ увидѣлъ черный рой,
Подобный издали вапакъ муравьиной —
И бѣсы пѣшились прокляшою игрой:

До свода адскаго касалась вершиной
Гора спекляная, гладка, круша, оспра —
И разлегалась надъ темною равниной;

И бѣсы, раскаливъ какъ жаръ чугуны ядра,
Пуспили внизъ его смердящими когтями.
Ядро запрыгало — и гладкая гора,

Звеня, распрескалась колючими звѣздами —
Тогда другихъ чершей неперпѣливый рой
За жершвой кинулся съ ужасными словами.

Схвапили подъ руки жену съ ея сеспррой,
И обнажили ихъ, и внизъ пихнули съ крикомъ —
И обѣ сидючи пуспились внизъ спрѣлой;

Порывъ опчаянья являлъ ихъ въ воплѣ дикомъ;
Спекло ихъ рѣзало, впивалось въ плѣло имъ —
А бѣсы прыгали въ веселіи великомъ.

Я издали глядѣлъ — смущеніемъ помимъ.

.

РОДРИГЪ.

На Испанію родную
Призвалъ Мавра Юліанъ;
Графъ за личную обиду
Мспишъ рѣшился королю.

Дочь его Родригъ похищилъ,
Обезчестилъ древній родъ;
Вошъ за чпо опчизну предалъ
Раздраженный Юліанъ.

Мавры хлынули попокомъ
На Испанскіе брега —
Царство Гошѣовъ миновалось,
И съ престола палъ Родригъ.

Гошѣы пали не безславно:
Храбро билися они;
Долго Мавры сомнѣвались,
Одолѣшъ кшо кого.

Восемь дней сраженъе длилось;
Споръ рѣшенъ былъ наконецъ :
Былъ на полѣ битвы пойманъ
Конь любимый короля;

Шлемъ и мечъ его тяжелый
Были найдены въ пыли.
Короля почли убитымъ —
И никто не пожалѣлъ.

Но Родригъ въ-живыхъ остался:
Бился онъ всѣ восемь дней;
Онъ сперва хотѣлъ побѣды,
Тамъ ужъ смерти лишь хотѣлъ.

И кругомъ свиспали стрѣлы,
Не касая его;
Мимо droшки лешали;
Шлема мечъ не разсѣкалъ.

Напоследокъ, упомившись,
Соскочилъ съ коня Родригъ,
Мечъ съ запекшеюся кровью
Опъ ладони ошклеилъ.

Бросилъ на-земь шлемъ пернатый
И блестящую броню. —

И, спасенный мракомъ ночи,
Съ поля битвы онъ ушелъ.

Опъ полей кровавой битвы
Удаляется Родригъ;
Короля опередила
Вѣсть о гибели его.

Стариковъ и бѣдныхъ женщинъ
На распустьяхъ видитъ онъ;
Всѣ толпой бѣгутъ опъ Мавровъ
Къ укрѣпленнымъ городамъ.

Всѣ, рыдая, молятъ Бога
О спасеньи Христіанъ;
Всѣ Родрига проклинаятъ —
И проклятья слышитъ онъ.

И съ поникшею главою
Мимо ихъ пройди спѣшитъ,
И не смѣетъ даже молвить:
Помолишесь за него.

Наконецъ на берегъ моря
Въ претій день приходишь онъ —
Видитъ темную пещеру
На пустынномъ берегу.

★

Въ той пещерѣ онъ находить
Крестъ и заснуть — а въ углу
Трупъ опшельника и яму,
Имъ изрытую давно.

Тлѣнне трупа не коснулось;
Онъ лежить окоспѣвъъ,
Ожидая погребенья
И молитвы Христіанъ.

Трупъ опшельника съ молитвой
Схоронилъ Родригъ король,
И въ пещерѣ поселился
Надъ могилою его.

Онъ пишась спалъ плодами
И водою ключевой,
И себѣ могилу вырылъ
Какъ предшественникъ его.

Короля въ уединеньи
Спалъ лукавый искушавъ,
И видѣньями ночными
Крошкѣй сонъ его мушавъ.

Онъ проснулся съ содроганьемъ,
Полонъ страха и стыда —

Упоеніе соблазна
Сокрушаешъ духъ его.

Хочешъ онъ молишься Богу
И не можешъ: бѣсъ ему
Шепчешъ въ уши звуки бипвы
Или спрашныя слова.

Онъ въ уныніи проводишь
Дни и ночи недвижимъ,
Успремивъ глаза на море,
Поминая спарину.

Но опшельникъ, чьи ошашки
Онъ усердно схоронилъ,
За него передъ Всевышнимъ
Заспунился въ небесахъ.

Въ сновидѣннѣ благодапномъ
Онъ явился королю,
Бѣлой ризою одѣянъ
И сіяньемъ окруженъ.

И король, обѣяпый спрахомъ,
Ницъ повергся передъ нимъ,
И въщаль ему угодникъ:
Вспанъ — и міру вновь явись.

Ты вѣнецъ упранилъ царской;
Но Господь рукъ твоей
Дася побѣду надъ врагами,
А душѣ твоей покой.

Пробудясь, Господню волю
Сердцемъ онъ уразумѣлъ,
И, съ пустынею распавшись,
Въ пущь отправился король.

ОТРЫВОКЪ.**I.**

Однажды, спрансхвуя среди долины дикой
Незапно былъ объятъ я скорбію великой
И тяжкимъ бременемъ подавленъ и согбенъ,
Какъ пошъ, кшо на судъ въ убійствѣ уличенъ.
Пошупя голову, въ поскѣ ломая руки,
Я въ вопляхъ изливаль души пронзенной муки
И горько повпорялъ, мешаясь какъ больной:
Чшо дѣлать буду я? чшо спанеся со мной?

II.

И такъ я, съшуя, въ свой домъ пришелъ обратно.
Уныніе мое всѣмъ было непонятно.
При дѣшяхъ и женѣ сначала я былъ пихъ,
И мысли мрачныя хотѣлъ пайшь опъ нихъ;
Но скорбь часъ опъ часу меня спѣсняла боль —
И сердце наконецъ ошкрылъ я по-неволя.
«О горе, горе намъ! Вы, дѣши, шы, жена,

Сказалъ я, вѣдайше : моя душа полна
Тоской и ужасомъ; мучительное бремя
Тягчишь меня. Идешь! ужъ близко, близко время:
Нашъ городъ пламени и выпрамя обреченъ;
Онъ въ угли и золу вдругъ будетъ обращенъ —
И мы погибнемъ всѣ, коль не успѣемъ вскорѣ
Обрѣспъ убѣжище — а гдѣ? о горе, горе!»

III.

Мои домашніе въ смущеніе пришли
И здравый умъ во мнѣ разсброеннымъ почли.
Но думали, что ночь и сна покой цѣлебной
Охолодящъ во мнѣ болѣзни жаръ враждебной.
Я легъ, но во всю ночь все плакалъ и вздыхалъ
И ни на мигъ очей тяжелыхъ не смыкалъ.
Поушпру я одинъ сидѣлъ, оставя ложе.
Они пришли ко мнѣ; на ихъ вопросъ я то же,
Что прежде говорилъ. Тупъ ближніе мои,
Не довѣряя мнѣ, за должное почли
Прибѣгнушь къ сшрогосши. Они съ ожесшоченьемъ
Меня на правый пущъ и бранью и презрѣньемъ
Сшарались обрашшшь. Но я, не внемля имъ,
Все плакалъ и вздыхалъ, уныніемъ пѣснимъ.
И наконецъ они опшъ крика упомились
И опшъ меня, махнувъ рукою, опшшупились
Какъ опшъ безумнаго, чья рѣчь и дикій плачь
Докучны, и кому суровый нуженъ врачъ.

IV.

Пошелъ я вновь бродить — уныньемъ изнывая
И взоры вокругъ себя со страхомъ обращая,
Какъ рабъ, замыслившій опчаянный побѣгъ,
Иль пушникъ, до дождя спѣшащій на ночлегъ.
Безсонный пруженикъ, влача свою веригу,
Я встрѣшилъ юношу, читающаго книгу.
Онъ тихо поднялъ взоръ и спросилъ меня:
О чемъ, бродя одинъ, такъ горько плачу я?
И я въ отвѣтъ ему: познай мой жребій злобный;
Я осужденъ на смерть и позванъ въ судъ за-
гробный —
И вопль о чемъ крушусь; къ суду я не гошовъ,
И смерть меня спрашивъ. «Коль жребій твой
пакъ,
Онъ возразилъ, и ты пакъ жалокъ въ самомъ дѣлѣ,
Чего жъ ты ждешь? зачѣмъ не убѣжишь опселе?»
И я: куда жъ бѣжать? Какой мнѣ выбрать путь?
Тогда: не видишь ли твой взоръ чего нибудь?
Сказалъ мнѣ юноша, вдаль указуя перстомъ.
Я окомъ спалъ глядѣвъ болѣзненно-опшверзнымъ
Какъ опъ бѣльма врачомъ избавленный слѣпецъ
Я вижу нѣкій свѣтъ — сказалъ я наконецъ.
«Иди жъ — онъ продолжалъ: держись сего ты
свѣта;
Пусть будешь онъ тебѣ единственная мѣша,
Доколѣ оныхъ врагъ еще ты не доспигъ;

Ступай!» И я бѣжашъ пустился въ топъ же
мигъ.

Побѣгъ мой произвелъ въ семьѣ моей превогу:
И дѣти и жена кричали мнѣ съ порогу,
Чтобъ ворошился я скорѣе. Крики ихъ
На площадь привлекли пріятелей моихъ.
Одинъ бранилъ меня, другой моей супругъ
Совѣты подавалъ, иной жалѣлъ о другѣ;
Кто поносилъ меня, кто на-смѣхъ подымалъ,
Кто силой ворошишь сосѣдамъ предлагалъ;
Иные ужъ за мной гнались — но я шѣмъ болѣ
Спѣшилъ перебѣжашъ городовое поле,
Дабы скорѣй войши, оставя шѣ мѣсца,
Спасенія пушемъ въ таинственны врага! —

АЛЬБОМЪ ОНЪГИНА.

I.

Меня не любяшь и клеветуешь;
Въ кругу мужчинъ несносенъ я,
Дѣвчонки предо мной пренебрежешь,
Косаясь дамы на меня.
За что? За то, что разговоры
Принять мы рады за дѣла,
Что вздорнымъ людямъ важны вздоры,
Что глупость въпрена и зла,
Что пылкихъ душъ неоспороженъ
Самолюбивую ничтоженъ
Иль оскорбляешь, иль смѣшишь,
Что умъ, любя просторъ, шѣпчетъ.

II.

Боитесь вы Гра — овой?
Сказала имъ Элиза К.

Да, возразилъ NN суровый,
Боимся мы Гра — овой,
Какъ вы боишесь паука.

III.

Въ Коранѣ много мыслей здравыхъ.
Вопѣ напрымѣрь : предѣ каждымъ сномъ
Молись; бѣги пушей лукавыхъ,
Чши правду и не спорь съ глупцомъ.

IV.

Цвѣшокъ полей, листокъ дубравъ
Въ ручѣ Кавказскомъ каменѣешь;
Въ волненьи жизни шакъ мершвѣешь
И въшренный и пылкій нравъ.

V.

Шешаго. Былъ у В. на балѣ:
Довольно пусто было въ залѣ.
В. С. какъ ангелъ хороша:
Какая вольность въ обхожденьи!
Въ улыбкѣ, въ шомномъ глазѣ движеньи
Какая нѣга и душа!

VI.

Вечоръ сказала мнѣ Р. С.
Давно желала я васъ видѣть.
Зачѣмъ? — Мнѣ говорили всѣ,
Что я васъ буду ненавидѣть. —
Зачто? — За рѣзкій разговоръ,
За легкомысленное мнѣнье
О всемъ; за колкое презрѣнье
Ко всѣмъ. Однако жъ это вздоръ.
Вы надо мной смѣялись власны,
Но вы совсѣмъ не такъ опасны;
И знали ль вы до сей поры,
Что проспо — очень вы добры?

VII.

Сокровища роднаго слова,
Замѣшая важные умы,
Для лепешанія чужаго
Пренебрегли безумно мы.
Мы любимъ музъ чужихъ игрушки,
Чужихъ нарѣчій погремушки,
А не чишаемъ книгъ своихъ.
Да гдѣ жъ онѣ? давайте ихъ!
Конечно: сѣверные звуки
Ласкающъ мой привычный слухъ;
Ихъ любилъ мой Славянскій духъ;

Ихъ музыкой сердечны муки
 Усыплены: по дорожипъ
 Одними ль звуками піипъ?
 И гдѣ жъ мы первыя познанья
 И мысли первыя нашли?
 Гдѣ повѣряемъ испыпанья,
 Гдѣ узнаемъ судьбу земли?
 Не въ переводахъ одичалыхъ,
 Не въ сочиненьяхъ запоздалыхъ,
 Гдѣ Русскій умъ и Русскій духъ
 Зады швердишъ и лжешъ за двухъ.

.

Поэты наши переводяшъ,
 Или молчащъ; одинъ журналъ
 Исполненъ припорныхъ похвалъ,
 Топтъ брани плоской; всѣ наводяшъ
 Зѣвопу скуки, чущъ не сонъ:
 Хорошъ Россійскій Геликонъ!

VIII.

Морозъ и солнце — чудный день!
 Но нашимъ дамамъ видно лѣнь
 Сойти съ крыльца и надъ Невою
 Блеснуть холодной красою;
 Сидяшъ — напрасно ихъ манишъ

Пескомъ усыпанный гранитъ.
Умна воспочная сиспема
И правъ обычай спариковъ :
Онъ родились для гарема
Иль для неволи. . . .

IX.

Вчера, у В. оставя пиръ,
Р. С. лепъла какъ зефиръ,
Не внемля жалобамъ и пѣнямъ;
А мы по лаковымъ ступенямъ
Лепъли шумною толпой
За Одалиской молодой.
Послѣдній звукъ послѣдней рѣчи
Я опъ нея поймашъ успѣлъ;
Я чернымъ соболемъ одѣлъ
Ея блистающія плечи;
На кудри милой головы
Я шаль зеленую накинулъ;
Я предъ Венерою Невы
Толпу влюбленную раздвинулъ.

X.

Сегодня былъ я ей представленъ,
Глядѣлъ на мужа съ полчася:
Онъ важенъ, красишь волоса,
Онъ чиномъ опъ ума избавленъ.

XI.

Часы бѣгутъ — она забыла,
Что дома ждуть ее давно.
Уже ль загадку разрѣшила,
Уже ли слово найдено? ...

СЦЕНЫ ИЗЪ БОРИСА ГОДУНОВА.

I.

Девичье-поле. Новодѣвичій монастырь. Народъ.*

Одинъ.

Теперь они пошли къ царицѣ въ келью;
Туда вошли Борисъ и папріархъ
Съ толпой бояръ.

Другой.

Что слышно?

Третій.

Все еще

Упрямился; однако есть надежда.

БАБА (*съ ребенкомъ.*)

Агу! не плачь, не плачь! Вопъ бука, бука
Тебя возьмешь! Агу, агу... не плачь.

Одинъ.

Нельзя ли намъ пробраться за ограду?

* Эта сцена, исключенная Пушкинымъ изъ трагедіи, слѣдуетъ въ оригиналь за сценою на Красной площади.

Другой.

Нельзя. Куда? и въ полѣ даже тѣсно,
Не только шамъ. Легко ли? вся Москва
Сперлася здѣсь. Смощри: ограда, кровли,
Всѣ ярусы соборной колокольни,
Главы церквей и самыя кресны
Унизаны народомъ.

Первый.

Право, любо!

Одинъ.

Что шамъ за шумъ?

Другой.

Послушай.... что за шумъ?

Народъ завылъ: шамъ падающъ что волны
За рядомъ рядъ.... еще.... еще! Ну, брашъ,
Дошло до насъ: скорѣе, на колѣна!

Народъ (*сой и плачь.*)

Ахъ, смилуйся, опецъ нашъ! Власшвуй нами!
Будь нашъ опецъ, нашъ царь!

Одинъ.

О чемъ шамъ плачущъ?

Другой.

А какъ намъ знашь? шо вѣдающъ бояре —
Не намъ чеша.

БАБА (съ ребенкомъ.)

Ну что жъ? какъ надо плакать,
Такъ и запихъ! (ребенокъ плачетъ.) Ну, по-то же!

Одинъ.

Всѣ плачуть —
Заплачемъ, братъ, и мы!

Другой.

Да слезъ-то нѣтъ.
Что тамъ еще?

Первый.

Да кто ихъ разберетъ?

Народъ.

Вънецъ за нимъ! онъ Царь! онъ согласился....
Борисъ нашъ Царь! да здравспивуетъ Борисъ!

II.

Замокъ воеводы Мишика, въ Самборѣ. Марина. Рузя убираетъ ее; служанки.

МАРИНА (передъ зеркаломъ.)
Ну, что жъ? гошово ли? нельзя ли поспѣшишь?

РУЗЯ.
Позвольте — напередъ рѣшите выборъ трудный:
Что вы надѣнете, жемчужную ли нишь,
Иль полумѣсяцъ изумрудной?

МАРИНА.
Алмазной мой вѣнецъ.

РУЗЯ.
Прекрасно! Помните, его вы надѣвали,
Когда изволили вы ѣздить во дворецъ?
На балъ, говоряшь, какъ солнце вы блистали:
Мужчины ахали, красавицы шептали....

* Эта сцена, непомѣщенная авторомъ, когда онъ печаталъ Бориса Годунова, предшествуетъ разговору Мишика съ Бишневецкимъ на балъ въ Самборѣ. Она придаетъ новыя черты характеру Марины и служитъ какъ бы поясненіемъ нѣкоторыхъ словъ ея, сказанныхъ Самозванцу у фонтана въ саду.

Въ то время, кажешся, васъ видѣлъ въ первый разъ
Хопкевичъ молодой, чпо послѣ застрѣлился.
А точно, говоряшъ : на васъ
Кпо ни взглянулъ, шупъ и влюбился.

МАРИНА.

Нельзя ли поскорѣй?

РУЗЯ.

Сейчасъ.

Сегодня вашъ опецъ надѣшся на васъ.
Царевичъ видѣлъ васъ не даромъ;
Не могъ онъ ушайшъ воспорга своего;
Ужъ раненъ онъ; такъ надобно его
Сразишъ рѣшительнымъ ударомъ.
А точно, пани, онъ влюбленъ :
Вошъ мѣсяцъ, какъ, оставя Краковъ,
Забылъ войну, Московскій пронтъ,
Въ госняхъ у насъ пируетъ онъ,
И бѣсишъ Русскихъ и Поляковъ.
Ахъ, Боже мой! дождусь ли дня?...
Не правда ли, когда въ свою столицу
Димитрій повезешъ Московскую Царицу,
Вы не оставите меня?

МАРИНА.

Ты развѣ думаешь, Царицей буду я?

Рузя.

А кто жъ, когда не вы? Кто смѣетъ красою
Равняться здѣсь съ моею госпожею?

Родъ Мнишковь никому еще не успуналъ;

Умомъ — превыше онъ похвалъ....

Счасливъ, кого вашъ взоръ вниманья удостоитъ;

Кто сердца вашего любовь себѣ присвоитъ —

Кто бъ ни былъ онъ — хоть нашъ король,

Или Французскій королевичъ,

Не только ницъ вашъ царевичъ —

Богъ всѣхъ — какой, Богъ всѣхъ — опколъ

Марина.

Онъ почто царскій сынъ и признанъ цѣлымъ свѣ-
домъ.

Рузя.

А все жъ онъ былъ прошедшею зимой

У Вишневецкаго слугой.

Марина.

Скрывался онъ.

Рузя.

Не спорю я объ этомъ.

А только знаете ли вы,

Что говорятъ о немъ въ народъ?

Что будто онъ дьячекъ, бѣжавшій изъ Москвы,

Извѣстный плутъ въ своемъ приходѣ.

МАРИНА.

Какія глупости!

РУЗЯ.

О, я не вѣрю имъ!

Я только говорю, что долженъ онъ конечно
Благословляшь еще судьбу, когда сердечно
Вы предпочли его другимъ.

СЛУЖАНКА (*вбѣгаетъ.*)

Ужъ госпи съѣхались.

МАРИНА.

Вошъ видишь, шы до свѣша
Гошова пусшыки болшапъ,
А между-шѣмъ я не одѣша....

РУЗЯ.

Сейчасъ, гошово все. (*служанки суетятся*)МАРИНА (*про себя.*)

Мнѣ должно все узнапъ....

ПОСЛѢДНІЕ ЦВѢТЫ.

Цвѣшы послѣдніе милѣй
Роскошныхъ первенцовъ полей.
Они унылыя мечпанья
Живѣе пробуждаютъ въ насъ :
Такъ иногда разлуки часъ
Живѣе самаго свиданья.

КЪ ЖЕНЩИНѢ-ПОЭТУ.

Я слушалъ васъ. . . . я прочиталъ
Сіи небрежныя созданья,
Гдѣ ваши томныя мечпанья
Боготворяшъ свой идеаль.

Я пилъ оправу въ вашемъ взорѣ,
Въ исполненныхъ души черпахъ,
И въ вашемъ миломъ разговорѣ,
И въ вашихъ пламенныхъ списахъ.

Соперницы завѣтной розы
Блаженъ безсмертный идеаль!
Спокрапъ блаженъ, кто ей внушалъ
Единый спихъ и много прозы!

Кто знаетъ край, гдѣ небо блещетъ
Неизъяснимой синевой,
Гдѣ море шеплою волной
Вокругъ развалинъ тихо плещетъ,
Гдѣ вѣчный лавръ и кипарисъ
По волѣ гордо разрослись,
Гдѣ пѣлъ Торквато величавый,
Гдѣ и теперь, во мглѣ ночной,
Адріатической волной
Повторены его окшавы,
Гдѣ Рафаэль живописалъ,
Гдѣ въ наши дни рѣзецъ Кановы
Послушный мраморъ оживлялъ,
И Байронъ, мученикъ суровый,
Спрадалъ, любилъ и проклиналъ?

Италія! волшебный край,
Страна высокихъ вдохновеній!
Кто жъ посѣпилъ твой древній рай,
Твои пророческія сѣни?

На берегу роскошныхъ водъ,
Порою карнавалныхъ оргій,
Кругомъ кого кипишь народъ,
Кого привѣспвуютъ воспорги?
Кто идеальною красой,
И помно-нѣжной и живой,
Сыновъ Авзоніи плѣняетъ,
И по-неволѣ увлекаешь
Ихъ песпры волны за собой?....

.
Съ какою легкостью небесной
Земли касаетъ она!
Какою прелестью чудесной
Во всѣхъ движеніяхъ полна!
.

На рай полуденной природы
На блескъ небесъ, на ясны воды,
На чудеса священныхъ искусствъ,
Въ спѣсненіи вдохновенныхъ чувствъ,
Душевный взоръ она возводишь,
Дивясь и радуясь душой —
И ничего передъ собой
Себя прелестнѣй не находишь.
Споишь ли съ важностью очей
Предъ Флорентійскою Кипридой —
Ихъ двѣ, и мраморъ передъ ней
Страдаетъ, кажется, обидой.

Мечпы возвыщенной полна,
Въ молчаньи смопришь ли она
На образъ нѣжной Форнарины,
Или Мадоны молодой —
Она задумчивой красой
Очаровапельнѣй каршины.
Скажише мнѣ, какой пѣвецъ,
Горя воспоргомъ умиленнымъ,
Чья киспъ, чей пламенный рѣзецъ
Предаспъ попомкамъ изумленнымъ
Ея небесныя черпы?
Гдѣ пы, ваяшель безъимянный
Богини вѣчной красопы?
И пы, Харипою вѣнчанный,
Ты, вдохновенный Рафаэль?

.
.

АЛЬФОНСЪ.*Начало поэмы.*

Альфонсъ сядишя на коня;
Ему хозяинъ держишъ спремя.
«Синьоръ, послушайшесь меня:
Пускашся въ путь шеперь не время,
Въ горахъ опасно, ночь близка;
Другая венца далека;
Останьшесь здѣсь; гоповъ вамъ ужинъ;
Въ каминѣ разложенъ огонь;
Поспеля еснѣ — покой вамъ нуженъ,
И къ стойлу шянешся вашъ конь.»
— Мнѣ пушенесшвіе привычно
И днемъ и ночью, былъ бы путь;
Тотъ опвѣчаешъ. Неприлично
Бояшся мнѣ чего нибудь.
Я дворянинъ; ни чортъ, ни воры
Не могушъ удержашь меня,
Когда спѣшу на службу я.
И донѣ Альфонсъ коню далъ шпоры,

И ѣдепъ рысью. Передъ нимъ
Идепъ дорога крупно въ горы
Ущельемъ пѣснымъ и глухимъ.
Вопъ выѣзжаепъ онъ въ долину.
Какую жъ видишъ онъ каршину?
Кругомъ пусшыня, дичь и голь;
А въ споронѣ шорчишъ глаголь,
И на глаголѣ помъ два пѣла
Висяпъ. Закаркавъ, оплешѣла
Вашага черная воронъ,
Лишь полько къ нимъ подѣхалъ онъ.
То были прупы двухъ Гишановъ,
Двухъ славныхъ брашьевъ - ашамановъ,
Давно повѣшенныхъ, и шамъ
Оспавленныхъ въ примѣръ ворами.
Дождями небо ихъ мочило,
И солнце знойное сушило,
Пусшыннй вѣшеръ ихъ качалъ,
Клевапъ ихъ воронъ прилешалъ,
И шла молва въ просшомъ народѣ,
Чшо, обрываясь по ночамъ,
Они до ушра на свободѣ
Гуляли, мсшя своимъ врагамъ.

ОСЕНЬ.

—

I.

Октябрь ужъ наступилъ; ужъ роцѣ опрѣ-
хаетъ
Послѣдніе лиспы съ нагихъ своихъ вѣтвей;
Дохнулъ осенній хладъ, дорога промерзаетъ;
Журча еще бѣжитъ за мельницу ручей,
Но прудъ уже засыхъ; сосѣдъ мой посѣщаетъ
Въ опустѣвшія поля съ охотою своею—
И спражнутъ озими опъ бѣшеной забавы,
И будитъ лай собакъ уснувшія дубравы.

II.

Теперь моя пора: я не люблю весны;
Скучна мнѣ опшпель: вонь, грязь; весной я
боленъ:
Кровь бродитъ, чувствва, умъ поскою спѣсненъ;
Суровою зимою я болѣе доволенъ;
Люблю ея снѣга; въ присущствіи луны

V.

Дни поздней осени браняшъ обыкновенно ;
Но мнѣ она мила, чипашель дорогой :
Красою шихою, блиспающей смиренно,
Какъ нелюбимое дѣшя въ семьѣ родной,
Къ себѣ меня влечешъ. Сказапъ вамъ опкровенно:
Изъ годовыхъ временъ я радъ лишь ей одной;
Въ ней много добраго, любовникъ нещеславной,
Умѣлъ я опыскашъ мечпою своенравной.

VI.

Какъ это объяснишъ? Мнѣ нравишся она,
Какъ, вѣрояшно, вамъ чахопочная дѣва
Порою нравишся. На смерть осуждена,
Бѣдняжка клонишся безъ ропоша, безъ гнѣва;
Улыбка на усахъ увянувшихъ видна;
Могильной пропасти она не слышишъ зѣва,
Играешъ; на лицѣ еще багровый цвѣпъ —
Она жива еще сегодня — завпра нѣпъ.

VII.

Унылая пора! очей очарованье!
Пріятна мнѣ швоя прощальная краса;
Люблю я пышное природы увяданье,
Въ багрецъ и въ золото одѣшые лѣса,
Въ ихъ сѣняхъ вѣпра шумъ и свѣжее дыханье,
И мглой волнишною покрышы небеса,

И рѣдкій солнца лучъ, и первые морозы,
И опдаленныя сѣдой зимы угрозы.

VIII.

И съ каждой осенью я разцвѣщаю вновь;
Здоровью моему полезенъ Русской холодъ;
Къ привычкамъ бытія вновь чувствую любовь:
Чредой слѣпаетъ сонъ, чредой находитъ голодъ;
Легко и радостно играетъ въ сердцѣ кровь,
Желанія кипящъ — я снова счастливъ, молодъ,
Я снова жизни полнъ — шаковъ мой организмъ.
(Извольте мнѣ простить ненужный прозаизмъ.)

IX.

Ведущъ ко мнѣ коня; въ раздоліи открытомъ,
Махая гривой, онъ всадника несетъ —
И звонко подъ его блистающимъ копытомъ
Звенишь промерзлый долъ и прескается ледъ.
Но гаснетъ крапкій день, и въ комелькѣ забы-
томъ

Огонь опяшь горитъ, по яркій свѣтъ лѣтъ,
То плѣшетъ медленно; а я надъ нимъ чишаю,
Иль думы долгія въ душѣ моей пишаю.

X.

И забываю міръ — и въ сладкой пишинѣ
Я сладко усыпленъ моимъ воображеньемъ,

НАЧАЛО ПОЭМЫ.

Спамбуль Гяуры нынче славяпть,
 А завпра кованой пяпюй
 Какъ змія спящаго раздавяпть,
 И прочь пойдупть, и шакъ оспавяпть :
 Спамбуль заснуль передъ бѣдой.

Спамбуль опрекся опть Пророка;
 Въ немъ правду древняго Востока
 Лукавый Западъ омрачилъ;
 Спамбуль, для сладоспей порока,
 Мольбѣ и саблѣ измѣнилъ;
 Спамбуль опвыкть опть попу бишвы,
 И пьешъ вино въ часы молишвы.
 Въ немъ вѣры чистой лучъ попухъ :
 Въ немъ жены по базару ходяпть,
 На перекрестки шлюпть спарухъ,

А шь мужчинъ въ гаремы вводяшь,
И спишь подкупленный евнухъ.

Но не таковъ Арзрумъ нагорной,
Многодорожный нашъ Арзрумъ :
Не спимъ мы въ роскоши позорной,
Не черпемъ чашей непокорной
Въ винъ разврашъ, огонь и шумъ.
Поспимся мы; спруею презвой
Одни фонпаны насъ пояшь;
Толпой неисповой и рѣзвой
Джигишы наши въ бой лешашь;
Мы къ женамъ, какъ орлы ревнивы,
Гаремы наши молчаливы,
Евнухи наши въ нихъ не сляшь.

Алла великъ! Къ намъ опъ Сшамбула
Пришелъ гонимый янычаръ.
И буря долу насъ погнула,
И палъ неслыханный ударъ.
Опъ Рущука до старой Смирны,
Опъ Трапезунда до Тульчи,
Склика псовъ на праздникъ жирный,
Толпой ходили палачи :
Треща въ объятіяхъ пожаровъ,
Валились дома янычаровъ;
Окровавленные зубцы

Вездѣ порчали; угли пыбли;
 На кольяхъ, скорчась, мертвецы
 Окоченѣлые чернѣли.

Алла великъ! тогда Сулпанъ
 Былъ духомъ гнѣва обуянъ.

КРОМЪШНИКЪ.

Какая ночь! морозъ трескучій;
На небѣ ни единой тучи;
Какъ шишый пологъ синій сводъ
Песпрѣшетъ часными звѣздами.
Въ домахъ все темно. У ворошъ
Запворы съ тяжкими замками.
Вездѣ покоишся народъ;
Ушихъ и шумъ и крикъ торговой,
Лишь только лаешъ спражь дворовой
Да цѣпью звонкою гремишъ.

И вся Москва спокойно спишъ,
Забывъ волненіе боязни.
А площадь въ сумракѣ ночномъ
Споишъ полна вчерашней казни, —
Мученій свѣжій слѣдъ кругомъ:
Гдѣ шрупъ разрубленный съ размаха,
Гдѣ шолбъ, гдѣ вилы; памъ копылы
Оспывшей полные смолы,
Здѣсь опрокинутая плаха;

Торчають желѣзные зубцы,
Съ коспами груди пепла плѣвють,
На кольяхъ, скорчась, мершвецы
Оцѣпенѣлые чернѣвють

Кто тамъ? чей конь во весь опоръ
По грозной площади несется?
Чей свистъ, чей громкій разговоръ
Во мракъ ночи раздается?
Кто сей? Кромѣшникъ удалой.
Спѣшишь, лешишь онъ на свиданье;
Въ его груди кипишь желанье.
Онъ говоришь: «мой конь лихой,
Мой вѣрный конь! леши спрѣлой!
Скорѣй, скорѣй!» Но конь решивой
Вдругъ размахнулъ плешеной гривой
И спалъ. Во мглѣ между сполповъ
На перекладинѣ дубовой
Качался шрупъ. Ъздокъ суровой
Подъ нимъ промчаться былъ гошовъ;
Но борзый конь подъ плешью бьется,
Храпишь и фыркаешь и рвешься
Назадъ. «Куда? мой конь лихой!
Чего боишься? чю съ побой?
Не мы ли здѣсь вчера скакали,
Не мы ли яростно топтали,
Усердной меснѣю горя,

Лихихъ измѣнниковъ Царя?
Не ихъ ли кровію омышы
Твои булашныя копышы?
Теперь уже ль ихъ не узналъ?
Мой борзый конь, мой конь удалый!
Несись, лепи...» и конь успалый
Подъ шрупомъ вихремъ проскакалъ.

.

ГЕРОЙ^{сѣ} *.

Что есть истина?

—
Другъ.

Да, слава въ прихошихъ вольна.
 Какъ огненный языкъ, она
 По избраннымъ главамъ лешаетъ;

* Это стихотвореніе доставлено отъ М. П. Погодина при слѣдующемъ письмѣ: Посылаю вамъ стихотвореніе Пушкина «Герой». Кажется, никто не знаетъ, что оно принадлежитъ ему. Пушкинъ прислалъ мнѣ оное во время холеры въ 1850 году изъ Нижегородской своей деревни, и вотъ что писалъ объ немъ:..... «Посылаю вамъ изъ моего Патмоса апокалипсическую пѣснь. Напечатайте, гдѣ хотите, хоть въ «Вѣдомостяхъ», но прошу васъ и требую именемъ нашей дружбы не объявлять никому моего имени. Если Московская цензура не пропуститъ ее, то перешлите Дельвигу, но также безъ моего имени, и не моею рукою переписанною.» Я напечаталъ стихи тогда въ Телескопѣ, и свято хранилъ до сихъ поръ тайну. Кажется, должно перепечатать ихъ теперь. Разумѣется, никому не нужно припоминать, что число выставленное Пушкинымъ подъ стихотвореніемъ, послѣ многозначительнаго *утишься*, 29 сентября 1850, есть день прибытія Государя Императора въ Москву во время холеры.

Съ одной сегодня исчезаешъ
И на другой уже видна.
За новизной бѣжаешь смиренно
Народъ безсмысленный привыкъ;
Но намъ ужъ по чело священно,
Надъ коимъ вспыхнулъ сей языкъ.
На пронѣ, на кровавомъ полѣ,
Межъ гражданъ на чредѣ иной,
Изъ сихъ избранныхъ кпо всѣхъ болѣ
Твоею властвуешь душой?

Поэтъ.

Все онъ, все онъ, пришлецъ сей бранный,
Предъ кѣмъ смирился цари,
Сей рапшикъ, вольностью вѣнчанный,
Изчезнувшій какъ пѣнь зари.

Другъ.

Когда жъ швой умъ онъ поражаетъ
Своею чудною звѣздой?
Тогда ль какъ съ Альповъ онъ взираетъ
На дно Италіи свяшой?
Тогда ли, какъ хващаетъ знамя,
Иль жезлъ дикшапорскій? Тогда ль,
Какъ водитъ и кругомъ и вдаль
Войны спремительное пламя —
И пролетаетъ рядъ побѣдъ
Надъ нимъ одна другой во слѣдъ?

Тогда ль, какъ рапъ героя плещетъ
Передъ громадой пирамидъ,
Иль какъ Москва пустынно блещетъ,
Его пріемля, и молчишь?

Поэтъ.

Ныпъ, не у счастія на лонъ
Его я вижу, не въ бою,
Не зяшемъ кесаря на пронъ,
Не шамъ, гдѣ на скалу свою,
Сѣвъ, мучимъ казню покоя,
Осмѣянь прозвищемъ героя,
Онъ угасаетъ недвижимъ,
Плащемъ закрывшись боевымъ!
Не та карпина предо мною:
Одровъ я вижу длинный спрой;
Лежишь на каждомъ прупъ живой,
Клейменный мощною чумою,
Царицею бользней. Онъ,
Небранной смершью окружень,
Нахмурясь ходишь межъ одрами,
И хладно руку жмешь чумъ,
И въ погибающемъ умъ
Раждаешь бодрость. Небесами
Клянусь: кшо жизни своей
Игралъ предъ сумрачнымъ недугомъ,
Чтобъ ободришь угасшій взоръ,

Клянусь, пошъ будешъ Небу другомъ,
Каковъ бы ни былъ приговоръ
Земли слѣпой.

Другъ.

Мечшы пошта,
Испорикъ спрогой гонитъ васъ!
Увы! его раздался гласъ, *
И гдѣ жъ очарованье свѣта?...

Поэтъ.

Да будешъ прокляшъ правды свѣтъ,
Когда посредственности хладной,
Зависливой, къ соблазну жадной,
Онъ угождаетъ праздно! Нѣтъ,
Тмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ.
Оспавъ герою сердце! Чшо же
Онъ будешъ безъ него? пиранъ!

Другъ.

Упѣшься.....

Москва, 29 сентября 1830 года.

* Mémoires de Bourienne. Бурьенъ въ «Запискахъ» своихъ отрицаетъ сказаніе о томъ, что Бонапарте, посетивъ въ Яффѣ госпиталь зараженныхъ чумою, прикоснулся къ нѣкоторымъ для ободренія ихъ. «J'affirme,» говоритъ онъ, ne l'avoir pas vu toucher un pestiféré.

В. С. Ф*.**

ПРИ ПОЛУЧЕНІИ ПОЭМЫ ЕГО:

ДУРАЦКОЙ КОЛПАКЪ.

—

Вамъ, Музы, милья спарушки,
Колпакъ связали въ добрый часъ, —
И, прицѣпивъ къ нему гремушки,
Самъ Фебъ надѣлъ его на васъ.
Хопѣлось въ помъ же мнѣ уборъ
Предъ вами нынче щегольнушь
И, въ опкровенномъ разговоръ,
Какъ вы, на многое взглянушь;
Но спарый мой колпакъ изношенъ,
Хопъ и любилъ его поэпъ;
Онъ по неволѣ мной заброшенъ:
Не въ модѣ нынче красный цвѣпъ.
И шакъ, въ знакъ мирнаго привѣша,
Снимая шляпу, бью челомъ,
Узнавъ философа-поэша
Подъ ошпорожнымъ колпакомъ.

СКАЗКА

О КУПЦѢ

КУЗЬМѢ ОСТОЛОПѢ

И РАБОТНИКѢ ЕГО БАЛДѢ.

СКАЗКА О КУПЦѢ

КУЗЬМѢ ОСТОЛОПѢ

И РАБОТНИКѢ ЕГО БАЛДѢ.

—

Жилъ-былъ купецъ Кузьма Осполопъ,
По прозванью Осинový-Лобъ.
Пошелъ Кузьма по базару
Посмотрѣть кой-какого повару.
На встрѣчу ему Балда
Идесть, самъ не зная куда.
«Что, дядюшка, такъ рано поднялся?
Чего ты взыкался?»
Кузьма ему въ отвѣтъ: «Нуженъ мнѣ работникъ—
Поваръ, конюхъ и плотникъ.
А гдѣ найми мнѣ такаго
Служителя, не слишкомъ дорогаго?»
Балда говоритъ :
«Буду служить тебѣ славно,
«Усердно и очень исправно
«Въ годъ за три щелчка тебѣ по лбу;

«Ѣсть же давай мнѣ вареную полбу.»
Призадумался нашъ Кузьма Осполопъ,
Спалъ почесываѣтъ лобъ.
Щелчокъ щелчку вѣдь розъ —
Да понадѣялся онъ на Русскій авось.
Кузьма говоришъ Балдѣ: «Ладно:
Не будешъ намъ обоимъ накладно.
Поживи-ка на моемъ подворьѣ,
Окажи свое усердье и проворье.»
Живешъ Балда въ купеческомъ домѣ,
Спишъ себѣ на соломѣ,
Ѣшъ за чешверыхъ,
Работаетъ за семерыхъ;
До свѣтла все у него пляшетъ,
Лошадь запряжешъ, полосу вспашешъ,
Печь зашопишъ, все загошовишъ, закупишъ,
Яичко испечешъ, да самъ и облупишъ.
Хозяйка Балдой не нахвалишся,
Ихъ дочка Балдой лишъ и печалишся,
Сыночекъ ихъ зовешъ его: тяшей;
Кашу заваришъ, нянчишся съ дишяшей.
Одинъ Кузьма лишъ Балду не любишъ,
Никогда его не приголубишъ,
О расплашъ думаешъ часпенько.
Время идешъ и срокъ ужъ близенько.
Кузьма не ѣшъ, не пьешъ, ночи не спишъ,
Лобъ у него заранъ прещишъ.

Вошъ онъ женѣ признается :
Такъ и такъ, что дѣланъ оспается?
Умъ у бабы догадливъ,
На всякія хитрости повадливъ.
Хозяйка Кузьмѣ говоритъ : «Знаю средство,
Какъ удалитъ отъ насъ такое бѣдство :
Закажи Балдѣ службу, чтобы спало ему не въ мочь;
А пребудь, чтобы онъ ее исполнилъ почь-въ-почь.
Тѣмъ ты и лобъ отъ расправы избавишь,
И Балду-то безъ расплаты оправишь.»
Спало на сердцѣ у Кузьмы веселѣе;
Началъ онъ глядѣть на Балду посмѣлѣе.
Вошъ онъ кричитъ : «Поди-ка сюда,
Вѣрный мой работникъ Балда.
Слушай : платишь обязались черпи
Мнѣ оброкъ до самой моей смерти;
Лучшаго бѣ не надобно дохода,
Да естъ на нихъ недоимки за три года.
Какъ наѣшься ты своей полбы,
Собери-ка съ чершей оброкъ мнѣ полный.»
Балда, съ Кузьмой понапрасну не споря,
Пошелъ, да и сѣлъ у берега моря;
Тамъ онъ спалъ веревку крупишь,
Да конецъ ея въ морѣ мочишь.
Вошъ изъ моря вылѣзъ старый бѣсъ.
«Зачѣмъ ты, Балда, къ намъ залѣзъ?»
— «Да вошъ веревкой хочу море мѣрщишь,

Да вастъ, проклятое племя, корчишь.»
Бѣса спараго взяла пупъ унылосць.
— «Скажи, за чпо шакая немилосць?»
«Какъ за чпо? Вы не плашите оброка,
Не помните положеннаго срока;
Вошь ужо будешъ намъ попѣха,
Вамъ, собакамъ, великая помѣха!»
— «Бѣлдушка, погоди ты морщишь море,
Оброкъ сполна ты получишь вскорѣ.
Погоди, вышлю къ тебѣ внука.»
Балда мыслишь: — Эшого провестъ не штука!
Вынырнулъ подосланный бѣсенокъ,
Замяукалъ онъ, какъ голодный кошенокъ.
«Здравствуй, Балда мужичокъ;
Какой тебѣ надобно оброкъ?
Объ оброкъ вѣкъ мы не слыхали,
Не было чершамъ такой печали;
Ну, такъ и бышь — возьми, да съ уговору,
Съ общаго нашего приговору —
Чтобы впередъ не было никому горя:
Кпо скорѣ изъ насъ обѣжишь около моря,
Топъ и бери себѣ полный оброкъ,
Между тѣмъ пригопоянъ шамъ и мѣшокъ.»
Засмѣялся Балда лукаво:
— «Чпо ты эшо выдумалъ, право?
Гдѣ тебѣ пягашся со мною,
Со мною, съ самимъ Балдою?

Экаго послали супоспаша!
Подожди-ка моего меньшаго браша.»
Пошелъ Балда въ ближній лѣсокъ,
Поймалъ двухъ зайцовъ, да въ мѣшокъ.
Къ морю опянь онъ приходишь;
У моря бѣсенка находишь.
Держишь Балда за уши одного зайку:
«Попляши-ка ты подъ нашу балалайку;
Ты, бѣсенокъ, еще молоденецъ,
Со мною пяташься слабенецъ —
Эпо было бѣ лишь время праща.
Обгони-ка сперва моего браша.
Разъ, два, три! Догоняй-ка.»
Пустились бѣсенокъ и зайка,
Бѣсенокъ по берегу морскому,
А зайка въ лѣсокъ до дому.
Вошь, море кругомъ обѣжавши,
Высунувъ языкъ, мордку поднявши,
Прибѣжалъ бѣсенокъ, задыхаясь,
Весь мокрешенецъ, лапкой упираясь,
Мысля: дѣло съ Балдою сладишь.
Глядь — а Балда брашца гладишь,
Приговаривая: «Брашець мой любимый,
Успалъ, бѣдняжка! Ошдохни родимой.»
Бѣсенокъ опоропѣлъ,
Хвостикъ поджалъ, совсѣмъ присмирѣлъ,
На брашца поглядываетъ бокомъ.
«Погоди,» говоритъ, «схожу за оброкомъ.»

Пошелъ къ дѣду; говоришь : «Бѣда!
Обогналъ меня меньшій Балда!»
Спарый бѣсъ спалъ тушь думашъ думу;
А Балда надѣлалъ такого шуму,
Чшо все море смушилось,
И волнами такъ и расходилось.
Вылѣзъ бѣсенокъ. «Полно, мужичокъ,
Вышлемъ тебѣ весь оброкъ —
Только слушай : видишь ты палку эту?
Выбери себѣ любую мешу —
Кто далѣе палку бросишь,
Тотъ пускай и оброкъ уносишь.
Чшо жъ? Боишься вывихнуть ручки?
Чего ты ждешь?» — «Да жду вонъ этой шучки;
Зашвырну шуда твою палку,
Да и начну съ вами, черпями, свалку.»
Испугался бѣсенокъ, да къ дѣду
Разсказывашъ про Балдову побѣду;
А Балда надъ моремъ опять шумишь,
Да черпямъ веревкой грозить.
Вылѣзъ опять бѣсенокъ : «Чшо ты хлопчешь?
Будешь тебѣ оброкъ, коли захочешь.»... —
— «Нѣтъ,» говоришь Балда,
«Теперь моя череда —
Условіе самъ назначу,
Задамъ тебѣ, враженокъ, задачу.
Посмотримъ, какова у тебя сила!

Видишь: шамъ сивая кобыла?
Кобылу подыми-ка ты,
Да неси ее полверсшы;
Снесешь кобылу — оброкъ ужъ швой;
Не снесешь кобылы — анъ будешь мой.»
Бѣдненькій бѣсъ
Подъ кобылу подлѣзъ,
Понапужился,
Понапружился,
Приподнялъ кобылу, два шага шагнулъ,
На прешьемъ упалъ, ножки пропянулъ.
А Балда ему: «Глупый ты бѣсъ,
Куда ты за нами полѣзъ?
И руками-шо снеспи не смогъ,
А я, смогри, снесу промежъ ногъ.
Сѣлъ Балда на кобылу верхомъ,
Да вершю проскакалъ, пакъ чпо пыль сполбомъ;
Испугался бѣсенокъ, и къ дѣду
Пошелъ рассказывать про такую побѣду.
Дѣлашь нечего — черпи собрали полный оброкъ,
Да на Балду взвалили мѣшокъ.
Идешь Балда, побрякиваешь.
А Кузьма, завидя Балду, вскакиваешь,
За хозяйку прячешься,
Со спраху корячешься.
Балда его шупъ опыскалъ,
Опдалъ оброкъ, плашы пребованъ спалъ.

Бѣдный купецъ Кузьма Осполопъ
Подсшавилъ лобъ:
Съ перваго щелчка —
Прыгнулъ Кузьма до пошолка,
Со впораго щелчка —
Лишился Кузьма языка,
А съ прешьяго щелчка —
Вышибло умъ у спарика.
А Балда приговаривалъ съ укоризной:
«Не гонялся бы пы, Кузьма, за дешевизной!...»

ПОСЛѢДНІЯ
ТРИ СТИХОТВОРЕНІЯ

А. С. ПУШКИНА.

ПОСЛѢДНІЯ
ТРИ СТИХОТВОРЕНІЯ

А. С. Пушкина.

—
I.

ЛИЦЕЙСКАЯ ГОДОВЩИНА.

—
Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался,
И съ пѣснями бакаловъ звонъ мѣшался,
И пѣсною сидѣли мы толпой.
Тогда, душой безпечные невѣжды,
Мы жили всѣ и легче и смѣлѣй,
Мы пили всѣ за здравіе надежды
И юности и всѣхъ ея заплѣй.

Теперь не то: разгульный праздникъ нашъ
Съ приходомъ лѣтъ, какъ мы, перебѣсился;
Онъ присмирѣлъ, упихъ, оспепенился;

Спалъ гуще звонъ его заздравныхъ чашъ;
Межъ нами рѣчь не такъ игриво льется;
Просторнѣе, грустнѣе мы сидимъ;
И рѣже смѣхъ средь пѣсенъ раздается;
И чаще мы вздыхаемъ и молчимъ.

Всему пора: ужъ двадцать пятой разъ
Мы празднуемъ Лицея день завѣщный;
Прошли года чредою незамѣшной;
И какъ они перемѣнили насъ!
Недаромъ, нѣшъ! промчалась четверть
вѣка;

Не съшуйше: таковъ судьбы законъ;
Вращается весь міръ вокругъ человѣка,
Уже ль одинъ недвижимъ будетъ онъ?
Припомнише, о други! съ той поры,
Когда нашъ кругъ судьбы соединили,
Чему, чему свидѣтели мы были!...
Игралища таинственной игры,
Мешались смущенные народы,
И высились и падали цари;
И кровь людей по славы, по свободы,
То гордости багрила алшари.

Вы помните: когда возникъ Лицей,
Какъ Царь для насъ открылъ чертогъ Цари-
цынь —

И мы пришли, и встрѣшилъ насъ Куницынъ
Привѣпствіемъ межъ Царспвенныхъ госпей.
Тогда гроза двенадцатаго года
Еще спала; еще Наполеонъ
Не испыталъ великаго народа —
Еще грозилъ и колебался онъ.

Вы помните: текла за рапью рапъ;
Со спаршими мы брапьями прощались,
И въ сѣнь наукъ съ досадою возвращались,
Завидуя тому, кто умирапъ
Шелъ мимо насъ... И племена сразились,
Русь обняла кичливаго врага,
И заревоу Московскимъ озарились
Его полкамъ гошовые снѣга.

Вы помните, какъ нашъ Агамемнонъ
Изъ плѣннаго Парижа къ намъ примчался.
Какой восшоргъ тогда предъ Нимъ раздался!
Какъ былъ великъ, какъ былъ прекрасенъ Онъ,
Народовъ другъ, спасишель ихъ свободы!
Вы помните, какъ оживились вдругъ
Сіи сады, сіи живыя воды,
Гдѣ проводилъ Онъ главный свой досугъ!

И нѣшъ Его — и Русь оспавилъ Онъ,
Взнесенну Имъ надъ міромъ изумленнымъ;

И на скалъ, изгнанникомъ забвеннымъ,
Всему чужой, угасъ Наполеонъ.
И новый Царь беспрашный и могучій
На рубежъ Европы бодро спалъ ;

.

(*Конца нѣтъ*).

II.

МОЛИТВА.

—

Опцы-пустынники и жены непорочны,
Чтобъ сердцемъ возлещашъ во области заочны,
Чтобъ укрѣпляшъ его средь дольнихъ бурь и
блгвѣ ,
Сложили множество божественныхъ моливѣ;
Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
Какъ та, кошую священникъ повторяетъ
Во дни печальные великаго поста;
Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста—
И падаго свѣжитъ невѣдомою силой:
«Владыка дней моихъ! духъ праздности унылой,
Любоначалія, змѣи сокрышой сей,
И празднословія не дай душѣ моей;
Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже! прегрѣшенья,
Да брагъ мой опъ меня не приметъ осужденья,
И духъ смиренія, терпѣнія, любви
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи.»

III.

ОПЯТЬ НА РОДИНѢ.

Опять на родинѣ! я посѣпилъ
Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
Опшельникомъ два года незамѣтныхъ.
Ужъ десятокъ лѣтъ ушло съ тѣхъ поръ, и много
Переменялось въ жизни для меня,
И самъ, покорный общему закону,
Переменялся я; но здѣсь опять
Минувшее меня объемлетъ живо
И кажется вчера еще бродилъ
Я въ этихъ рощахъ.

Вотъ смиренный домикъ,
Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моею.
Уже сшарушки нѣтъ, ужъ за спѣною
Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
Ни упренныхъ ея дозоровъ. Вотъ
И холмъ лѣсистый, надъ которымъ часто
Я сиживалъ недвижимъ, и глядѣлъ
На озеро, вспоминая съ грустью

Иные берега, иныя волны...
Межъ нивъ злапыхъ и пажисей зеленыхъ
Оно, синѣя, спелется широко:
Черезъ его невѣдомыя воды
Плывешъ рыбацъ и тянешъ за собой
Убогой неводъ. По брегамъ оплогимъ
Разсѣяны деревни; тамъ за ними
Скривилась мельница, насилу крылья
Ворочая при вѣтрѣ....

На границѣ
Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ помъ,
Гдѣ въ-гору подымается дорога,
Изрытая дождями, при сосны
Стояшъ, по-одалъ двѣ другія
Другъ къ дружкѣ близко. Здѣсь, когда ихъ мимо
Я проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ лунной ночи,
Знакомымъ шумомъ вѣперъ съ ихъ вершинъ
Меня привѣщивовалъ. По той дорогѣ
Теперь поѣхалъ я, и предъ собою
Увидѣлъ ихъ опяшъ; онѣ все тѣ же,
Все шопъ же ихъ знакомый слуху шорохъ,
Но около корней ихъ успарѣлыхъ,
Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,
Теперь молодая роща разрослась;
Зеленою семьей кусты пѣснятся
Подъ сѣнью ихъ, какъ дѣти.
Стоишъ одинъ угрюмый ихъ поварищъ,

Какъ старый холоспьякъ , и вокругъ него
По-прежнему все пусто.

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твоей могучей поздней возрастъ ,
Когда перерастешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь
Опять глазъ прохожаго. Но пусть мой внукъ
Услышитъ вашъ привѣтный шумъ, когда,
Съ пріятельской бесѣды возвращаясь,
Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полнъ,
Пройдетъ онъ мимо васъ во мракъ ночи
И обо мнѣ вспомнитъ. . . .

ПРИБАВЛЕНІЕ.
ЛИЦЕЙСКІЯ
СТИХОТВОРЕНІЯ.

UPPER PART

ALPHA

CTHOTOGRAPH

КЪ МОЕЙ ЧЕРНИЛЬНИЦѢ.

—

Подруга думы праздной,
Чернильница моя!
Мой вѣкъ однообразной
Тобой украсилъ я.
Какъ часпо другъ веселья
Съ побою забывалъ
Условный часъ похмѣлья
И праздничный бокаль!
Подъ сѣнью хашы скромной,
Въ часы печали томной,
Была ты предо мной
Съ лампадой и мечпой.
Въ минушы вдохновенья
Къ тебѣ я прибѣгалъ
И Музу призывалъ
На пиръ воображанья.
Сокровища мои
На днѣ швоемъ шаяшся.
Тебя я посвяшилъ

Занятіямъ досуга
И съ лѣнью примирилъ;
Она пвоя подруга;
Съ побой успѣхъ узналъ
Опшельникъ неизвѣстной...
Завѣтной пвой кристалъ
Хранишь огонь небесной;
И подъ-вечеръ, когда
Перо по книжкѣ бродишь,
Безъ всякаго шруда
Оно въ тебѣ находишь
Концы моихъ стиховъ
И вѣрность выраженья,
То звуковъ или словъ
Нежданное смеченье,
То ѣдкой шупки соль,
То странность рифмы новой,
Неслыханной дошоль.
Съ глупцовъ сорвавъ одежду,
Я весело клеймилъ
Зоила и Невѣжду
Пяпномъ пвоихъ чернилъ...
Но ихъ не разводилъ
Ни тайной злобы пѣной,
Ни ядомъ клеветы —
И сердца проспошы
Ни ласкою, ни измѣной

Не замарала ты.
Безпечный сынъ природы,
Пока злые годы
Въ забвеньи пращу я.
Со мною неразлучно
Живи благополучно,
Наперсница моя!
Но здѣсь, на лонѣ лѣни,
Я слышу нѣжны пѣни
Заботливыхъ друзей....
Уже ли ихъ забуду
Друзей души моей,
И имъ невѣренъ буду?
Оспавъ, оспавъ порой
Привычныя заплѣи,
И дакиль и хорей,
Для прозы почтовой.
Минушы хладной скуки,
Сердечной пустошы,
Уныніе разлуки,
Всегдашнія мечшы,
Мои надежды, чувства
Безъ лести, безъ искуства
Бумагъ передай....
Болтливостью небрежной
И въшреной и нѣжной
Ихъ сердце утѣшай....

Когда же берегъ ада
На-вѣкъ меня возьмешь,
Когда со мной заснешь
Перо, моя опрада,
И пы, въ углу пуспомъ
Осиропѣвъ, оспынешь,
И навсегда покинешь
Поэта шихій домъ —
Тебя возьмешь унылой
Ч, другъ мой милой:
Послѣдній будь привѣтъ
Любимцу праздныхъ лѣтъ;
Взыскапельнаго свѣща
Очей не привлекай,
Но вѣрнаго Поэта
Друзьямъ напоминай.

Б О В А.

Отрывокъ изъ поэмы.

Часто, часто я бесѣдовалъ
Съ болтуномъ страны Элинскія,
И не смѣлъ осиплымъ голосомъ
Съ Шапеленомъ и съ Рифмашовымъ
Воспѣвать героевъ Сѣвера.
Несравненнаго Виргилія
Я читалъ и перечитывалъ,
Не спараясь подражать ему
Въ нѣжныхъ чувствахъ и гармоніи.
Разбиралъ я Нѣмца Клоппшюка
И не могъ понять премудраго;
Не хотѣлъ я воспѣвать, какъ онъ —
Я хочу, меня чѣмъ бы поняли
Всѣ отъ мала до великаго.
За Мильпономъ и Камоэнсомъ
Опасался я безъ крилъ парить.
Но вчера, въ архивахъ роаяся,

Опыскалъ я книжку славную,
Золотую, незабвенную,
Прочиталъ — и въ восхищеніи
Про Бову пою царевича.

Незапомню, сколько лѣтъ спуся
Послѣ рождества Спасителя,
Царь Додонъ со славой царствовалъ
Въ Свѣтомірѣ, сильномъ городѣ.
Царь Додонъ вѣнецъ со скипетромъ
Не прямой доспалъ дорогою,
Но убивъ царя законнаго
Бендокира Слабоумнаго.

Царь Додонъ не *слабоумнаго*
Былъ достоинъ злаго прозвища,
Но пирана неусыпнаго
(Онъ однако не имѣлъ его).

Лѣтъ мнѣ всѣ его достоинства
И пороки вамъ показываю;
Вы слышали, люди добрые,
О царѣ, что двадцать цѣлыхъ лѣтъ
Не снималъ съ себя оружія,
Не слѣзалъ съ коня репиваго,
Всюду пролешалъ съ побѣдою,
Міръ крещеный попопилъ въ крови,
Не щадилъ и некрещенаго,
И, въ ничтожество низверженный
Александромъ, грознымъ ангеломъ,

Жизнь проводишь въ униженіи —
И, забытый всѣми, кличется
Нынѣ Эльбы Императоромъ....
Вошъ шаковъ-шо былъ и царь Додонъ!

Разъ, собравъ бородачей совѣтъ
(Безбородыхъ не любилъ Додонъ),
На престолъ пригорюнившись,
Произнесъ онъ имъ шакую рѣчь:

«Вы, кошорые совѣшами
«Облегчали шяжестъ скипетра,
«Услаждали учасъ царскую
(Не горька она была ему),
«Мудрые друзья, сподвижники!
«Къ вамъ прибѣгнушь я рѣшаюся:
«Что мнѣ дѣлать нынѣ? Слушайте.

Всѣ привсѣпали важно хмурясь,
Низко, низко поклонились,
И, поправя усъ и бороду,
Сѣли на скамьи дубовыя.

«Вамъ извѣстно, продолжалъ Додонъ,
«Что искусствомъ и неправдою
«Я достигъ престола шапкаго
«Бендокира Слабоумнаго;
«Сочетался съ Милиприсою,
«Милой женкой Бендокировой,
«И въ темницу посадилъ Бову,
«Принца крови, сына царскаго.

«Легче, легче захватишь было
«Слабоумнаго златой вѣнецъ,
«Чѣмъ, надѣвъ вѣнецъ на голову,
«За собою удержашь его.
«Вопь уже народъ безсмысленный,
«Ходя въ праздники по улицамъ,
«Межъ собой неразъ говаривалъ:
«Дай Богъ помочь королевичу —
«Вѣдь Бова уже не маленькой,
«Не въ опца своей головушкой.
«Нужды нѣтъ, что за рѣшешкою;
«Онъ моимъ опасенъ замысламъ.
«Что мнѣ дѣлать съ нимъ, скажите мнѣ?»

Все собранье призадумалось,
Всѣ въ молчаньи попустили взоръ.
То-то право злопой Совѣтъ,
Не болтали здѣсь, а думали:
Арзаморъ, мужъ старый, опытный,
Ротъ открылъ-было (совѣшовавъ
Знавъ хотѣлось посѣдѣлому),
Громко крикнулъ, но одумался
И въ молчаньи закусилъ языкъ.
Ко лбу перстъ приспавя щипательно,
Лекарь, славный Эскулапа внукъ,
Эзельдорфъ, обрипый весь, зѣвалъ
Табакеркою поскрипывалъ,
Но молчалъ; своей премудрости

Онъ предъ всѣми не показывалъ.
Вихромахъ, Полканъ съ Дубынею,
Спражи трона, славны рыцари,
Всѣ сидѣли будто вкопаны.
Громобурь, извѣстный силою,
Но умомъ непроницабельный,
Думалъ, думалъ и нечаянно
Задремалъ и захрапѣлъ въ углу.
Что примѣра лучше дѣйствуетъ?
Что людьми сильнѣй ворочаетъ?
Вопъ зѣвнули подъ перчаткою
Храбрый Мирозоръ съ Ивашкою,
И Полканъ, и Арзаморъ съдой,
И ко груди приклонились
Тихо головами буйными.
Глядь — съ Додономъ задремалъ Совѣтъ,
Захрапѣли многомыслящи!

Долго спать-было совѣшникамъ,
Если бъ Нѣмцу не пришлось изъ рукъ
Табакерку на полъ выронить;
Табакерка покапилася
И о шпору вдругъ ударилась
Громобуря, крѣпко спавшаго,
Загремѣла, раздвоилася,
Ошлешѣла въ разны спороны.
Храбрый воинъ пробуждается,
Озираетъ все собраніе,

Между-тѣмъ табакъ разсыпался,
Къ носу рыцаря подѣмлется —
И чихнулъ герой съ досадою
Такъ, что своды пошрясаются,
Окны всѣ дрожатъ и сыплются
И на петляхъ двери хлопаются;
Пробуждается собраніе.

«Что шунтъ думаешь, закричалъ герой:
«Царь! Бова тебѣ не надобенъ,
«Ну, и къ чорту королевича!
«Рѣшено — ему въ-живыхъ не быть.
«Послѣ, брашцы, вы разсудите,
«Какъ съ нимъ надобно раздѣлаться.
Тѣмъ и кончилъ; храбры воины
Рѣчи любящъ лаконически.

Ладно! мы тебя послушаемъ,
Царь промолвилъ просянувшись;
Завтра, други, мы увидимся,
А теперь спускайтесь всѣ домой.

Оплошалъ Додонъ оперочкою:
Не пвердилъ онъ вѣрно въ азбукѣ:
«Не откладывай до завтраго,
«Что сегодня можешь исполнишь.»
Разошлись всѣ придворные.
Ночь межъ-тѣмъ уже сгущалася;
Царь Додонъ въ постелю царскую

Вмѣстѣ съ милой легъ супругою,
Съ несравненной Милиприсою.

Милиприсина служаночка,
Зоя, молодая дѣвица,
Ангелъ спаномъ, взоромъ, личикомъ,
Бѣлой ручкой, нѣжной ножкою,
Съ госпожи снявъ плащъ шелково —
Юбку, чепчикъ, ленты, кружева,
Все подъ ключъ въ комодъ спрятала
И пошла тихонько въ дѣвичью.
Тамъ она сама раздѣлася,
Подняла съ прудомъ окошечко,
И легла въ постель пуховую,
Ожидая друга милаго,
Свѣтлозвѣзды, пажа царскаго:
Къ темной ночкѣ общался онъ
Изъ окна прыгнувъ къ ней въ комнату.
Ждетъ, пождетъ дѣвица красная —
Нѣтъ какъ нѣтъ все друга милаго.
Чу! бѣшетъ полночь — что же Зоинька?
Видитъ: входятъ къ ней въ окошечко —
Кто же? другъ ли сердца нѣжнаго?
Нѣтъ, совсѣмъ не то, чистоплюи!
Видитъ Зоя привидѣніе:
Старичишка съ длинной шапкою,
Въ балахонѣ вмѣсто мантіи,
Опоясанный мочалкою;

Видъ пропивный, глазъ на выкашъ,
Ротъ разинутъ, зубы скаляшся,
Уши длинные, ослиные
Надъ плечами громко хлопающъ....
Зоя смотришъ и со трепешомъ
Узнаешъ она, чипашели,
Бендокира Слабоумнаго.

Трепешна, смяшенъя полная,
Спала на колѣни Зоинька,
Съединила ручку съ ручкою,
Попушила очи ясные,
Прочитала скорымъ шопопомъ
Ошче нашъ и Богородицу,
И пихохонько промолвила:
Чшо я вижу? Боже! Господи!
О Никола! Савва мученикъ!
Осѣните беззащитную.
Ты ли это, царь нашъ батюшка?
Ошъ чего, скажи, оставилъ ты
Нынѣ царствіе небесное?
Спраннымъ смѣхомъ освѣшившися,
Тѣнь рекла прекрасной Зоинкѣ:
«Зоя, Зоя! не спрашисъ, мой свѣшъ!
«Не пугашъ тебя мнѣ хочешся,
«Не на шо сюда явился я
«Съ того свѣша привидѣніемъ.
«Весело пугашъ живыхъ людей;

«Но могу ли веселишься я,
«Если сына Бендокирова,
«Милаго Бову царевича,
«На костръ изжаряпъ завпра же?»

Бѣдной царь заплакалъ жалобно;
Больно спало доброй дѣвушкѣ.
— Чѣмъ могу, скажи, помочь тебѣ?
Я во всемъ тебѣ покорсшвую. —

«Вопъ что хочешся мнѣ, Зоинька:
«Изъ шемницы сына выручи,
«И сама въ жилище мрачное
«Сядь на мѣсто королевича;
«Поспрадай ты за невиннаго;
«Поклонюсь тебѣ низехонько
«И скажу: спасибо, Зоинька!»

Зоинька пупъ призадумалась;
Эшо жестко ей казалось;
Но, имѣя чувства нѣжныя,
Зоя впайнѣ согласилась
На такое предложеніе.

Такъ, ты правъ, оракулъ Франціи,
Говоря, что жены, слабыя
Противъ стрѣлъ Эроса юнаго,
Всѣ имѣюпъ душу добрую,
Сердце нѣжно - непришворное.
— Но скажи, о царь возлюбленный!
Зоя молвила покойнику,

Толъ ІХ.

Какъ могу — ну, посуди ты самъ —
Пренесись въ темницу мрачную,
Гдѣ горюетъ твой любезный сынъ?
Пятьдесятъ отборныхъ воиновъ
Днемъ и ночью сперегутъ его.
Мнѣ ли, слабой, робкой женщинѣ,
Обмануть ихъ очи зоркія? —

«Будь спокойна, случай найдется;
«Поклянись лишь только, милая,
«Не отвергнешь сего случая,
«Если самъ тебѣ представится.»
— Я клянусь! — сказала дѣвица.

Вмигъ исчезло привидѣніе,
Изъ окошка быстро вылетѣвъ.
Воздыхая тихо, Зоянька
Опустила тушь окошечко,
И въ постелѣ успокоившись,
Скоро, скоро сномъ забылася.

КРАСАВИЦЪ,

КОТОРАЯ НЮХАЛА ТАБАКЪ.

—

Возможно ль, вмѣсто розъ, Амуромъ насаж-
денныхъ,
Тюльпановъ гордо наклоненныхъ,
Душистыхъ ландышей, яминовъ и лилей,
Которыхъ ты всегда любила,
И прежде всякій день носила
На мраморной груди своей —
Возможно ль? милая Климена!
Какая странная во вкусъ переменна:
Ты любишь обонять не упренный цвѣпокъ,
А вредную траву зелену,
Искусвомъ превращенну
Въ душистый порошокъ?
Пускай уже съдой профессоръ Гешпингена,
На старой кафедрѣ согнувшись дугой,
Вперивъ въ латинщину глубокий разумъ свой,
Раскашлявшись, табакъ полченный
Пихаетъ въ длинный носъ изсохшею рукой;
*

Пускай молодой драгунъ усапой,
Поупру сидя у окна,
Спаканы сушишь всё до дна,
И чпобъ прогнашь оспапокъ сна,
Изъ трубки пенковой дымъ гонишь сѣроватый;
Пускай красавица шестидесяти лѣтъ,
У коей держишься вся прелестъ на подшавкѣ,
У коей безъ морщинъ на шѣлѣ мѣсна нѣтъ,
Чаетъ въ-прикуску попиваетъ,
Съ Сарептскимъ табакомъ печали забываетъ.
А ты, прелестная! Но если ужъ табакъ
Споль нравился тебѣ... о пылъ воображенья!
Ахъ! если бѣ, превращенный въ прахъ,
И въ табакеркѣ, въ започеньи,
Я въ персты нѣжные твои попасъся могъ;
Тогда бѣ, въ сердечномъ восхищеньи,
Разсыпался на грудь.
Но, что! мечта, мечта пустая!
Не будешь этого никакъ!
О доля человѣка злая!
Ахъ!... опъ чего я не ... табакъ!

КЪ НАТАЛЬ ТЪ.

—

Такъ, и мнѣ узнашь случилось,
Что за птица Купидонъ;
Сердце страшное пѣнилось —
Признаюсь: и я влюбленъ!
Пролетѣло счастья время,
Какъ, любви не зная бремя,
Я живалъ да попѣвалъ;
Какъ въ пѣснрѣ и на балахъ,
На гуляньяхъ, иль въ воксалахъ
Легкимъ зефиромъ лепалъ;
Какъ, смѣясь, во зло Амуру
Я писалъ каррикашуру
На любезный женскій полъ.
Но напрасно я смѣялся;
Наконецъ и самъ попался —
Самъ, увѣ! съ-ума сошелъ.
Смѣхи, вольность, все подъ лавку,
Изъ Капоновъ я въ опсѣавку,
И теперь я — Селадонъ!

Миловидной жрицы Талы,
Видѣлъ прелести Напалы —
И ужъ въ сердцѣ Купидонъ!
Такъ, Напалы! признаюся,
Я тобою полоненъ;
Въ первый разъ еще (спыжуся)
Въ женски прелести влюбленъ;
Цѣлый день, какъ ни верчуся,
Лишь тобою заняшъ я;
Ночь придетъ — и лишь тебя
Вижу я въ пущомъ мечтанъ,
Вижу, въ легкомъ одѣянъ
Будно милая со мной:
Робко, сладостно дыханье,
Бѣлой груди колебанье,
Снѣгъ зашмившей бѣлизной —
И полуопверсны очи,
Скромный мракъ безмолвной ночи —
Духъ въ восторгъ приводяшъ мой!...
Я одинъ въ бесѣдкѣ съ нею;
Вижу дѣвственну лилею,
Трепещу, шмлюсь, нѣмью...
И проснулся — вижу мракъ
Вкругъ постели одинокой!
Ипускаю вздохъ глубокой;
Сонъ лѣнивый, шмноокой
Ошмешаетъ на крылахъ;

Сспраспъ сильнѣе спановишся —
И, любовью упомясь,
Я слабѣю каждый часъ —
Все къ чему-то умъ спремилъся.
Но, Напалья! ты не знаешь,
Кпо пвой нѣжный Селадонъ?
Ты еще не понимаешь,
Отъ чего не смѣешь онъ
И надѣяться? — Напалья!
Выслушай еще меня:
Не владѣтель я сераля,
Не Арапъ, не Турокъ я;
За учпиваго Кишайца,
Грубаго Американца
Почищать меня нельзя;
Не представъ и Нѣмчурою,
Съ колпакомъ на волосахъ,
Съ кружкой пивомъ налипою
И съ цыгаркою въ зубахъ;
Не представъ кавалергарда
Въ каскѣ съ длиннымъ палащомъ —
Не люблю я бранный громъ:
Шпага, сабля, алебарда
Не тягчаютъ моей руки.
Кпо же ты, болшунъ влюбленный?

КЪ МОЛОДОЙ АКТРИСѢ.

Ты не наслѣдница Клероны;
Не для тебя свои законы
Владѣлецъ Пинда начерпалъ;
Тебѣ немного Богъ послалъ;
Твой голосокъ, тѣлодвиженья,
Нѣмыя взоровъ обращенья
Не сподяшъ, признаюсь, похвалъ
И шумныхъ плесковъ удивленья;
Жестокой суждено судьбой
Тебѣ актрисой быть дурной.
Но, Хлоя, ты мила собой;
Тебѣ во-слѣдъ полнящая смѣхи,
Сулящая любовникамъ ушѣхи —
И такъ, вѣнцы передъ побой,
И несомнительны успѣхи.

Ты плѣннымъ зрителья ведешь,
Когда безъ такта ты поешь,
Недвижно стоя передъ нами,
Поешь — и часно не въ-попадъ;

А мы усердными руками
Всѣ громко хлопаемъ; кричапъ:
Bravo! bravissime! чудесно!
Свиспки сапириковъ молчапъ,
И всѣ покорспвуютъ прелеспной.

Когда, въ неловкости своей,
Ты сложишь руки у грудей,
Или подынешъ ихъ — и снова
На грудь положишь не спыдасъ;
Когда Милона молодого,
Лепеча что-то не для насъ
Въ любви безъ чувства увѣряешь,
Или безъ памяти, въ слезахъ
Холодный испуская ахъ!
Спокойно въ кресла упадаешь;
Краснѣя и чуть - чуть дыша,
Всѣ шепчущъ : ахъ! какъ хороша!
Увы! другую бѣ освиспали!
Велико дѣло красота!
О Хлоя! мудрые солгали:
Не все на свѣшъ суеша.

Плѣняй же, Хлоя, красоюю!
Спокрапъ блаженъ любовникъ шопъ,
Который нѣжно предъ шобою,
Осмѣлясь, о любви поешъ,
Въ стихахъ и прозою на сценѣ
Тебя клянешся обожашъ,

Кому ты можешь отвѣчать,
Не смѣя молвить объ измѣнѣ;
Блаженъ, кто можетъ роль забыть
На сценѣ съ миленькой актрисой,
Жасть руку ей, надѣясь быть
Еще блаженнѣй за кулисой!

КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ.

—

Пускай, не знаясь съ Аполлономъ
Поэпъ, придворный философъ,
Вельможъ знапному съ поклономъ
Подноситъ оду въ двѣсти спрофъ;
Но я, любезный Горчаковъ!
Не просыпаюсь съ пѣпухами,
И напыщенными спихами
Наборомъ громозвучныхъ словъ
Я пѣпъ пуспаго не умѣю
Высоко, шонко и хипро;
И въ лиру превращапъ не смѣю
Мое гусиное перо!
Нѣпъ, нѣпъ! любезный князь, не оду
Тебѣ намѣренъ посвяпишь;
Чпо прибыли совапся въ воду,
Сначала не спросившись броду,
И въ-слѣдъ Державину парипъ?
Пишу своимъ я складомъ нынѣ
Кой-какъ спихи на имянины!...

Что долженъ я, скажи, въ сей часъ
Желаешь опъ чиста сердца другу?
Глубоку ль старость, милый князь?
Дышей, любезную супругу,
Или богатства, громкихъ дней,
Крестовъ, алмазныхъ звѣздъ, чешей?
Не пожелаешь ли, чгобы славой
Ты увлеченъ былъ въ пучъ кровавой,
Чгобъ въ лаврахъ и вѣнцахъ сіять,
Чгобъ въ битвахъ громъ изъ рукъ мешалъ?
И чгобъ побѣда за обою,
Какъ древле Невскому герою,
Всегда, вездѣ лешала въ слѣдъ?
Не сладоспращія поэтъ
Такою пѣсенкой поздравитъ —
Онъ лучше музъ на-вѣкъ оставитъ!
Дай Богъ любви, чгобъ ты свой вѣкъ,
Писомцемъ нѣжнымъ Эпикура,
Провелъ межъ Вакха и Амура!
А шамъ, когда Спигійскій берегъ
Мелькнешъ въ шуманномъ опдаленьи,
Дай Богъ, чгобъ въ спращномъ упоеньи
Ты съ шомной сладостью въ очахъ
Изъ рукъ младаго Купидона,
Всупая въ мрачный чолнъ Харона,
Уснулъ Элены на грудяхъ!

Л Е Д А.

(Кантата).

Средь темной рощицы, подь пѣною липъ ду-
шисныхъ,
Въ високомъ проспикѣ, гдѣ чиснымъ жемчу-
гомъ

Вздучалась пѣна водъ сребрисныхъ —
Колеблясь тихимъ вѣперкомъ,
Покровъ красавицы спыдливой,
Небрежно кинутый, у берега лежалъ —
И прелести ея пошокъ волной игривой
Съ весельемъ орошалъ.

Жишель рощи поропливой,
Будь же скромень, о ручей!
Тише, спруйки говорливы!
Измѣнишь спрашишесь ей!

Леда робостью препенещь,
Тихо дышешъ снѣжна грудь,
Ни волна вокругъ не плещешъ,
Ни зефиръ не смѣешъ душъ.

Въ роцѣ шорохъ упиhaешъ,
Все въ прелестной пишинѣ;
Нимфа далѣ спускаешъ,
Робкой ввѣрившись волнѣ.

Но что-то межъ кустовъ прибрежныхъ воз-
шумѣло —

И чувство робости прекрасной овладѣло.
Невольно вздрогнула, не въ силахъ воздохнуть —
И вопъ пернатыхъ царь изъ-подъ склонен-
ной ивы,

Расправя крылья горделивы,
Къ красавицѣ плывешъ — веселья полна грудь;
Съ шумящей пѣною отважно волны гонишъ,
Крылами воздухъ бьешъ,
То въ кольца шею вьешъ,
То гордую главу, смирясь предъ Ледой, клонишъ —
Леда смѣется,
Вдругъ раздается
Радости кликъ...
Видъ сладострастный!
Къ Ледѣ прекрасной
Лебедь приникъ,
Слышно спенанье;
Нимфа лѣсовъ
Съ нѣгою сладкой
Видишъ украдкой
Тайну боговъ.

Опомнясь, наконецъ, красавица младая
Ошкрыла шихій взоръ, въ помленьяхъ воздыхая.
И чпожъ увидѣла? На ложѣ изъ цвѣшовъ
Она покоишся въ объятіяхъ Зевеса,

Межъ ними юная любовь —

И пала шаинспива прелесшнаго завѣса.

Симъ примѣромъ научишесь

Розы — дѣвы красоты;

Лѣшнимъ вечеромъ спрашишесь

Въ темной рощицѣ воды:

Въ темной рощицѣ таишся

Часпо пламенный Эропъ;

Съ хладной струйкою капишся,

Спрѣлы прячешъ въ пѣнѣ водъ.

Симъ примѣромъ научишесь,

Розы — дѣвы красоты;

Лѣшнимъ вечеромъ спрашишесь

Въ темной рощицѣ воды.

О С Г А Р Ъ.

По камнямъ гробовымъ, въ шуманахъ полуночи,
Сступая трепешно успалою ногой,
По Лоръ пущникъ шелъ; напрасно очи
Ночлега мирнаго искали въ шмѣ гуспой.
Пещеры нѣшь предъ нимъ, на берегъ угрюмомъ;
Не видить хижины, наслѣдья рыбака;
Въ дали дремучій боръ качаются въ шры съ шумомъ,
Луна за тучами и въ моръ спитъ заря.
Идешь, и на скалъ, обросшей влажнымъ мохомъ,
Зришь барда спараго — веселье прошлыхъ лѣтъ:
Склонясь съдымъ челомъ надъ воющимъ попокомъ,
Въ безмолвіи, время онъ созерцалъ полетъ.
Зубчатый мечъ висѣлъ на вѣшви мрачной ивы.
Задумчивый пѣвецъ взоръ тихій обратилъ
На сына чуждыхъ странъ, и пущникъ боязливый
Содрогся въ ужасъ и мимо поспѣшилъ.

«Стой, пупникъ! стой! въщаль пѣвецъ вѣ-
ковъ минувшихъ:
Здѣсь пали храбрые; почпи ихъ бранный прахъ,
Почпи геройство чадъ, могилы сномъ уснувшихъ!»
Пришлецъ главой поникъ — и, мнилось, на
холмахъ

Возспавшій рядъ пѣней главы окровавленны
Съ улыбкой гордою на спранника склонялъ.
— Чей гробъ я вижу шамъ? въщаль иноплемен-
ный,

И Барду посохомъ на берегъ указалъ.

Колчанъ и шлемъ спальной, къ утесу при-
гвожденный,

Бросали тусклый лучъ, луною озлапясь.

Увы, здѣсь палъ Осгаръ! рекъ спарецъ вдохно-
венный.

О! рано юношѣ насталъ послѣдній часъ!

Но онъ искалъ его: я зрѣлъ, какъ въ рапиномъ
спроѣ

Онъ первыя стрѣлы съ весельемъ ожидалъ,

И рвался изъ рядовъ и палъ въ кипящемъ боѣ.

Покойся, юноша! ты въ брани славной палъ!

Во цвѣтѣ нѣжныхъ лѣтъ любилъ Осгаръ
Мальвину;

Неразъ онъ въ радости съ подругою встрѣчалъ

Вечерній свѣтъ луны, скользящій на долину,

И шѣнь упавшую съ приморскихъ грозныхъ
скалъ.

Казалось, ихъ сердца другъ къ другу пламенѣли;
Одной, одной Осгаръ Мальвиною дышалъ.

Но быстро дни любви и счастья пролетѣли,
И вечеръ горести для юноши насталъ!..

Однажды, въ шемну ночь зимы порой унылой,
Осгаръ спучишся въ дверь красавицы молодой,
И шепчетъ: «юный другъ! немедли, здѣсь твоей
милой!»

Но тихо въ хижинѣ. Вновь робкою рукой
Спучишъ и слушаешъ: лишь вѣтры съ свисомъ
воюшъ.

«Ужели спишь шеперь, Мальвина?» Мгла во-
кругъ,

Валишся снѣгъ, власы въ шуманѣ леденѣюшъ.

«Услышь, услышь меня, Мальвина, милый другъ!»
Онъ въ прешій разъ спучишъ. Со скрипомъ
дверь шапнулась:

Онъ входишъ съ прешпомъ; несчастный! чпожъ
узрѣлъ?

Темнѣешъ взоръ его; Мальвина содрогнулась;
Онъ зришъ — въ объятіяхъ измѣнницы Звиг-
нелъ!

И яросшь дикая во взорахъ закипѣла;
Нѣмѣешъ и дрожишъ любовникъ молодой.

Онъ грозный мечъ извлекъ — и нѣшь уже Звиг-
нела,

И блѣдный духъ его сокрылся въ шмѣ ночной!

Мальвина обняла несчастнаго колѣна.

Но взоры опвращивъ: «живи!» въщаль Осгартъ;

Живи, ужъ я не швой, презрѣнна мной измѣна,

Забуду, попушу къ невѣрной спрасши жаръ.

И шихо за порогъ выходишь онъ въ молчанѣ,

Окованъ мрачною, безмолвною шоской —

Исчезло сладкое на-вѣкъ очарованье!

Я видѣлъ юношу: поникнувъ головою,
Мальвины имя онъ въ опчаяннѣ шепшаль;
Какъ сумракъ, дремлющій надъ бездною морскою,
На сердцѣ горесшномъ унынья мракъ лежалъ.
На друга дѣшскихъ лѣшъ взглянулъ онъ шороп-
ливо:

Уже недвижный взоръ друзей не узнавалъ.

Ошъ пиршесшвъ удаленъ, въ пусшынѣ молчаливой

Онъ одиочесшвомъ печаль свою пишалъ.

И длинный годъ провелъ Осгартъ среди мученій.

Вдругъ грянулъ шрубный гласъ: Оденовъ сышъ,
Фингаль,

Велъ грозныхъ на мечи, въ кровавый пылъ сра-
женій.

Осгартъ послышалъ въспъ и бранью воспымалъ.

Здѣсь мечъ его сверкнулъ, и смершь предъ нимъ
бѣжала:

Покрытый ранами, здѣсь палъ на груди пѣлъ;
Онъ палъ — еще рука меча кругомъ искала,
И крѣпкій сонъ вѣковъ на сильнаго слепѣлъ!

Побѣгли вспяшь враги — и тихій миръ герою!
И тихо все вокругъ могильнаго холма!
Лишь въ осень хладную, безмѣсячной порою,
Когда вершины горъ стягиваетъ сырая пѣна,
Въ багровомъ облакѣ, одѣянна туманомъ,
На камнѣ гробовомъ уныла тѣнь сидитъ —
И стрѣлы дребезжатъ, спучивъ броня съ кол-
чаномъ,
И кленъ, зашевелился, таинственно шумитъ.

Онъ поднялъ мечъ, и съ прешпомъ Эвлега
Падешъ на дернъ, какъ клокъ лепучій снѣга,
Мешелицей оппорженный со скаль!
Другъ на друга соперники спремятся,
Кровавый шокъ по камнямъ побѣжалъ:
Въ кустарники съ опчаяньемъ капяпся.
Послѣдній гласъ Эвлегу призывалъ —
И смерти хладъ ихъ яроспъ оковалъ!

О К Н О.

Гдѣ міръ, одной мечтѣ послушной ?
Мнѣ настоящій опустѣль !
На все взираю равнодушно ;
Дышашь уныньемъ мой удѣль.
Напрасно лѣшнею порою
Любовникъ рощиць и луговъ
Кольшешь розой полевою,
Лепя съ пѣнисныхъ береговъ ;
Напрасно поздняя зарница
Мерцаешь въ шемношѣ ночной,
Иль въ зыбкихъ облакахъ денница
Разлиша пламенной рѣкой ,
Иль день багряный вечерѣшъ
И шихо пускнешь небосводъ,
И кленъ на мѣсяцъ бѣлѣшъ,
Склонясь на берегъ синихъ водъ,
Недавно шемною порою ,
Когда пусшынная луна

Текла ш уманною спезёю,
Я видѣль: дѣва у окна
Одна задумчиво сидѣла,
Дышала въ тайномъ страхѣ грудь;
Она съ волненіемъ глядѣла
На темный подъ холмами пунь.
Я здѣсь! шепнули поропливо;
И дѣва прешетной рукой
Окно открыла боязливо,
Луна покрылась темношой.
Счастливецъ! молвилъ я съ шоскою,
Тебя веселье ждешъ одно;
Когда жъ вечернею порою
И мнѣ откроешся окно?

РАЗСУДОКЪ И ЛЮБОВЬ.

Младой Дафнись, гоняясь за Доридой,
Поспой! кричалъ, прелеспная, поспой!
Скажи: люблю — и бѣгашь за тобой
Не спану я, клянуся въ шомъ Кипридой.
Молчи, молчи! разсудокъ говорилъ,
А плушь Эрошь: скажи, ты сердцу милъ.

Ты сердцу милъ! паспушка повторила,
И ихъ сердца огнемъ любви зажглись,
И палъ къ ногамъ красавицы Дафнись,
И спрашпный взоръ Дорида попушила!
Бѣги, бѣги! разсудокъ ей швердилъ,
А плушь Эрошь — оспанься! говорилъ.

Оспалася, и шрепешной рукою
Взялъ руку ей счаспливый паспушокъ.
Взгляни, сказалъ: съ подругой голубокъ

Э В Л Е Г А.

Вдали пы зришь утпесъ уединенный?
Пещеры въ немъ изрылась глубина ;
Темнѣетъ входъ, кустами окруженный;
Вблизи шумишь и пѣнишься волна.
Вечоръ, когда шуманилась луна,
Здѣсь милаго Эвлега призывала;
Здѣсь тихій гласъ горамъ передавала
Во шмѣ ночной, печальна и одна.

Приди, Одульфъ! ужъ роца поблѣднѣла;
На дикій мохъ Одульфа ждашь я сѣла;
Пылаетъ грудь, за вздохомъ вздохъ лешишь.
О! сладко жишь, мой другъ, душа съ душою!
Приди, Одульфъ! забудусь я съ тобою —
И поцѣлуй любовью возгоришь!

Бѣги, Осгаръ! швои мнѣ спрашны взоры,
Твой грозенъ видъ и хладны разговоры!
Оставь меня, не мною шоржесшуй!
Уже другой въ почи со мною дремлетъ

Ужъ на зарѣ другой меня объемлешь, —
И сладоспенъ его мнѣ поцѣлуй!

Что жъ медлишь онъ свершишь мои надежды?
Для милаго я сбросила одежды,
Зависпливый покровъ у ногъ лежишь.
Но, чу! идушь — шакъ! эшо другъ надежный!
Ужъ начались воспорги спраспи нѣжной —
И поцѣлуй любовью возгоришь.

Идесть Одульфъ, во взорахъ упоенье,
Въ груди любовь, и прочь бѣжишь печаль;
Но близъ него во тмѣ сверкнула спаль,
И вздрогнулъ онъ — родилось подозрѣнье:
Кто ты? спросилъ, почто ты здѣсь, вѣщай!
Ошвѣпшувуй мнѣ, о шумъ угрюмой ночи!»
— Бесильный врагъ! Осгара убѣгай!
Въ пустынной тмѣ чпо ищущъ робки очи?
Спрашисъ меня: я спрашью воспаленъ.
Въ пещерѣ здѣсь Эвлега ждесть Осгара;
Булашный мечъ въ минушу обнаженъ,
Огонь лепишь спруями опъ удара.

Услышала Эвлега спукъ мечей,
И бросила со страхомъ хладъ пещерной.
«Приди узрѣшь предметъ любви твоей!
Вскричалъ Одульфъ подругъ нѣжной, вѣрной.
Измѣнница! ты здѣсь его зовешь?
Во тмѣ ночной васъ улаждаешь нѣга —
Но дерзкаго въ Валгалъ ты найдешь.»

Тамъ обнялись подъ шѣнью липъ гусною!
Бѣги, бѣги! разсудокъ повпоришь;
Учись опъ нихъ, Эропъ ей говоришь.

*
* *

И нѣжная улыбка пробѣжала
Красавицы на пламенныхъ усахъ,
И вопъ она съ помненіемъ въ глазахъ
Къ любезному въ объятія упала...
Будь счастлива! Эропъ ей прошепшалъ;
Разсудокъ что жъ? разсудокъ ужъ молчалъ.

КЪ НАТАШЪ.

—

Вянепъ, вянепъ лѣшо красно,
Улепаюпъ ясны дни!
Спелелся туманъ ненастной
Ночи въ дремлющей пѣни;
Опустѣли злачны нивы,
Хладенъ ручеекъ игривый,
Лѣсъ кудрявый постѣдѣлъ;
Сводъ небесный поблѣднѣлъ.

* * *

Свѣпъ - Напаша! гдѣ ты нынѣ?
Что никто тебя не зрипъ?
Иль не хочешь часъ единый
Съ другомъ сердца раздѣлипъ?
Ни надъ озеромъ волниспымъ,
Ни подъ кровомъ липъ душиспымъ
Ранней, поздней порой,
Не встрѣчаюсь я съ побой.

* * *

Скоро, скоро холодъ зимній
Рощу, поле посѣшишь;
Огонекъ въ лачушкѣ дымной
Скоро ярко заблещишь;
Не увижу я прелесной
И, какъ чирикъ въ клѣткѣ пѣсной,
Дома буду горевать
И Нашашу воспоминашь.

Н А С Л А Ж Д Е Н І Е.

Въ неволѣ скучной увядаешъ
Едва развишъ жизни цвѣтъ,
Украдкой младость оплешаешъ
И слѣдъ ея — печали слѣдъ!
Съ минушъ безчувственныхъ рожденья
До нѣжныхъ юношества лѣтъ
Я все не знаю наслажденья,
И счастья въ шомномъ сердцѣ нѣтъ!
Съ порога жизни въ опдаленье
Неперпѣливо я смотрѣлъ:
Тамъ, тамъ, мечпалъ я, наслажденье;
Но я за призракомъ лепѣлъ.
Злашья крылья развивая,
Волшебной, нѣжной красоной
Любовь явилась молодая
И полетѣла предо мной.
Я мчался къ цѣли опдаленной,

Но цѣли милой не доспигь!..
Когда жъ, весельемъ окриленной,
Настанешъ счастья быспрый мигъ?
Когда въ сіяньи возгорится
Свѣшльникъ пусклый юныхъ дней,
И мрачной пущь мой озарится
Улыбкой спутницы моей?

КЪ МАШѢ.

Вчера мнѣ Маша приказала
Въ куплешы рифмы набросать,
И мнѣ въ награду обѣщала
Спасибо въ прозѣ написать.

Спѣшу исполнишь приказанье.
Года не смѣюшь погодишь:
Еще семь лѣтъ — и обѣщанье
Ты не исполнишь, можетъ быть.

Вы чинно, молча, сложа руки,
Въ собраньяхъ будешь сидѣшь,
И жершвуя богинѣ скуки,
Съ воксала въ маскарадъ лѣшѣшь.

И ужъ не вспомнишь поэта...
О Маша, Маша! поспѣши,
И за чешыре мнѣ куплета
Мою награду напиши.

ПОГРЕБЪ.

О, сжалъсь надо мною,
Товарищи, друзья!
Красошкой удалою
Въ конецъ измученъ я!

Всечасно я поскую;
Горька моя судьба!
Несише жъ круговую,
Откройте погреба.

Тамъ, шамъ во льду хранился
Бутылочъ гордый спрой,
И поршера таится
Боченокъ выписной.

Нашъ Либеръ, заикаясь,
Къ нему покажетъ пущь —
Пойдемше всѣ, шашаясь,
Подъ бочками заснушь!

Въ нихъ сердца утѣшенъе,
Награда для пѣвцовъ,
И мукъ любви забвенъе,
И жаръ моихъ стиховъ.

И С Т И Н А.

Недавно мудрые искали
Забывшихъ истины слѣдовъ,
И долго, долго полковали
Давнишни полки спариковъ,
Твердили: «истина нагая
Въ колодезь убралась тайкомъ.»
И дружно воду выпивая,
Кричали: «здѣсь ее найдемъ!»

* *
*

Но кто-то, смертныхъ благодѣтель —
И чужь ли не спарикъ Силентъ —
Ихъ важной глупости свидѣтель,
Водой и крикомъ упоменъ,
Оставилъ невидимку нашу,
Подумалъ первый о винѣ
И, осушивъ до капли чашу,
Увидѣлъ истину на днѣ.

ЗАСТОЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

—

Други! пусть года несутся,
О годахъ ли намъ шужишь,
Коль не все и лозы вьются?
Но скорѣй и пишь — и жишь.

* *
*

Громкій смѣхъ надъ лекарями
При плесканьи полныхъ чашъ!
Вѣрыше мнѣ, Игся съ нами,
Самъ Ліэй цѣлишель нашъ.

* *
*

Пѣнный мозель восхищенье
Изливаетъ въ нашу кровь;
Пейте жъ съ нимъ вы утѣшенье
И болтливую любовь!

* *
*

*

Выпили. Еще! кругами
Рдѣетъ радость на щекахъ —
Порхъ! Амуръ забилъ крылами —
И мы дремлемъ на цвѣтахъ.

СТАНСЫ.

(Изъ Вольтера).

—

Ты мнѣ велишь пылашь душою —
Опдай же мнѣ прошекши дни;
Съ моей вечернею зарею
Мое ты ушро съедини.

Мой вѣкъ невидимо проходишь
Изъ круга смѣховъ и Харишь;
Ужъ время скрышься мнѣ велишь
И за руку меня выводишь.

Не дасъ оно пощады намъ:
Кшо примѣняшь не умѣешь
Къ своимъ измѣнчивымъ годамъ,
Тошъ ихъ несчастья лишь имѣешь.

Счастливымъ рѣзвымъ, молодымъ
Оставимъ спраспи заблужденья;
Живемъ мы въ мірѣ два мгновенья —
Одно разсудку опдадимъ.

Вы, улаждавшія печали
Минушной младости моей,
Любовь, мечпанья первыхъ дней!
Уже ль на-вѣкъ вы убѣжали?
Намъ должно дважды умирать;
Проснитъся съ сладостнымъ мечпань-
емъ:

Вопь смертъ ужасная спраданьемъ!
Что значишь послѣ не дышать?

На пасмурномъ моемъ закапѣ
Среди пустынной шемношы
Такъ сожалѣлъ я объ утратѣ
Обмановъ милыя мечты!

Тогда на голосъ мой унылой
Мнѣ дружба руку подала:
Она любви подобна милой
Въ одной лишь нѣжности была.

Я ей принесъ увядши розы
Оспрадныхъ юношескиа дней,
И въ слѣдъ пошелъ — но лилъ я слезы,
Что могъ во слѣдъ идти лишь ей!

Д Е Л І Я.

—

Ты ль передо мною,
Делія моя?
Разлучень съ побою —
Сколько плакалъ я!
Ты ль передо мною,
Или сонъ мечшою
Обольсшилъ меня?

* *
*

Ты узнала ль друга?
Онъ не то, что былъ;
Но тебя, подруга!
Все жъ не позабылъ —
И швердиль унылой:
Я любимъ ли милой,
Какъ, бывало, былъ?

* *
*

Что теперь сравнися
Съ долею моей?

Вотъ слеза капишся

По щекѣ твоей —

Делія спыдишся. . . .

Что теперь сравнися

Съ долею моей?

КЪ ДЕЛІИ.

—

О Делія драгая!
Спѣши, моя краса,
Звѣзда любви злая,
Спѣши: швой Аргусъ удалился,
И сонъ сомкнулъ его глаза.

* *
*

Подъ сѣнью пощаенной
Дубравной пишины,
Гдѣ шокъ уединенной
Сребриспыхъ волны
Журчишь съ унылой Филомелой,
Готовъ пріюшь любви веселой,
И блескомъ освѣщенъ луны.

* *
*

Накинушъ тѣни нощи
Покровы намъ свои,
И дремлюшъ сѣни рощи,
И быстро мигъ любви
Лепишъ — я весь горю желаньемъ:
Спѣши, о Делія! свиданьемъ,
Спѣши въ обѣщія мои.

ВОСПОМИНАНІЕ

(Къ Пушкину).

—
Помнишь ли, мой брашъ по чашѣ,
Какъ въ оспрадной пишинѣ
Мы топили горе наше
Въ чиспомъ пѣниспомъ винѣ?

Какъ, укывшись молчаливо
Въ нашемъ шемномъ уголкѣ,
Съ Вакхомъ нѣжились лѣниво
Школьной спражи вдалькѣ?

Помнишь ли друзей шенпанье
Вкругъ бокаловъ пуншевыхъ,
Рюмокъ грозное молчанье,
Пламя прубокъ грошевыхъ?

Закипѣвъ, о сколь прекрасно
Токи дымные шекли!...
Вдругъ педанша гласъ ужасной
Намъ слышался вдали —

И брызгалки вмигъ разбиши —
И бокалы все въ окно,
Всюду по полу разлиши
Пуншъ и свѣпное вино.

Убѣгаемъ шоропливо;
Въ-мигъ исчезъ минувшій страхъ!
Щекъ румяныхъ цвѣтъ игривой,
Умъ и сердце на ушахъ,

Хохотъ чистаго веселья,
Неподвижной пусклой взоръ —
Измѣняли чадъ похмелья.
Сладкой Вакха заговоръ!

О друзья мои сердечны!
Вамъ клянуся, за споломъ,
Всякій годъ, въ часы безпечны,
Поминашь его виномъ.

С О Н Ъ.

(Отрывокъ).

Пускай поэтъ съ кадильницей наемной
Гоняется за счастьемъ и молвой —
Мнѣ спрашенъ свѣтъ, проходишь вѣкъ мой тем-
ной

Въ безвѣстности, заглохшею тропой.
Пускай пѣвцы гремящими хвалами
Полубогамъ безсмертіе даютъ;
Мой голосъ тихъ, и звучными струнами
Не оглашу безмолвія пріюшъ.
Пускай любовь Овидіи поюшъ,
Мнѣ не дастъ покоя Циперей;
Счастливыхъ дней Амуры мнѣ не вьютъ:
Я сонъ пою, безцѣнный даръ Морфея.
И научу, какъ должно въ пишинѣ
Покоишься въ пріятномъ крѣпкомъ снѣ.

Приди, о лѣнь! приди въ мою пущыню!
Тебя зовушь прохлада и покой;

Въ одной тебѣ я зрю свою богиню;
Готово все для гостыи молодой.
Все тихо здѣсь, докучный шумъ укрылся
За мой порогъ; на свѣшное окно
Прозрачное спустилось полотно,
И въ темной нишѣ, гдѣ сумракъ воцарился,
Чуть крадется невѣрный свѣтъ дневной —
Вопь мой диванъ; приди жъ въ обитель мира,
Царицей будь, я плѣнникъ нынѣ твой.
Учи меня, води моей рукой,
Все, все швое: вопь краски, кисть и лира!

А вы, друзья моей прелестной музы,
Которыми любви забыты узы,
Которые владычеству земли
Конечно сонъ спокойный предпочли —
О мудрецы! дивитесь вамъ умѣя,
Для васъ однихъ я нынѣ пронѣ Морфея
Поэзии цвѣтами обовью,
Для васъ однихъ блаженство воспою.
Внемлите же съ улыбкой снисхожденья
Моимъ стихамъ, урокамъ наслажденья.

Въ назначенный природой нѣги часъ,
Хопите ли забыться каждый разъ,
Въ ночной тиши, средь общаго молчанья,
Въ объятіяхъ игриваго мечтанья?
Спѣшите же подъ сельскій мирный кровъ:
Тамъ можно жить и праздно и безпечно,

Тамъ прямо рай; но прочь отъ городовъ,
Гдѣ крикъ и шумъ лѣнивцевъ мучишь вѣчно.
Согласенъ я, въ нихъ можно цѣлый день
Съ прелестницей ловишь веселья шѣнь;
Въ плашокъ зѣваешь, блистая въ модномъ свѣтѣ;
На балъ въ ночь вершешься на паркетѣ:
Но можно ли вкушать опраду сновъ?
Наспала шѣнь, уснуль лишь я гошовъ,
Обманутый призраками ночными —
И вопъ уже, при свѣтѣ фонарей,
На бышеной четверкѣ лошадей,
Спуча, гремя колесами злыми,
Капшся спѣсь подъ окнами моими.
Я вновь дремлю, вновь улица дрожишь —
На скучный балъ разсѣянье лепишь ...
О Боже мой! уже ли здѣсь ложаешься,
Чтобы всю ночь безсонницей терзаться?
Еще спучаешь, а памъ уже свѣшло,
И гдѣ мой сонъ? не лучше ли въ село? —
Тамъ рошица листочковъ препешаньемъ,
Въ лугу попокъ таинственнымъ журчаньемъ,
Злыхъ полей, долины пишина:
Въ деревнѣ все къ помленье клонишь сна!
О сладкій сонъ, ничѣмъ невозмущенный!
Одинъ пѣшухъ, зарею пробужденный,
Свой рѣзкій крикъ подыметъ, можетъ бышь;
Опасенъ онъ — онъ можетъ разбудить.

И такъ, пускай, въ сераляхъ удаленны,
Сулшаны куръ гордящся заключенны
Иль поселянъ сзывающъ на поля:
Мы спать хопимъ, любезные друзья!
Спокрашъ блаженъ, кто можешъ сномъ забыться
Вдали столицъ, карешъ и пышуховъ!
Но сладостью веселой ночи сновъ
Не думайше вы даромъ насладиться,
Средь мирныхъ селъ, безъ всякаго труда.
Что жъ надобно? движенъе, господа!
Похвальна лѣнь; но ешъ всему предѣлы:
Смошрише, Клишъ, въ подушкахъ посѣдѣлый,
Размученный, изнѣженный, больной,
Весь вѣкъ сидишъ съ подагрой и поской!
Наспупишъ день: несчастный! задыхаясь,
Крехшя, ползешъ съ постели на диванъ;
Весь день сидишъ; когда жъ ночной шуманъ
Подернешъ свѣшъ, во мракъ распилаясь,
Съ дивана Клишъ къ постелѣ поползешъ;
И какъ же ночь, несчастной, проведешъ?
Въ покойномъ снѣ, въ пріятномъ сновидѣньѣ?
Нѣшъ! сонъ ему не радость, а мученъе;
Не маками, тяжелою рукой
Ему Морфей закрошъ томны очи,
И медленной проходятъ чередой
Для бѣднаго часы угрюмой ночи.
Я не хочу, какъ общій другъ, Бершу,

Предписывашь вамъ шяжкія движенья:
Упрямый плугъ, охоты наслажденья —
Нышть! въ роци я лѣнивца приглашу.
Друзья мои, какъ упрѣ здѣсь прекрасно!
Въ пиши полей, сквозь шайну сѣнь дубравъ,
Какъ юный день сіяетъ гордо, ясно!
Свѣплѣетъ все; другъ друга перегнавъ,
Журчатъ ручьи, блестятъ брега безмолвны;
Еще роса надъ свѣжей муравой;
Злапыхъ озеръ недвижно дремлютъ волны.
Друзья мои! возьмите посохъ свой,
Идите въ лѣсъ, бродите по долинь,
Крупныхъ холмовъ успаньте на вершинѣ —
И въ долгу ночь глубока вашъ будеть сонъ.
Какъ только пѣнь одѣнетъ небосклонъ,
Пускай войдетъ, опрада жизни нашей,
Веселья богъ съ широкой, полной чашей —
И царствуй Вакхъ со всѣмъ дворомъ своимъ!
Умѣренно пируйте, други, съ нимъ:
Стакана при шипящими волнами
Румяныхъ винъ налейте вы полнѣй;
Но толстый Комъ съ надушими щеками
Не приходи спучаться у дверей;
Я радъ ему; но только за обѣдомъ,
И дружески я въ полдень уберу
Его дары; но право въ вечеру
Гораздо я дружнѣй съ его сосѣдомъ.

Не ужинашь — святой тому законъ,
Кому всего дороже легкій сонъ.

Брегнешь вы, о дѣши мудрой лѣни!
Обманчивой успокоенья тѣни:

Не спите днемъ: о горе, горе вамъ,
Когда дремашь привыкли по часамъ!

Что вашъ покой? безчувствіе глубоко.
Сонъ истинный опъ васъ уже далеко.

Не знаете веселой вы мечты;
Вашъ цѣлый вѣкъ несносное томленье,
И скученъ сонъ и скучно пробужденье,
И дни текутъ средь вѣчной темноты.

Но ежели, въ глуши, близъ водопада,
Что подъ горой клокочетъ и кипитъ,
Прелестный сонъ, успалости награда,
При шумъ волнъ на дикій берегъ слепитъ,
Покроешь взоръ шуманной пеленою,
Обнимешь васъ, и тихою рукою
На мягкій мохъ преклонишь, осѣнишь:
О! сладостно близъ шумныхъ водъ забвенье;
Пусть далѣе продлился вамъ покой —
Завидно мнѣ счастливца наслажденье.

Случалось ли ненастной вамъ порой
Дня зимняго при позднемъ, тихомъ свѣтѣ,
Сидѣшь однимъ безъ свѣчки въ кабинетѣ:
Все тихо вокругъ; березы больше нѣтъ;
Часъ-опъ-часу темнѣешь оконъ свѣтъ;

На пополкъ какой-то призракъ бродитъ;
Блѣднѣешь ужъ — и синевапый дымъ,
Какъ легкій паръ, въ трубу вѣясь, уходитъ;
И вошь, жезломъ невидимымъ своимъ,
Морфей на все невѣрный мракъ наводитъ.
Темнѣешь взоръ; Кандидъ изъ вашихъ рукъ
Закрывшися упалъ въ колѣни вдругъ;
Вдохнули вы; рука на споль валился,
И голова съ плеча на грудь капшися.
Вы дремлете, надъ вами мира кровь:
Нежданный сонъ пріятнѣй многихъ сновъ!
Душевныхъ мукъ волшебный исцѣлишель,
Мой другъ Морфей, мой давній утѣшишель!
Тебѣ всегда я жертвовашь любилъ,
И ты жреца давно благословилъ:
Забуду ли то время золотое,
Забуду ли блаженный нѣги часъ,
Когда, въ углу подъ вечеръ припаясь,
Я призывалъ и ждалъ тебя въ покоѣ?
Я самъ не радъ болшливости своей;
Но дѣшскихъ лѣшъ люблю воспоминаше.
Ахъ! умолчу ль о мамушкѣ моей,
О прелеспи шайнспвенныхъ ночей,
Когда, въ чепцѣ, въ спаринномъ одѣяньѣ,
Она духовъ молитвой уклоня,
Съ усердіемъ перекреститъ меня,
И шопотомъ рассказывашь мнѣ спанешъ

О мертвецахъ, о подвигахъ Бовы.
Опѣ ужаса не шелохнусь, бывало,
Едва дыша прижмусь подъ одѣяло,
Не чувствуя ни ногъ, ни головы,
Подъ образомъ простой ночникъ, изъ глины,
Чуть освѣщаль глубокія морщины.
Драгой антикъ, прабабушкинъ чепецъ,
И длинный ропъ, гдѣ зуба два спучало —
Все въ душу страхъ невольный поселяло;
Я препешаль, и шихо наконецъ
Томленье сна на очи упадало.
Тогда толпой, съ лазурной высоты,
На ложе розъ крылатыя мечшы,
Волшебники, волшебницы слепали,
Обманами мой сонъ обворожали;
Терялся я въ порывѣ сладкихъ думъ;
Въ глуши лѣсной, средь Муромскихъ пущей,
Встрѣчалъ лихихъ Полкановъ и Добрыней —
И въ вымыслахъ носился юный умъ....

Но вы прошли, о ночи безмяшежны!
И юности ужъ возрастъ наступилъ.
Подайше мнѣ Альбана киспи нѣжны,
И я мечту молодой любви вкусилъ.
И гдѣ жъ она? восшоргами родилась,
И въ шопъ же мигъ восшоргомъ испребилась.
Проснулся я; ищу на небѣ день:
Но все молчишь; луна во шмѣ сокрылась,

И вокругъ меня глубокой ночи тѣнь.
Но сонъ мой пихъ! безпечный сынъ Парнаса,
Въ ночной пиши я съ рифмою не бьюсь,
Не вижу вѣкъ ни Феба, ни Пегаса,
Ни старый дворъ какихъ-то старыхъ Музъ.

Я не герой, по лаврамъ не поскую;
Спокойствіемъ и нѣгой не торгую,
Не чудишся мнѣ ночью грозный бой;
Я не богачъ — и лаемъ песь приврашной
Не возмущалъ мечпы моей пріяшной;
Я не злодѣй, съ волненьемъ и поской
Не зрю во снѣ кровавыхъ привидѣній,
Убійственныхъ дѣшей предразсужденій,
И въ поздній часъ ужасный, блѣдный спрахъ
Не хмуришся угрюмо въ-головахъ.

КЪ НЕЙ.

Эльвина, милый другъ! приди, подай мнѣ руку,
Я вяну, прекраши тяжелый жизни сонъ,
Скажи, увижу ли? на долгую ль разлуку
Любовникъ осужденъ?

* * *

Уже ли никогда на друга другъ не взглянешь,
Иль вѣчной темной покрывы дни мои?
Уже ли никогда насъ упрямъ не заспанешь
Въ объятіяхъ любви?

* * *

Эльвина! почему въ часы глубокой ночи
Я не могу себя съ весельемъ обнимать,
На милую стремлюсь помянуть полны очи
И страшною трепещать?

* * *

И въ радости нѣмой, въ восторгахъ у поенья
Твой шопотъ сладостный и шомный спонтъ вни-
машь

И тихо въ скромной шмѣ для нѣги пробуж-
денья

Близъ милой засыпашь.

С Л Е З А.

Вчера за чашей пуншевою
Съ гусаромъ я сидѣлъ,
И молча съ мрачною душою
На дальній путь глядѣлъ.

* * *

Скажи, что смотришь на дорогу?
Мой храбрый спросилъ —
Еще по ней ты, слава Богу,
Друзей не проводилъ.

* * *

Къ груди поникнувъ головою,
Я скоро прошепталъ:
«Гусаръ! ужъ нѣтъ се со мною!...»
Вздохнулъ и замолчалъ.

* * *

Слеза повисла на рѣсницѣ
И канула въ бокаль.
Дишя! ты плачешь о дѣвицѣ —
Сшѣдись! онъ закричалъ.

* * *

Оспавь, гусарь! ахъ, сердцу больно!...
Ты, знашь, не гореваль!
Увы! одной слезы довольно,
Чшобъ оправишь бокаль!»

Э Л Е Г И И.

I.

Опять я вашъ, о юные друзья!
Туманные сокрылись дни разлуки,
И брату вновь просперлись ваши руки,
Вашъ рѣзвый кругъ увидѣлъ снова я!
Все тѣ же вы, но сердце ужъ не то же:
Уже не вы ему всего дороже,
Ужъ я не топъ... невидимой спезей
Ушла пора веселости безпечной,
Ушла на-вѣкъ, и жизни скоропечной
Лучъ упреннѣй блѣднѣетъ надо мной;
Веселіе разсталось съ душой.
Отверженный судьбиною ревнивой,
Улыбкѣ, смѣхъ, и рѣзвость и покой,
Я все забылъ: печали молчаливой
Покровъ лежишь надъ юною главой.
Напрасно вы, бесѣдою шупливой
И нѣжностью души краснорѣчивой,

Мой тяжкій сонъ хотише перервать!
Все кончилось — и рѣзвости счастливой
Въ душѣ моей изгладилась печаль.
Чтобъ удалить угрюмыя спраданья,
Напрасно вы несете лиру мнѣ:
Минувшихъ дней погаснули мечпанья,
И умеръ гласъ въ безчувственной спрунѣ.
Все кончилось, одну печаль я вижу:
Мнѣ спрашенъ міръ, мнѣ скученъ дневный
свѣтъ;

Пойду въ лѣса, въ которыхъ жизни нѣтъ,
Гдѣ мерзвый мракъ: я радость ненавижу;
Во тмѣ заспылъ ея минувный слѣдъ.
Опали вы, листы вчерашней розы,
Не доцвѣли до мѣсячныхъ лучей!
Умчались вы, дни радости моей!
Умчались вы — невольно льющая слезы,
И вяну я на темномъ упрѣ дней.

О дружество! предай меня забвенію.
Въ безмолвіи, покорявша судбамъ,
Оставь меня сердечному мученію,
Оставь меня пустынямъ и слезамъ!

II.

ОСЕННЕЕ УТРО.

Поднялся шумъ, свирѣлью полевой
Оглашено мое уединенье,
И съ образомъ любовницы драгой
Послѣднее слѣзло сновидѣнье.
Съ небесъ уже скапшлась ночи тѣнь,
Взошла заря, блискаетъ блѣдный день,
А вокругъ меня глухое запускѣнье....
Ужъ нѣтъ ея... я былъ у береговъ,
Гдѣ милая ходила въ вечеръ ясный;
На берегу, на зелени луговъ
Я не нашелъ чужь видимыхъ слѣдовъ,
Оставленныхъ ногой ея прекрасной.
Задумчиво бродя въ глуши лѣсовъ,
Произносилъ я имя несравненной,
Я звалъ ее — и гласъ уединенной
Пустыхъ долинъ позвалъ ее въ дали.
Къ ручью пришелъ, мечтами привлеченной;

Его струи медлительно текли:
Не пререпалъ въ нихъ образъ незабвенной.
Ужъ нѣтъ ея!... До сладостной весны
Прощился я съ блаженствомъ и съ душою;
Ужъ осени холодною рукою
Главы березъ и липъ обнажены.
Она шумишь въ дубравахъ опустѣлыхъ:
Тамъ день и ночь кружится желтый листъ,
Споишь шуманъ на волнахъ охладѣлыхъ
И слышишь мгновенный вѣтра свистъ.
Поля, холмы, знакомыя дубравы!
Хранили священной пишины!
Свидѣли безпечныя забавы!
Забыты вы... до сладостной весны!

III.

С Н У.

Знакомецъ милый и спаринный,
О сонъ, хранишель добрый мой!
Гдѣ ты? подъ кровлею пуспынной
Мнѣ ложе спелешь ужъ покой
Въ безмолвной тишинѣ ночной.
Приди, задуй мою лампаду,
Мои мечпы благослови,
До утра только дай опраду
Моей мучительной любви.
Сокрой опъ памяши унылой
Разлуки грустной приговоръ;
Пускай увижу милый взоръ,
Пускай услышу голосъ милый.
Когда жъ умчится ночи мгла,
И ты мои покинешь очи,
О, если бы душа могла
Забышь любовь до новой ночи!

IV.

Любовь одна веселье жизни хладной!
Любовь одна мученіе сердець!
Она даритъ одинъ лишь мигъ оправдный,
А горестямъ не видѣтъ и конецъ.
Спокрапъ блаженъ, кто въ юности прелестной
Сей быстрый мигъ поймаешь на лепу;
Кто къ радостямъ и нѣгѣ неизвѣстной
Спѣдливую преклонитъ красоту!

Но кто любви не жертвовалъ собою?
Вы, чувствами свободные, пѣвцы!
Предъ милыми смирялись вы душою,
Вы пѣли смрасть — и гордою рукою
Красавицамъ несли свои вѣнцы.
Слѣпой Амуръ, жестокой и приспращный,
Вамъ шернія и мирры раздавалъ;
Съ Пермесскими царицами согласный,
Инымъ изъ васъ на радость указалъ;
Другихъ на - вѣкъ печалами связалъ,
И въ даръ послалъ огонь любви несчастной.

Наслѣдники Тибулла и Парни!
Вы знаете безцѣнной жизни сладость;

Какъ утра лучь, сіяють ваши дни.
Пѣвцы любви! младую пойме радость.
Склонивъ уша къ пылающимъ ушамъ,
Въ объятіяхъ любовницъ умирайше;
Спихи любви, пихонько воздыхайше! . . .
Завидовашь уже не смѣю вамъ.

Пѣвцы любви! вы вѣдали печали
И ваши дни по терніямъ текли;
Вы свой конецъ съ волненіемъ призывали;
Пришелъ конецъ, и въ жизненной дали
Не зрѣли вы минувшую забаву;
Но, не нашедъ блаженства вашихъ дней,
Вы вспрѣшили по крайней мѣрѣ славу —
И мукою безсмертны вы своей!

Не шопъ удѣлъ судьбою мнѣ назначенъ:
Подъ сумрачнымъ навѣсомъ облаковъ,
Въ глуши долинъ, въ печальной тмѣ лѣсовъ,
Одинъ, одинъ брожу унылъ и мраченъ.
Въ вечерній часъ, надъ озеромъ съдымъ,
Въ шокъ, слезахъ, нерѣдко я спенаю;
Но ропотъ волнъ спенаніямъ моимъ

И шумъ дубравъ въ отвѣтъ лишь я внимаю.
Прервется ли души холодный сонъ,
Поэзіи зажжется ль упоенье, —
Родится жаръ, и пихо спынешъ онъ:
Безплодное проходишь вдохновенье.
Пускай она прославится другимъ;

Одинъ люблю — онъ любитъ и любимъ!...
 Люблю, люблю!... но къ ней ужъ не коснешся
 Спрадальца гласъ; она не улыбнешся
 Его спихамъ небрежнымъ и проснымъ.
 Къ чему мнѣ пѣшь? подъ кленомъ полевымъ
 Оспавиль я пуспынному зефиру
 Ужъ навсегда покинушую лиру —
 И слабый даръ, какъ легкій скрылся дымъ.

V.

МЪСЯЦЪ.

Зачѣмъ изъ облака выходишь,
Уединенная луна,
И на подушки сквозь окна
Сіянье пускное наводишь?
Явленьемъ пасмурнымъ своимъ
Ты будишь грустные мечтанья,
Любви напрасныя спраданья
И гордымъ разумомъ моимъ
Чушь усыпленные желанья.
Лешите прочь, воспоминанья!
Засни, несчастная любовь!
Ужъ не бывайшъ той ночи вновь,
Когда спокойное сіянье
Твоихъ таинственныхъ лучей
Сквозь темный ясенъ проникало
И блѣдно, блѣдно озаряло
Красу любовницы моей.

Что вы, восторги сладострасшья,
Предъ тайной прелестью опрадъ
Прямой любви, прямого счастья?
Примчатся ль радости назадъ?
Почто, минушы! вы лепѣли
Тогда споль быстрой чередой,
И пѣни легкія рѣдѣли
Предъ неожиданной зарей?
Зачѣмъ ты, мѣсяцъ! укапился
И въ небѣ свѣпломъ упонулъ?
Зачѣмъ лучъ упренній блеснулъ?
Зачѣмъ я съ милою простился?...

VI.

Счастливы, кто въ спраси самъ себѣ
Безъ ужаса признайся смѣешь,
Кого въ невѣдомой судьбѣ
Надежда робкая лелѣешь,
Кому луны туманный лучъ
Въ полночи свѣшипъ сладоспрасной,
Кому тихонько вѣрный ключъ
Во тмѣ отворишь дверь прекрасной!

Но мнѣ, въ унылой жизни, нѣтъ
Отрады тайныхъ наслажденій;
Увяль надежды ранній цвѣтъ;
Цвѣтъ жизни сохнешъ опъ мученій;
Печально младосъ улешипъ;
Услышу староси угрозы;
Но я, любовью позабытъ,
Моей любви забуду ль слезы?

VII.

Когда пробилъ послѣдній счастью часъ,
Когда въ слезахъ надъ бездною я проснулся
И, препетный, уже въ послѣдній разъ
Къ рукъ пвоей усами прикоснулся —
Да! помню все: я сердцемъ ужаснулся,
Но заглушалъ несносную печаль;
Я говорилъ: «не вѣчная разлука
Всѣ радости уносишь нынѣ вдаль.
Забудемся! въ мечтахъ пошонешь мука,
Уныніе, губительная скука,
Пустынника пріютишь не поспышаешь;
Мою печаль усладой Муза встрѣпишь:
Утѣшусь я, и дружбы тихій взглядъ
Души моей холодной мракъ освѣпишь.»

Какъ мало я любовь и сердце зналъ?
Часы идушь, за ними дни проходятъ,
Но горестямъ отрады не приводяшь
И не несешь забвенія фіалъ.
О милая! повсюду ты со мною,
Но я унылъ и въ тайнѣ я грущу.
Блещешь ли день за синею горою,

Взойдешъ ли ночь съ осеннею луною —
Я все тебя, прелесной другъ, ищу.
Засну ли я — лишь о тебѣ мечшаю,
Одну тебя въ невѣрномъ вижу снѣ;
Задумаюсь — невольно призываю,
Заслушаюсь — швой голосъ слышенъ мнѣ.
Разсѣянный сижу между друзьями,
Невняшенъ мнѣ ихъ шумный разговоръ;
Гляжу на нихъ недвижными глазами,
Не узнаешъ ужъ ихъ мой хладный взоръ!
И ты со мной, о лира! пріуныла,
Наперсница души моей больной!
Твоей струны печаленъ звонъ глухой
И лишь любви ты голосъ не забыла...
О вѣрная! грусти, грусти со мной:
Пускай швой небрежные напѣвы
Изобразяшъ уныніе мое,
И слушая бряцаніе швое,
Пускай вздохнушъ задумчивыя дѣвы.

VIII.

ДРУЗЬЯМЪ.

Къ чему, веселые друзья,
Мое превозишь васъ молчанье?
Запѣвъ послѣднее прощанье,
Ужъ Муза смолкнула моя.
Напрасно лиру взялъ я въ руки
Бряцавъ веселье на пирахъ,
И на ослабленныхъ струнахъ
Искалъ пошерянные звуки.
Богамъ вамъ еще даны
Злашые дни, злашья ночи,
И на любовь успрямлены
Огнемъ исполненные очи!
Играйте, пойте, о друзья!
Ушрайте вечеръ скоропечной;
И вашей радости безпечной
Сквозь слезы улыбнуся я.

IX.

Я Лилу слушалъ у клавира:
Ея прелестный, томный гласъ
Волшебной грустью нѣжишь насъ,
Какъ ночью вѣянье Зефира.
Упали слезы изъ очей,
И я сказалъ пѣвицѣ милой:
«Волшебенъ голосъ твой унылый:
Но слово милая моей
Волшебнѣй пѣсень, пѣпыхъ Лилой.»

КЪ ЖУКОВСКОМУ.

Благослови, поэтъ! въ пиши ПарнаССкой сѣни
Я съ шрепешомъ склонилъ предъ Музами колѣни,
Опасною пропой съ надеждой полешѣлъ,
Мнѣ жребій вынулъ Фебъ — и лира мой удѣлъ.
Спрашусь, неопышный, безславнаго паренья,
Но пылкаго смиришь не въ силахъ я влеченья.
Не грозный приговоръ на гибель внемлю я:
Сокрытаго въ вѣкахъ священный судія *,
Спражъ вѣрный прошлыхъ лѣтъ, наперсникъ, мужъ
любимый
И блѣдной зависти предметъ неколебимый,
Привѣпливымъ меня вниманьемъ ободрилъ;
И Дмишревъ слабый даръ съ улыбкой похвалилъ,
И славный сшарецъ нашъ, Царей пѣвецъ из-
бранный, **
Крылашымъ Геніемъ и Граціей вѣнчанный,

* Карамзинъ.

** Державинъ.

Въ слезахъ обнялъ меня дрожащею рукой
И счастье мнѣ предрекъ, незнаемое мной.
И ты, природою на пѣсни обреченный,
Не ты ль мнѣ руку далъ въ завѣщъ любви свя-
щенной?

Могу ль забыть я часъ, когда передъ побой
Безмолвный я стоялъ, и молнійной спруей
Душа къ возвышенной душѣ твоей лѣшѣла
И, тайно съединясь, въ восторгахъ пламенѣла?
Нѣтъ, нѣтъ! рѣшился я безъ страха въ труд-
ной путь;

Опважной вѣрою исполнилася грудь.
Творцы безсмертные, питомцы вдохновенья!
Вы цѣль мнѣ кажете въ туманахъ опдаленья;
Лечу къ безвѣстному опважною мечшой,
И, мнишся, Геній вашъ промчался надо мною!

Но что? Подъ грозною Парнасскою скалой
Какое зрѣлище открылось предо мною?
Въ ужасной темнотѣ пещерной глубины
Вражды и зависти угрюмые сыны,
Возвышенныхъ шворцовъ зоицы записные,
Сидящъ безсмыслицы дружины боевыя.
Далеко дикихъ лиръ несется рѣзкій вой;
Варяжскіе спихи визжишъ Варяговъ спрой;
Смѣхъ общій имъ отвѣшъ надъ мрачными пол-
пами.

Ко мнѣ два призрака склонилися главами:

Одинъ на груди съль и прозы и стиховъ,
Тяжелые плоды полуночныхъ трудовъ,
Усопшихъ одъ, поэмъ забвенныя могилы!
Съ улыбкой внемлешь вой спопослагатель хилый;
Предъ нимъ расперзанный спенаешь Тилимахъ,
Желъзное перо скрипишь въ его перспахъ
И тянешь за собой гекзаметры сухіе,
Спондеи жеспіе и дакшили шугіе.
Репивой Музою прославленный пѣвецъ!
Гордись, пы Мевія надутый образецъ.
Но кто другой, въ дыму безумнаго куренья,
Стоишь среди толпы друзей непросвѣщенья?
Торжественной хвалы къ нему несется шумъ,
А онъ — онъ рифмою поправъ и вкусъ и умъ.
Ты ль эпо, слабое дитя чужихъ уроковъ,
Зависливый гордецъ, холодный Сумароковъ,
Безъ силы, безъ огня, съ посредственнымъ умомъ,
Предразсужденіямъ обязанный вѣнцомъ
И съ Пинда сброшенный и проклятый Расиномъ?
Ему ли, карлику, шагаться съ исполиномъ?
Ему ль оспаривать топъ лавровый вѣнецъ,
Въ кошоромъ возблисталъ безсмертный нашъ
пѣвецъ,
Веселье Россіянъ, полунощное диво? *

Нѣтъ! въ тихой Лепъ онъ пошнеть молчаливо!

* Ломоносовъ.

Ужъ на челъ его забвенія печашь.
Предбудущимъ вѣкамъ что могъ онъ передашь?
Спрашилась Грація цинической свирѣли
И персты грубые на лиръ коспентѣли.
Пусть будетъ Мевіемъ въ рѣчахъ превознесенъ:
Явится Дебрео — исчезнетъ Шапелень.
И что жъ? Всегда смѣшнымъ останеся смѣш-
ное,
Невѣжду пѣснуетъ невѣжество слѣпое;
Оно сокрыло ихъ во мрачной свой пріюпъ.
Тамъ прозу и стихи опважно всѣ куюпъ,
Тамъ всѣ враги наукъ, всѣ глухи, лишь не нѣмы:
Тѣ слогомъ Никона печатаюпъ поэмы,
Одни Славянскихъ одъ громады громоздяпъ,
Другіе въ бѣшенныхъ трагедіяхъ хрипяпъ;
Топъ, вѣрный своему мятежному союзу,
На сцену возведя зѣвающую Музу,
Безмерпныхъ геніевъ сорвашъ съ Парнасса мнипъ:
Рука содрогнулась, ударъ его скользипъ;
Воппе бросаешся съ зависпливымъ кинжаломъ:
Куплетомъ раненъ онъ, низверженъ въ прахъ
журналомъ;
При свиспахъ крипики къ собрапьямъ онъ бѣ-
жипъ,
И маковый вѣнецъ Оеспису ими свипъ.
Всѣ, руку положивъ на шомъ Тилимахиды,
Клянущся опомспипъ сопрудниковъ обиды,

Волнуясь, возстаюшъ неисповой полпой.
Бѣда, кто въ свѣтъ рожденъ съ чувствитель-
ной душой,
Кто тайно могъ плѣнить красавицъ нѣжной
лирой,
Кто смѣло просвисталъ шупливою саширой,
Кто выражается правдивымъ языкомъ,
И Русской глупости не хочешъ бить челомъ:
Онъ врагъ опечесства, онъ сѣятель разврата,
И рѣчи сыплются дождемъ на супоспаша.
И вы возспаныше же, Парнаскіе жрецы,
Природой и трудомъ воспитанны пѣвцы
Въ счастливой ереси и вкуса и ученья,
Разише дерзостныхъ друзей непросвѣщенья!
Ошмшишель генія, другъ истины — поэтъ!
Ліющая съ небесъ и жизнь и вѣчный свѣтъ,
Спрѣлою гибели десница Аполлона
Сражаешъ наконецъ ужаснаго Пифона;
Смогрише! пораженъ враждебными спрѣлами,
Съ попухшимъ факеломъ, съ недвижными крылами,
Къ вамъ Озерова духъ взываетъ, други, месъ!
Вамъ оскорбленный вкусъ, вамъ знанья дали вѣсѣ.
Лешише на враговъ — и Фебъ и Музы съ вами!
Разише варваровъ кровавыми спихами:
Невѣжесво, смирясь, попушишь хладный взоръ,
Спѣсивыхъ рипоровъ безграмотный соборъ....

Г О Р А Ц І Й.

Кто изъ боговъ мнѣ возвратилъ
Того, съ кѣмъ первые походы
И браней ужасъ я дѣлилъ,
Когда за призракомъ свободы
Насъ Брутъ опчаянный водилъ;
Съ кѣмъ я превоги боевыя
Въ шашкѣ за чашей забывалъ,
И кудри, плющемъ увишья,
Сирійскимъ мурромъ умащалъ?

* *
*

Ты помнишь часъ ужасной битвы,
Когда я, пререшный Квиришъ,
Бѣжалъ, нечесно брося щипъ,
Творя обѣщанья и молитвы?
Какъ я боялся! какъ бѣжалъ!
Но Эрмій самъ незапно пучей
Меня покрылъ и вдалѣ умчалъ
И спасъ отъ смерти неминучей.

* *
*

А ты, любимецъ первый мой,
Ты снова въ бѣсвахъ очутился....
И нынѣ въ Римъ ты возвращился,
Въ мой домикъ темный и проспой.
Садись подъ сѣнь моихъ пенаповъ!
Давай же чаши! Не жалѣй
Ни винъ моихъ, ни ароматовъ!
Готовы чаши, мальчикъ! лей;
Теперь не ксташи воздержанье:
Какъ дикій Скиѣ хочу я пить,
И, съ другомъ празднуя свиданье,
Въ винъ разсудокъ упоишь.

ПИРУЮЩІЕ ДРУЗЬЯ.

Друзья! досужный часъ насталъ,
Все тихо, все въ покоѣ:

Скорѣ скашертъ и бокалъ!

Сюда вино злапое!

Шипи шампанское въ стеклѣ.

Друзья! почто же съ Канпомъ
Сенека, Тацитъ на столѣ

Фольяншъ надъ фоліаншомъ?

Подъ столъ холодныхъ мудрецовъ!

Мы подемъ овладѣмъ!

Подъ столъ ученыхъ дураковъ —

Безъ нихъ мы пипъ умѣмъ!

*

На всякій случай изберемъ

Скорѣ президента:

Въ награду пьянымъ онъ нальетъ

И пуншъ и грокъ душистой;

А вамъ, Спаршанцы! поднесетъ

Воды въ спаканъ чистой.

Защипникъ нѣги и прохлада,
Мой добрый Г... чь, vale!
Ты Эпикуровъ младшій брань,
Душа швоя въ бокаль.
Главу вѣнками убери —
Будь нашимъ президентомъ.

*

Дай руку, Д...! что ны спишь?
Проснись, лѣнivecъ сонный,
Ты не подъ каѳедрой сидишь,
Лапшью усыпленный.
Взгляни! здѣсь кругъ пивохъ друзей,
Бушль виномъ налипа —
За здравье нашей Музы пей,
Парнасскій волокипа!
Оспрякъ любезный! по рукамъ!
Полнѣй бокаль досуга
И вылей сошню эпиграммъ
На недруга и друга.

*

А ты, красавецъ молодой,
Сіашельной повѣса!
Ты будешь Вакха жрецъ лихой,
На прочее — завѣса!
Хотя спуденшъ, хошя я пьянъ
Но скромность почишаю:

Придвинь же пѣниспый спаканъ —
На брань благословляю.

Товарищъ милой! другъ прямой!
Тряхнемъ рукою руку,
Оспавимъ въ чашѣ круговой
Педанпамъ сродну скуку.
Не въ первый разъ мы вмѣстѣ пьемъ,
Не рѣдко и бранимся,
Но чашу дружества нальемъ
И шопчасъ помиримся.

О ты! копорый съ дѣшскихъ лѣпъ
Однимъ весельемъ дышешь,
Забавный, право, ты поэтъ,
Хоть плохо басни пишешь.
Съ тобой шосуюсь безъ чиновъ,
Люблю себя душою,
Наполни кружку до краевъ,
Разсудокъ, Богъ съ побою!

А ты, повѣса изъ повѣсь,
На шалоспи рожденный,
Удалый хвашъ, головорѣзь,
Пріятель задушевный!

Бутылки, рюмки разобьемъ
За здравіе Платова,
Въ казачью шапку пуншъ нальемъ —
И пить давайте снова.

*

Приблизься, милый нашъ пѣвецъ,
Любимый Аполлономъ,
Воспой власпишеля сердець
Гишары шихимъ звономъ:
Какъ сладостно въ спѣсенну грудь
Томленье звуковъ льется;
Но мнѣ ли спрасью воздохнуть?
Нѣтъ, пьяный лишь смѣется.

*

Не лучше ль, Роде записной!
Въ честь Вакховой станицы
Теперь скрипѣшь тебѣ струной
Разспроенной скрипицы?
Запойте хоромъ, господа!
Нѣтъ нужды, что нескладно;
Охрипли? . . . это не бѣда:
Для пьяныхъ все вѣдь ладно.

*

Но что, я вижу все вдвоемъ:
Двоится шпофъ съ аракомъ,

Вся комната пошла кругомъ,
Покрылись очи мракомъ.
Гдѣ вы, товарищи? гдѣ я?
Скажите Вакха ради.
Вы дремлете, мои друзья,
Склонившись на шепради.
Писашель! за свои грѣхи
Ты съ виду всѣхъ презвѣе:
Вильгельмъ! прочти свои списки —
Чшобъ мнѣ уснушь скорѣе.

КЪ ПРИНЦУ ОРАНСКОМУ.

Довольно бившы мчался громъ,
Тупился мечъ окровавленный,
И смерть погибельнымъ крыломъ
Шумѣла грозно надъ вселенной.

★ ★
★

Свершилось . . . подвигомъ царей
Европы твердый миръ основанъ;
Оковы свергнувшій злодѣй
Могущей бранью снова скованъ.

★ ★
★

Узрѣлъ онъ въ пламени Москву —
И былъ низверженъ ужасъ міра;
Покрыла падшаго главу
Благословеннаго порфира!

★ ★
★

Повлекся, мглою окружень,
Пришекъ, и буйной вдругъ измѣной
Ужъ воздвигалъ свой шапкой шронъ,
И палъ, оппорженъ опъ вселенной.

* *
*

Упихло все! не мчися громъ,
Не блещетъ мечъ окровавленный!
И брань погибельнымъ крыломъ
Не мчися грозно надъ вселенной.

* *
*

Хвала, о юноша - герой!
Съ героемъ дивнымъ Албіона
Онъ вѣрныхъ велъ въ послѣдній бой
И мстилъ за лиліи Бурбона.

* *
*

Предъ нимъ мяшежныхъ громъ гремѣлъ,
Текли во слѣдъ щипы кровавы;
Грозой онъ въ бранной мглѣ лепѣлъ
И разливалъ блистанье славы!

* *
*

Его текла младая кровь,
На немъ сіяетъ язва чести.
Вѣнчай, вѣнчай его, любовь!
Достойный былъ онъ воинъ мести!

У С Ы.

ФИЛОСОФИЧЕСКАЯ ОДА.

Глаза скосивъ на усь кудрявый,
 Гусаръ, съ улыбкой величавой
 На палецъ завипки мопаль;
 Мудрецъ съ обришой бородою,
 Качая шихо головою,
 Со вздохомъ усачу сказалъ:

* *
 *

Гусаръ! все плѣнно подь луною:
 Какъ волны слѣдомъ за волною,
 Проходяшъ царства и вѣка.
 Скажи, гдѣ спѣны Вавилона?
 Гдѣ драмы пощія Клеона?
 Умчала все время рѣка.

* *
 *

За уши усь пвой закрученный,
 Виномъ и ромомъ окропленный,

Гордится юной красою,
Не знаетъ бритвы, выписною
Онъ вѣчно лоснился сурмою,
Расправленъ гребнемъ и рукой.

* *
*

Чтобы не смятъ уса лихаго,
Ты къ ночи одою Хвостова
Его тихонько обвернешь,
Въ подушку носомъ лечь не смѣешь,
И въ крѣпкомъ снѣ его лелѣешь,
И упромъ вновь его завьешь.

* *
*

На долгихъ ужинахъ веселыхъ,
Въ кругу гусаровъ посѣдѣлыхъ
И черноусыхъ удалцовъ,
Веселый гость, любовникъ пылкій,
За чье здоровье бьешь бутылки?
Коня, красавицъ и усовъ!

* *
*

Сраженья спрашный часъ наспанешъ,
Въ ряды ядро со прескомъ гранешъ,
А ты, надъ ухарскимъ сѣдломъ,
Разсудка, памяни не прапишъ,
Сперва кудрявый усъ ухватишъ,
А саблю вѣрную попомъ.

* *
*

Окованный волшебной силой,
Насдинъ съ красопкой милой
Ты маешься одной рукой,
Въ восшоргахъ нѣги сладострасной,
Блуждаешь по груди прекрасной,
А грозный усъ крупишь другой.

* *
*

Гордись, гусаръ! но помни вѣчно,
Что все на свѣпѣ скоропечно:
Лешяпѣ губишельны часы!
Румяны щеки пожелтѣюпѣ,
И черны кудри посѣдѣюпѣ,
И старость выщиплешѣ усы.

КЪ МОЛОДОЙ ВДОВѢ.

Лида! другъ мой неизмѣнный,
Почему сквозь легкій сонъ
Часпо нѣгой упомленный
Слышу я твой тихій стонъ?
Почему, въ любви счастливой
Видя спрашную мечту,
Взоръ недвижный, боязливый
Успремляешь въ темношю?
Почему, когда вкушаю
Быстрый обморокъ любви,
Иногда я примѣчаю
Слезы тайныя твои —
Ты разсѣянно внимаешь
Рѣчи пламенной моей,
Хладно руку прижимаешь,
Хладенъ взоръ твоихъ очей?
О, безцѣнная подруга!
Вѣчно ль слезы проливаешь?
Вѣчно ль мертвого супруга

Изъ могилы вызываешь?
Вѣрь мнѣ: узниковъ могилы
Тамъ объемлешь вѣчный сонъ,
Имъ не миль ужъ голосъ милый,
Не прискорбень скорби сонъ.
Не для нихъ весенни розы,
Сладость утра, шумъ паровъ,
Ошкровой дружбы слезы
И любовницъ робкой зовъ!
Рано другъ твой незабвенный
Вздохомъ смерти воздохнулъ,
И, блаженствомъ упоенный,
На груди твоей уснулъ.
Спишь увѣнчанный счастливцемъ!
Вѣрь любви — невинны мы —
Нытъ! разгнѣванный ревнивецъ
Не придетъ изъ вѣчной тьмы;
Тихой ночью громъ не грянетъ,
И зависливая тѣнь
Близъ любовника не спанетъ,
Вызывая спящій день!

КЪ ДЕЛЬВИГУ.

Блаженъ, кто съ юныхъ лѣтъ увидѣлъ предъ
собою

Извивы шемные двухолмной высоты,
Кто въ жизни въ тайный путь съ невинною ду-
шою

Пуспился плѣнникомъ мечшы!

Наперснику боговъ безвѣспны бури злыя,
Надъ нимъ ихъ промысль! безмолвною порой
Его баюкають Камены молодыя
И съ персомъ на устахъ хранящъ пѣвца покой.
Спыдливой Граціи внимаешь онъ совѣщью
И, чувствуя въ груди огонь еще молодой,
Воспорженный поешь на лиръ золошой:

О Дельвиго! счастливы поэшы.

* * *

Мой другъ, и я пѣвецъ! и мой смиренный путь
Въ цвѣсахъ украсила богиня пѣснопѣнья,
И мнѣ въ младую боги грудь
Вліяли пламень вдохновенья.

Въ младенчествѣ моемъ я чувствовалъ умѣлъ;
Все жизнью вокругъ меня дышало,
Все рѣзвой умъ обворожало
И первую черпу я быстро пролещѣлъ.
Съ какою пихою красою
Минушы дѣтства прошекли;
Хвала, о боги, вамъ! Вы мощною рукою
Отъ ярыхъ грозъ мірскихъ невинность отвели.
Но все прошло — и скрылись въ шем-
ну даль
Свобода, радость, восхищенье!
Другимъ и юность наслажденье:
Она мнѣ — мрачная печаль!
Такъ рано вспрѣшилъ я и зракъ кровавой
И низкой клеветы сокрытый ядъ!
Нѣтъ, нѣтъ! ни счастьемъ, ни славой
Не буду ослѣпленъ. Пускай они манятъ
На край гибели любимцевъ обольщенныхъ.
Исчезъ священный жаръ!
Забвению сладкихъ пѣсней даръ
И голосъ спрунь одушевленныхъ!
Во прахъ и лиру и вѣнецъ!
Пускай не будутъ знать, что нѣкогда
пѣвецъ
Враждою, завистью на жертву обре-
ченный,
Погибъ на упрѣ лѣтъ,

Какъ ранній на полянѣ цвѣтъ,
Косой безвременно сраженный.

И тихо проживу въ безвѣстной тишинѣ,
Пошомство грозное не вспомнишь обо мнѣ —
И гробъ несчастнаго, въ пустынѣ мрачной, ди-
кой,
Забвенья пороспешъ ползущей павиликой!

КЪ ДЕЛЬВИГУ.

Послушай, Музь невинныхъ
Лукавый духовникъ,
Жилецъ полей пустынныхъ!
Поэшовъ грѣшный ликъ
Умножилъ я собою,
И я главой поникъ
Предъ милою мечшою.
Мой дядюшка - поэтъ
На шо мнѣ далъ совѣтъ
И съ Музами сосвапалъ!
Сначала я шалилъ,
Шушя стихи кроилъ,
А шамъ ихъ напечаталъ —
И воптъ теперъ я браптъ
Тому, сему, другому,
Безполкову, Пусшому,
Да я жъ и виновашъ,
Да пы же мнѣ въ досаду
(Чшо скажешъ бѣлый свѣтъ?)

Спихами до надсаду
Жужжишь Икару вслѣдъ:
Смотрише: вошь поэтъ!...
Спасибо за посланье;
Но что мнѣ пользы въ немъ?
На грѣшника попомъ
Вѣдь станушъ, въ посмѣянье,
Указывающъ першомъ.
Измѣнникъ, съ Аполлономъ
Ты, видно, за одно;
И мнѣ прослышъ Прадономъ
Ошнынъ суждено.
Увы мнѣ, мешроману!
Куда сокроюсь я?
Вездѣ бѣды заспану:
Предатели-друзья
Невинное творенье
Украдкой въ городъ шлюшъ
И плодъ уединенья
Тисненью предающъ —
Бумагу убивающъ.
Поэта окружающъ
Съ улыбкой оспряки.
«Ахъ, сударь! мнѣ сказали,
«Вы пишете списки?
«Увидѣшь ихъ нельзя ли?
«Вы въ нихъ изображали,

« Конечно, ручейки,
« Иль тихій въперочекъ
« И роци и цвѣтки . . . »
О Дельвигъ! начерпали
Мнѣ Музы мой удѣлъ;
Но ты ль мои печали
Умножишь захопѣль?
Въ объятіяхъ Морфея
Безпечный духъ лелѣя,
Еще хопъ годъ одинъ
Позволь мнѣ полѣниться
И нѣгой насладиться:
Я право нѣги сынъ!
А тамъ хопъ нѣпъ охопы,
Но придупъ ужъ забопы
Со всѣхъ ко мнѣ споронъ:
Я буду принужденъ
Съ журналами сражаться,
Съ газетой торговаться,
Съ Графовымъ восхищаться . . .
Помилуй, Аполлонъ!

МОЕ ЗАВѢЩАНІЕ ДРУЗЬЯМЪ.

Хочу я завпра умереть,
И въ міръ волшебный наслажденья,
На тихій берегъ водъ забвенья,
Веселой пѣнью полѣпѣть.
Проси на-вѣкъ очарованье,
Ошрада жизни и любви!
Приблизьшись, о друзья мои!
Благоговѣнье и вниманье!
Пѣвецъ рѣшился умереть.
И такъ, съ вечернею луною,
Въ саду нельзя ли дернъ одѣть
Узорной, бѣлой пеленою?
На темный берегъ сонныхъ водъ,
Гдѣ мы вели бесѣды наши,
Нельзя ль, устроивъ длинный ходъ,
Нести наполненныя чаши?
Зови же на послѣдній пиръ
Спѣсивой Семсеи сына,
Эроша, друга нашихъ лиръ,

Боговъ и смертныхъ властелина.
Пускай Веселье прибѣжитъ,
Махая рѣзвою гремушкой,
И насъ опѣ-сердца разсмѣшитъ
За полной, пѣвнскою кружкой;
Пускай игривою толпой
Слѣпая родныя наши Музы;
Имъ первый кубокъ круговой:
Друзья! священны намъ ихъ узы.
До ранней утренней звѣзды,
До пихаго лучей разсвѣта,
Не выйдешь изъ руки поэта
Фіалы брашской череды.
Въ послѣдній разъ мою цѣвницу,
Мечтаній сладостныхъ пѣвицу,
Прижму къ воспорженной груди;
Въ послѣдній разъ, помимый нѣжно,
Не вспомню вѣчность и друзей;
Въ послѣдній разъ на груди снѣжной
Упьюсь отрадой юныхъ дней!
Когда жъ воспокъ озолопшся
Во пмѣ денницей молодой,
И бѣлой пополь озаршся,
Покрытый утренней росой —
Подайте гроздь Анакреона:
Онъ былъ учителемъ моимъ,
И я сойду пупемъ однимъ

На грустный берегъ Ахерона...
Простите, милые друзья!
Подайте руку до свиданья,
И дайте, дайте обѣщанье,
Когда на-вѣкъ укроюсь я,
Мое исполнишь завѣщанье.
Приди, пѣвецъ мой дорогой,
Воспѣвшій Вакха и Темиру!
Тебѣ дарю и лѣнь и лиру.
Да budouтъ Музы надъ шобой:
Ты не забудешь дружбы нашей
О П..., вѣтренный мудрецъ!
Прими съ моей глубокой чашей
Увядшій мирповый вѣнецъ.
Друзья! вамъ сердце оставляю
И память прошлыхъ красныхъ дней,
Окованныхъ счастливой лѣнью
На ложѣ маковъ и лилей.
Мои списки дарю забвенью,
Послѣдній вздохъ, о други, — ей!...
На тихій праздникъ погребенья
Я васъ обязанъ пригласить.
Веселость, другъ уединенья,
Билеты будешь разносить.
Спекишесь рѣзвою толпою,
Главы въ вѣнкахъ, рука съ рукою;

И пусть на гробъ, гдѣ пѣвецъ
Исчезнетъ въ рощахъ Геликона,
Напишетъ бѣглый вашъ рѣзецъ:
« Здѣсь дремлетъ юноша - мудрецъ,
« Питомецъ Нѣгъ и Аполлона. »

НАЪЗДНИКЪ.

Глубокой ночи на поляхъ
Давно лежали покрывала,
И слабо въ блѣдныхъ облакахъ
Звѣзда пусынная сіяла.
При умирающихъ огняхъ,
Въ невѣрной темношъ шумана,
Безмолвно два спояли спана
На помраченныхъ висопахъ.
Все спитъ, лишь волнъ мяшежный ропотъ
Разносится въ пиши ночной,
Да слышенъ издали глухой
Булаша звонъ и конскій шопотъ!
Толпа наъздниковъ молодыхъ
Въ дубравъ ѣдетъ молчаливой;
Дрожащъ и пышущъ кони ихъ,
Главой трясутъ неперильливой.
Ужъ полемъ войны лешащъ,
Дубравы кровь покинувъ зыбкой,
Усами грозно шевелящъ

И съ гордой шепчущей улыбкой;
Ихъ лица радостью горятъ,
Огнемъ пылающъ гнѣвны очи;
Лишь ты, воинственный поэтъ,
Унылъ, какъ сумракъ полуночи,
И блѣденъ, какъ осенній свѣтъ.
Съ главою мрачно наклоненной
Къ шѣснимой горестью груди,
Печальной думой увлеченный,
Онъ молча ѣдетъ впереди.

« Пѣвецъ угрюмый! что съ тобою? »

« Одинъ предъ боемъ ты унылъ, »

« Поникъ безспрашною главою, »

« Бразды и саблю опустилъ. »

« Уже ль, невольникъ праздной нѣги, »

« Опряднѣй сонъ пивныхъ полей, »

« Чѣмъ наши бурные набѣги »

« И ночью, бранный спукъ мечей? »

« Спезя войны пускай опасна, »

« Завиденъ гордый нашъ удѣлъ. »

« Тебѣ ли въ полѣ смерть ужасна? »

« Но ты средъ боевъ не блѣднѣлъ: »

« Тебя мы зрѣли подъ мечами »

« Съ спокойнымъ дерзостнымъ челомъ, »

« Всегда межъ первыми рядами, »

« Все шамъ, гдѣ падалъ первый громъ. »

« Съ побѣднымъ съединяясь кликомъ, »

« Твой голосъ наши бышвы пѣлъ,
« А нынѣ ты, въ уныньи дикомъ,
« Какъ робкій рапникъ онѣмѣлъ. »
Но медленно пѣвецъ печальный
Главу и взоры приподнялъ,
Взглянулъ угрюмо въ сумракъ дальный
И вздохомъ грудь поколебалъ.

* * *

« Глубокій сонъ въ долину бранной;
« Одни мы мчимся въ тѣмноту ночной;
« Готовъ, готовъ ударъ желанный,
« Предчувствую послѣдній бой.
« Зовешь меня конецъ желанный,
« Мы грозно ринемся въ огонь;
« Ударишь часъ — и одинокой
« Въ долину выбѣжишь мой конь! . . .

* * *

« О вы! которые косями
« Сей ночью ляжете со мной,
« Скажите: милая слезами
« Вашъ усладитъ ли сонъ тѣмой?
« Но я . . . напрасно сердце дышетъ,
« Наспанетъ хладъ и пишина,
« Эльвина скоро вѣсть услышитъ:
« Онъ палъ! — и не вздохнетъ она.

* * *

« А вы, хранимые судьбами
« Для тихихъ жизненныхъ опрадъ,
« Счастливыцы! . . . милья слезами
« Благословица вашъ возврашъ.
« За чашей сладкаго спасенья,
« О брашья! вспомните пѣвца,
« Его любовь, его мученья
« И славу грознаго конца . . . »
Умолкъ, и мчипся въ бой кровавый;
Уже не возврапила онъ:
..... На полъ славы
Его покрылъ безвѣспный сонъ.
И упромъ юнаго поэта
Наѣздники, въ веселый часъ,
За чашей дружнаго привѣта
Въ послѣдній вспомянули разъ.

ФІАЛЬ АНАКРЕОНА.

Когда на поклоненье
Ходилъ я въ дальній Паѳось,
Повѣрьте мнѣ, я видѣлъ
Въ уборной у Венеры
Фіаль Анакреона!
Онъ былъ тогда наполненъ
Свѣшляющею влагой;
Кругомъ висѣли розы,
Холодный плющъ и мирры,
Сплетенныя рукою
Царицы наслажденій;
На краюшкѣ я видѣлъ
Коварнаго Амура;
Смопрѣлъ онъ пригорюнясь
На пѣнистую влагу.
Что смопришь ты, проказникъ,
На пѣнистую влагу?
Спросилъ я Купидона,

Скажи, что такъ ушихнулъ?

Иль хочешся зачерпнуть

Тебѣ злаго соку,

Да ручка не доспанетъ? »

— Нѣтъ! отвѣчалъ малюшка:

« Рѣзвась, я въ это море

« Колчанъ, и лукъ, и стрѣлы

« Всѣ бросилъ ненарочно —

« А плавать не умѣю.

« Вонъ, вонъ! на днѣ блистающъ.

« Ахъ! жалко мнѣ, послушай:

« Доспанъ мнѣ ихъ опшуда.

— О нѣтъ! сказалъ я богу:

Спасибо, что упали;

Пускай шамъ осшаюшся:

Тѣмъ лучше для меня!

СРАЖЕННЫЙ РЫЦАРЬ.

Послѣднимъ сіяньемъ за лѣсомъ горя,
Вечерняя тихо попухла заря;
Безмолвна долина глухая.
Въ шуманъ пуспынномъ клубится рѣка,
Лѣнливой грядою идушь облака,
Межъ ними луна золотая.

* * *

Чугунныя лапы на холмъ лежатъ,
Копье раздробленно, въ перчаткѣ булатъ
И щипъ подъ шоломомъ заржавымъ;
Вонзилися шпоры въ увлажненный мохъ,
Лежатъ неподвижно — и мѣсяца рогъ
Надъ ними въ блишаньи кровавомъ.

* * *

Вкругъ холма обходишь другъ сильнаго, конь:
Въ очахъ горделивыхъ померкнулъ огонь,
Онъ бранную голову клонитъ.

Безпечнымъ копыпомъ бьепъ камень долинъ,
И смоприпъ на лапы конь вѣрный одинъ,
И дико препенепъ и спонепъ.

* * *

Во пмѣ заблудившись, пришелецъ идешъ:
Съ надеждою робоспъ онъ въ сердцѣ несепъ,
Склонясь надъ дорожной клюкою.
На холмъ онъ взобрался, и въ шусккую даль
Онъ смоприпъ, и сходишъ и звонкую спаль
Толкаепъ успалой ногою.

* * *

Хладѣепъ пришелецъ: кольчуги звучапъ,
Погибшаго грозно въ нихъ коспи спучапъ,
По камнямъ шеломъ покапился,
Скрывался въ немъ черепъ... при звукѣ глухомъ
Заржалъ конь решивый; скокъ лёпомъ на холмъ,
Взглянулъ — и главою склонился!

* * *

Ужъ пупникъ далече въ пмѣ бродишъ ночной,
Все мнипся, что коспи хруспяпъ подъ ногой,
Но утро денница выводипъ.
Сраженный во брани на холмъ лежишъ,
И лапы недвижны, и шлемъ не спучипъ,
И конь вокругъ погибшаго ходипъ.

ЭПИГРАММА.

« Скажи, что новаго? — Ни слова. —
« Не знаешь ли, гдѣ, какъ и кто? »
— О братецъ! отвязись: я знаю только то,
Что ты дуракъ, но это ужъ не ново.

ТВОЙ И МОЙ.

Богъ вѣшь, за что философы, пѣишы
На *твой* и *мой* давнымъ-давно сердишы.
Не спорю я съ ученой ихъ толпой,
Но и бранишь причины не имѣю
То, что даришь мнѣ радость и покой.
Что, ежели бѣ шы не была *моею*?
Что, ежели бѣ я не былъ, Ниса, *твой*?

Э П И Т А Ф І Я.

—

Покойникъ Клишъ въ раю не будетъ:
Творилъ онъ тяжкіе грѣхи.
Пусть Богъ дѣла его забудетъ,
Какъ свѣтъ забылъ его спихи.

—————

ЭКСПРОМТЪ НА А.

Въ молчаньи предъ побой сижу.
Напрасно чувствую мученье,
Напрасно на тебя гляжу:
Того ужъ вѣрно не скажу,
Что говоришь воображенье.

КЪ ПОРТРЕТУ К***.

—

Въ немъ пунша и войны кипитъ всегдашній
жаръ,
На Марсовыхъ поляхъ онъ грозный былъ во-
ишель,
Друзьямъ онъ вѣрный другъ, красавицамъ мучи-
тель,
И всюду онъ гусаръ.

КЪ ПИСЬМУ.

Въ немъ радости мои; когда померкну я,
Пускай оно груди безчувственной коснется:
Бышь можешь, милые друзья,
Бышь можешь, сердце вновь забьется.

Д Я Д Ъ,

НАЗВАВШЕМУ СОЧИНТЕЛЯ БРАТОМЪ.

Я не совсѣмъ еще разсудокъ поперялъ,
Отъ рифмъ вакхическихъ шапаясь на Пегасъ —
Я не забылъ себя: хопъ радъ, хошя не радъ,
Нѣшъ, нѣшъ! вы мнѣ совсѣмъ не брашъ —
Вы дядя мнѣ и на Парнасѣ!

ЖЕЛАНІЕ.

Медлительно влекутся дни мои,
И каждый мигъ въ увядшемъ сердцѣ множишь
Всѣ горести несчастливой любви
И тяжкое безуміе тревожишь.
Но я молчу; неслышенъ ропотъ мой.
Я слезы лью . . . мнѣ слезы утѣшенье.
Моя душа, обѣщая покой,
Въ нихъ горькое находишь наслажденье.
О жизни сонъ! лети, не жаль тебя!
Исчезни въ тмѣ пустое привидѣнье!
Мнѣ дорого любви моей мученье,
Пускай умру, но пустьъ умру — любя!

ЗАЗДРАВНЫЙ КУБОКЪ.

Кубокъ янтарный
Полонъ давно.
Пьюноу парной
Блещетъ вино!
Свѣта дороже
Сердцу оно.
Но за кого же
Выпью вино?

Пейте за славу,
Славы друзья!
Бранной забавы
Любить нельзя;
Это веселье
Не веселить!
Дружбы похмѣлье
Грома бѣжитъ.

Жители неба,
Феба жрецы,
Здравіе Феба,
Пейше пѣвцы!
Рѣзвой Климены
Ласки — бѣда!
Токъ Иппокрены —
Други, вода! —

Пейте за радосшь
Юной любви.
Скроешься младосшь,
Дѣши мои.
Кубокъ янтарный
Пѣлонъ давно.
Я — благодарный —
Пью — за вино!

ОТРЫВКИ ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЯ:

ФАВНЪ и ПАСТУШКА.

—

I.

Съ пѣнадцатой весною,
Какъ лилія съ зарею
Красавица цвѣтешъ,
И шомное дыханье,
И взоровъ шомный свѣтъ,
И груди шренешанье,
И розы нѣжный цвѣтъ —
Всѣ юность измѣняешъ.
Ужъ Лилу не плѣняешъ
Веселый хороводъ:
Одна, у сонныхъ водъ,
Въ лѣсахъ она таишся,
Вздыхаешъ и шомишся;
И съ нею шамъ Эрошъ.
Когда же, ночью шемной,

Ее въ постель скромной
Заспанеть тихій сонъ
Съ волшебницей-мечпою,
И тихою поскою
Исполнить сердце онъ —
И Лиля, въ сновидѣньѣ
Вкушаетъ наслажденье
И шепчетъ: о Филонъ!

III.

Здѣсь розы наклонились
Надъ вами въ темный кровъ,
И въпры пришайлись,
Гдѣ царствуетъ любовь...
Но кто тамъ, близъ пещеры,
Въ густой травѣ лежитъ?
На жертвенникъ Венеры
Съ досадой онъ глядитъ;
Нагнулась межъ цвѣтами
Косматая нога;
Надъ грустными очами
Нависли два рога;
То Фавнъ, угрюмый жишель
Лѣсовъ и горъ крупныхъ,
Докучливый гонитель
Паспущекъ молодыхъ.
Прекраснаго Филона

Давно соперникъ онъ . . .
Въ пріюти сладоспастья
Онъ слышитъ вздохи счастья
И нѣги томный спонтъ.
Въ безмолвіи несчастной
Спраданья чашу пьешъ,
И въ ревности напрасной
Горючи слезы льешъ.
Но вопъ ночей царица
Скапилась за лѣса,
И тихая денница
Румянитъ небеса;
Зефиры прошептали —
И Фавнъ въ дремучій боръ
Бѣжитъ сокрытъ печали
Въ ущельяхъ дикихъ горъ.

IV.

Одна пошпру Лида
Нешвердою ногой
Средь рощицы густой
Задумчиво ходила.
« О, скоро ль, мракъ ночной
« Съ прекрасною луной
« Ты небомъ овладѣешь?
« О, скоро ль, шемный лѣсъ,
« Въ шуманахъ засинѣешь

« На западъ небесъ? »
Но шорохъ за кустами
Ей слышился глухой,
И вдругъ — сверкнулъ очами
Предъ нею богъ лѣсной!
Какъ вѣшній вѣшперочикъ,
Лепишь она въ лѣсочикъ; —
Онъ гонится за ней —
И трепетная Лила
Всѣ тайны обнажила
Младой красы своей;
И нѣжна грудь открылась
Лобзаньямъ вѣшперка,
И стройная нога
Невольно обнажилась.
Порхая надъ правой,
Паспушка робко дышишь,
И Фавна за собой
Всѣ ближе, ближе слышишь.
Ужъ чувствуешь она
Огонь его дыханья:
Напрасны всѣ спаранья!
Ты Фавну суждена;
Но шумная волна
Красавицу сокрыла;
Рѣка — ея могила.
Нѣтъ! — Лила спасена.

V.

Эропы златокрылы
И нѣжный Купидонъ
На помощь юной Лилы
Лешащъ со всѣхъ сторонъ;
Всѣ бросили Циперу
И мирныхъ селъ Венеру,
По трепешнымъ волнамъ
Несущъ они въ пещеру
Любви пустынный храмъ.
Счастливецъ былъ ужъ тамъ . . .
Спокойно дремлетъ Лила,
На розахъ нѣтъ и сна,
И лучъ свой угасила
За облакомъ луна.

VI.

Поникнувъ головою,
Несчастный богъ лѣсовъ
Одинъ съ вечерней тѣмою
Бродилъ у береговъ:
Проспи, любовь и радость!
Со вздохомъ молвилъ онъ;
Въ печали праплетъ младость
Я рокомъ осужденъ!
Вдругъ изъ лѣсу румяный

Шатаясь передъ нимъ,
Сапиръ явился пьяный
Съ кувшиномъ круговымъ;
Онъ смутными глазами
Пути домой искалъ,
И козьими ногами
Едва пересупалъ;
Шель, шель, и напалкнулся
На Фавна моего —
Со смѣхомъ опшатанулся,
Склонился на него . . .
«Ты ль эшо, брагъ любезной?
Вскричалъ Сапиръ съдой:
Въ какой спрантъ безвѣстной
Я встрѣтился съ тобой?»
— Ахъ! молвилъ Фавнъ уныло,
Завяли дни мои!
Все, все мнѣ измѣнило,
Несчастенъ я въ любви. —
«Что слышу? опъ Амура
Ты спраждешъ и грустишь,
Малютку-бѣдокура
И ты боготворишь!
Возможно ль? Такъ забвенье
Въ кувшинѣ почерпай,
И чашу въ утѣшенье
Наполни черезъ край!

И пѣна засверкала
И на краяхъ шипитъ,
И съ перваго фіала
Амуръ уже забытъ.

VIII.

О Лила! вянутъ розы
Минушныя любви:
Познай же грусть и слезы —
И нынѣ терны рви.
Въ губительномъ стремлѣнн
За годомъ годъ лепишь,
И старость въ опдаленн
Красавицъ грозитъ.
Амуръ уже съ поклономъ
Разспался съ красошой,
И въ слѣдъ за Купидономъ
Веселья скрылся рой.
Въ лѣсу паслушка бродитъ
Печальна и одна:
Кого же памѣ находитъ?
Вдругъ Фавна зритъ она.
Философъ козлоногій
Подъ липою лежалъ,
И пѣнистый фіаль,
Вѣнкомъ украсивъ роги,
Лѣниво осушалъ. —

Хоть Фавнъ и не находка
Для Лилы прежнихъ лѣтъ,
Но вздумала красопка
Любви раскинуть сѣть:
Подкралась, успремила
На Фавна томный взоръ,
И слышала я, клонила
Къ развязкѣ разговоръ.
Но Фавнъ съ улыбкой злою,
Напѣня свой фіалъ,
Качая головою —
Красавицѣ сказалъ:
« Нѣтъ! Лила; я въ покоѣ —
Другихъ, мой другъ, лови,
Есть время для любви,
Для мудроспи другое.
Бывало, я тобой
Въ безуміи плѣнялся —
Бывало, восхищался
Коварной красотой,
И сердце, плѣня спрасью,
Къ тебѣ меня влекло.
Бывало ... но, по счастью,
Что было — то прошло.

КЪ ЖИВОПИСЦУ.

Дитя Харипъ, воображенья!
Въ порывъ пламенной души
Небрежной кистью наслажденья
Мигъ друга сердца напиши:
Красу невинности небесной,
Надежды робкія черпы,
Улыбку Душеньки прелестной
И взоры юной красоты;
Вкругъ тонкаго Гебеи спана
Венеринъ поясъ повяжи;
Сокрытой прелестью Альбана
Мою царицу окружи;
Прозрачны волны покрывала
Накинь на трепещущую грудь,
Чтобъ и подъ нимъ она дышала,
Хопъла шайно бы вздохнуть;
Представь мечту любви спыдливой —
И той, кошорою дышу,
Рукой любовника счастливой
Внизу я имя напишу.

С О Н Ъ.

(Отрывокъ изъ Новгородской повѣсти: Вадимъ.)

Проходишь ночь; огонь погасъ,
Оспыль и пепель. Водъ пучина
Бѣлѣетъ: близокъ упря часть,
И сходишь сонъ на Славянина.
Видалъ онъ дальнія спирапы,
По сушѣ, по морямъ носился,
Во дни былые, дни войны,
На Западѣ, на Югѣ бился —
Дѣля добычу и труды
Съ суровымъ племенемъ Одеца,
И передъ нимъ враговъ ряды
Бѣжали какъ морская пѣна —
Въ часъ бури — къ горнымъ берегамъ.
Внималъ онъ радостнымъ хваламъ
И арфамъ Скальдовъ вдохновенныхъ —
Въ жилищѣ сильныхъ пировалъ,
И очи дѣвъ иноплеменныхъ
Красою чуждой привлекалъ:

Но сладкій сонъ не переносишь
Теперь героевъ въ край чужой,
Въ поля, гдѣ мчися бурный бой,
Гдѣ мечъ главы героевъ косишь!
Не видишь онъ знакомыхъ скалъ
Каріоландіи печальной,
Ни Альбіона, гдѣ искалъ
Правдивыхъ сѣчь и славы дальной.
Ему не снился шумъ валовъ;
Онъ позабылъ морскія бишвы,
И пламя яркое пировъ,
И трубный звукъ и лай ловишвы.
Другія грезы и мечпы
Волнуютъ сердце Славянина:
Предъ нимъ Славянская дружина,
Онъ узнаетъ ея щипы;
Онъ снова проспираетъ руки
Къ товарищамъ минувшихъ лѣтъ,
Забытымъ въ долги дни разлуки,
Которыхъ ужъ и въ міръ нѣтъ.
Онъ видитъ Новгородъ-великій,
Знакомый перемъ съ давнихъ поръ;
Но тынъ обросъ крапивою дикою,
Обвишы окна павиликой,
Въ травѣ заглохъ широкій дворъ.
Онъ быспро храминъ опустѣлыхъ
Проходитъ молчаливый рядъ:

Все мертво... нѣтъ гостей веселыхъ,
Застольныя чаши не гремятъ;
И вопъ веселая свѣтлица —
Въ немъ сердце бьется: здѣсь нль нѣтъ —
Любовь очей, душа - дѣвица?
Цвѣшетъ ли здѣсь — мой милый цвѣтъ?
Найду ль ее? ... И съ этимъ словомъ
Онъ входитъ... Что же? страшный видъ!
Въ постель хладной, подъ покровомъ —
Дѣвица мертвая лежитъ!...
Въ немъ замеръ духъ и взволновался.
Покровъ приподнимаетъ онъ,
Глядитъ — и слабый спонъ
Сквозь тяжкій сонъ его раздался.
Она, она! — ея черты!
На персяхъ рану обнажаетъ;
Она погибла! восклицаетъ.
Кто могъ? ... и слышитъ голосъ: ты!

ПУТЕШЕСТВЕННИКУ *.

Судьба на руль уже склонилась,
Спокойно свѣшяпъ небеса,
Ладья крылатая пусшилась —
Расправишъ счастье паруса.
Дай Богъ, чшобъ грозной непогоды
Вблизи шы ужась не видалъ,
Чшобъ бурный вихоръ не вздувалъ
Предъ челнокомъ шумящи воды!

Когда жъ уйду на новоселье
(Заснушъ въдъ общій всѣмъ удѣлъ),
Скажи: « Дай Богъ ему веселье,
Онъ въ жизни хопъ любишъ умѣлъ. »

* Авторъ писалъ это четырнадцати лѣтъ.

КЪ МОРФЕЮ.

—

Морфей! до утра дай отраду
Моей мучительной любви.
Приди, задуй мою лампаду,
Мои мечты благослови!
Сокрой опть памяти унылой
Разлуки спрашной приговоръ!
Пускай увижу милый взоръ,
Пускай услышу голосъ милой.
Когда жъ умчися ночи мгла
И ты мой покинешь очи,
О, если бы душа могла
Забышь любовь до новой ночи!

Взглянувъ когда-нибудь на тайный сей листокъ,
Исписанный когда-то мною,
На время улепи въ Лицейскій уголокъ
Всесильной, сладостной мечпою.
Ты вспомни быспрыя минушы первыхъ дней,
Неволю мирную, шесць лѣтъ соединенья,
Печали, радости, мечты души твоей,
Размолвки дружества и сладость примиренья,
Что было и не будетъ вновь....
И съ тихими поски слезами
Ты вспомни первую любовь.
Мой другъ! она прошла... но съ первыми друзь-
ями
Не рѣзвою мечпой союзъ твой заключень;
Предъ грознымъ временемъ, предъ грозными судь-
бами,
О милый, вѣченъ онъ!

Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!
И я судьбу благословилъ,
Когда мой домъ уединенный,
Печальнымъ снѣгомъ занесенный,
Твой колокольчикъ огласилъ.
Молю святое Провидѣнье,
Да голосъ мой душѣ своей
Даруешь по же утѣшенье!
Да озаритъ онъ започенье
Лучемъ Лицейскихъ ясныхъ дней!

Это стихотвореніе хотя не принадлежитъ къ Лицейскимъ, но помѣщается вслѣдъ за предъидущимъ потому, что оно писано къ тому же лицу.

ВЪ АЛЬБОМЪ ИЛИЧЕВСКОМУ.

—

Мой другъ, не славный я поэтъ,
Хоть Христіанинъ православной.
Душа безсмертна, слова нѣтъ:
Моимъ стихамъ удѣлъ неравной —
И пѣсни Музы своенравной,
Забавы рѣзвыхъ, юныхъ лѣтъ
Погибнуть смертію забавной —
И насъ не пронесъ здѣшній свѣтъ.
Ахъ! вѣдаетъ мой добрый Геній,
Что предпочелъ бы я скорѣй
Безсмертію души моей
Безсмертіе своихъ твореній.
Не власны мы въ судьбѣ своей;
По крайней мѣрѣ нѣтъ сомнѣнья —
Сей плодъ небрежной вдохновенья,
Безъ подписи, въ твоихъ рукахъ
На скромныхъ дружества листкахъ
Уйдетъ опъ общаго забвенья.
Но пусть напрасенъ будетъ трудъ,

Твоею дружбой оживленной;
Мои стихи пускай умрутъ;
Гласъ сердца, чувства неизмѣнны
Навѣрно ихъ переживушь.

СНОВИДѢНІЕ.

Не давно, обольщенъ прелестнымъ сновидѣнь-
емъ,
Въ вѣнцѣ сіяющемъ, царемъ я зрѣлъ себя;
Мечпалось, я любилъ тебя —
И сердце билось наслажденьемъ.
Я спрасъ у ногъ пвоихъ въ воспоргахъ изъ-
яснялъ.
Мечпы! ахъ! опъ чего вы счастья не продлили?
Но боги не всего шеперь меня лишили:
Я только царшво пошерялъ.

О Н А.

—

«Печаленъ ты, признайся; что съ побою?»
— Люблю мой другъ! — «Но кто жъ тебя
пѣнилъ?»
— О нѣтъ — «Кому жъ ты жершвуешь душой?»
— Она. — «Да кто жъ, Глицера ль, Хлоя, Лиля?»
— Ахъ! ей! — «Ты скромный другъ сердечный!
Но почему жъ ты сполько огорченъ?
И кто виной? Супругъ, отецъ конечно...»
Не то, мой другъ! — «Но что жъ?» — Я ей
не онъ! —

КЪ ТОВАРИЩАМЪ

ПЕРЕДЪ ВЫПУСКОМЪ.

Промчались годы започенья:
Не долго, милые друзья,
Намъ видѣшь кровь уединенья
И Царскосельскія поля.
Разлука ждетъ насъ у порогу;
Зоветъ насъ свѣта дальнѣй шумъ,
И каждый смотришь на дорогу
Въ волненьи юныхъ, пылкихъ думъ.
Иной, подъ киверъ спрятавъ умъ,
Уже въ воинственномъ нарядѣ
Гусарскою саблею махнулъ;
Въ Крещенской упренней прохладѣ
Красиво мерзнетъ на парадѣ,
А грѣшя ѣдетъ въ караулъ.
Другой, рожденный бытъ вельможей,
Не чesъ, а почесши любя,
У плаща знашнаго въ прихожей

Покорнымъ плутомъ зришь себя.
Лишь я, судьбѣ своей послушный,
Счастливей нѣги вѣрный сынъ,
Душой безпечный, равнодушный,
Въ постели задремалъ одинъ.

Равны мнѣ писаря, уланы,
Равны мнѣ каски, кивера;

Не рвусь я грудью въ капишаны
И не ползу въ ассесора.

Друзья! немного снисхожденья —
Оспавьте пестрый мнѣ колпакъ,
Пока его за прегрѣшенья
Не промѣнялъ я на шишакъ;
Пока лѣнивому возможно,
Не опасаясь грозныхъ бѣдъ,
Еще рукой неоспорожной
Въ іюль распахнутъ жилетъ.

БОЖЕ! ЦАРЯ ХРАНИ.

Боже! Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли:
Гордыхъ смиришелоу,
Слабыхъ хранишелоу,
Всѣхъ утѣшишелоу

Все ниспошли.

Тамъ громкой славою,
Сильной державою
Міръ онъ покрылъ;
Здѣсь — безмятежною
Сънью надежною,
Благоспью нѣжною
Насъ осѣнилъ.

Брани въ ужасный часъ
Мощно хранила насъ
Вѣрная длань:

Гласъ умиленія,
Благодаренія,
Сердца спремленія —
Вошъ наша дань!

К Ъ Г . . . У.

—

Пускай угрюмый рифмопворъ,
Повиный макомъ и крапивою,
Холодныхъ одъ пворецъ решивой,
На скучной ладъ сплешая вздоръ,
Зовешъ объдашь генерала;
О Г—ь, вѣрный другъ бокала
И жирныхъ упренныхъ пировъ,
Тебя зову, мудрецъ лѣнивой,
Въ приюсть поэзіи счастливой,
Подъ опдаленный нѣги кровь.
Давно въ моемъ уединеньи,
Въ кругу бушылукъ и друзей,
Не зрѣли кружки мы пвоей,
Подруги долгихъ наслажденій,
Оспрошь и хохота госпей.
Въ шебъ шрудисься нѣтъ охошы;
Садись на пройку злыхъ коней,
Оспавъ Петрополь и забошы,
Лепи въ счастливой городокъ,

Зайди къ Жиду З...ёву,
Въ его всѣмъ общій уголокъ;
Мы шамъ, собравшись въ кружокъ,
Прольемъ вина спрую багрову,
И съ громомъ двери на замокъ
Запрешъ веселье молодое.
И гордый на столъ пирогъ
Друзей спѣсенными рядами,
Сверкая свѣшлыми ножами,
Съ побою храбро осадимъ,
И мигомъ спѣны разгромимъ;
Когда жъ, виномъ опягощенный,
Съ главой въ колѣни преклоненный,
Захочешъ въ миръ ошдохнуть,
И вдругъ, спускаяся въ подушку,
Дабы спокойнѣе заснуть,
Уронишь налишную кружку
На шарой, бархатной диванъ:
Тогда посланія, куплешы,
Балады, басенки, сонешы
Покинушъ скромной нашъ карманъ,
И крѣпокъ сонъ лѣнивца будешъ!...
Но рюмокъ звонъ тебя разбудишъ,
Ты вскочишь съ бодрой головой,
Осшавишъ смятую подушку,
Подымешъ милую подружку —
И въ кельѣ снова пиръ горой.

О Г—ь, время невозвратно,
И близокъ, близокъ грозный часъ,
Когда, слыша славы гласъ,
Покину кельи кровъ пріятной,
Тапарской сброшу свой халапъ —
Просшите, дѣвственныя Музы!
Проси, пріюпъ молодыхъ опрадъ!
Надѣну узкія рейпузы,
Завью въ колечки гордый усь,
Заблещетъ пара эполоповъ,
И я — пишомецъ важныхъ Музъ —
Въ числѣ воюющихъ корнеповъ!
О Г—ь, Г—ь! поспѣшай!
Тебя зовушъ и сонъ лѣнивый,
И другъ ни скромный, ни спѣсивый,
И кубокъ, полный черезъ край! —

МЕЧТАТЕЛЬ.

—

По небу крадется луна,
На холмъ пѣма сѣдѣшь,
На воды пала тишина,
Съ долины въперть вѣсь;
Молчишь пѣвица вѣснихъ дней
Въ пущынь темной роци,
Спада почилъ средь полей
И пихъ полетъ полноци.

* *
*

И мирной нѣги уголокъ
Ночь сумракомъ одѣла,
Въ каминъ гаснеть огонѣкъ
И свѣчка нагорѣла;
Споишь боговъ домашнихъ ликъ
Въ кивотъ небогатомъ,
И блѣдный шеплился ночникъ
Предъ глинянымъ пенатомъ.

* *
*

*

Главою на руку склонень,
Въ забвеніи глубокомъ,
Я въ сладки думы погружень
На ложъ одинокомъ;
Съ волшебной ночи темношой,
При мѣсячномъ сіяньи,
Слетаютъ рѣзвою толпой
Крылашья мечпанья.

* * *

И тихой, тихой льется гласъ;
Дрожатъ златыя струны.
Въ глухой, безмолвной мрака часъ
Поетъ мечшатель юный;
Исполненъ тайною тоской,
Мечпаньемъ вдохновенной,
Леплетъ рѣзвою рукой
На лиръъ оживленной.

* * *

Блаженъ, кто въ низкой свой шалашъ
Въ мольбахъ не проситъ счастья!
Ему Зевесъ надежный спражъ
Опъ грознаго ненастья;
На макахъ лѣни, въ тихой часъ,
Онъ сладко засыпаетъ,
И бранныхъ трубъ ужасной гласъ
Его не пробуждаетъ.

* * *

Пускай, удара въ звучной щипъ
И съ видомъ дерзновеннымъ,
Мнѣ слава издали грозишь
Перспомъ окровавленнымъ,
И бранны вьются знамена,
И пышетъ бой кровавой —
Прелестна сердцу пишина;
Нейду, нейду за славой.

* *
*

Нашелъ въ глуши я мирный кровъ,
И дни веду смиренно;
Дана мнѣ лира опъ боговъ,
Поэшу даръ безцѣнной;
И Муза вѣрная со мной:
Хвала тебѣ, богиня!
Тобою красенъ домикъ мой
И дикая пущыня.

* *
*

На слабомъ упрѣ дней злыхъ
Пѣвца ты осѣнила,
Вѣнкомъ изъ мирровъ молодыхъ
Чело его покрыла,
И горнымъ свѣтомъ озарясь,
Влепала въ скромну келью,
И чужь дышала, преклонясь
Надъ дѣтской колыбелью.

* *
*

О, будь мнѣ спутницей молодой,
До самыхъ вратъ могилы!
Летай съ мечпаньемъ надо мной,
Расправляя легки крылы;
Гонише мрачную печаль,
Плѣняйше умъ... обманомъ,
И милой жизни свѣтлу даль
Кажеша за шуманомъ!

* *
*

И пихъ мой будетъ поздній часъ;
И смерти добрый геній
Шепнетъ, у двери постучась:
«Пора въ жилище тѣней!...»
Такъ въ зимній вечеръ сладкой сонъ
Приходишь къ мирной сѣни,
Вѣнчаный макомъ, и склоненъ
На посохъ томной лѣни....

К Т Ш . . . У.

(4 мая).

—

Любезный имянинникъ,
О Ш — нѣ дорогой!
Прибрелъ къ тебѣ пустышникъ
Съ опкрышою душой;
Съ пришельцемъ обнимися,
Но добраго пѣвца
Вспрѣчашъ не суепися
Съ параднаго крыльца:
Онъ госпѣ безъ эпикеша,
Не пребуешъ привѣша
Лукавой суеши;
Прими жъ его лобзанья
И чисныя желанья
Сердечной проспопы!
Успрой гостямъ пирушку;
На столикъ воцаной
Поспавъ пивную кружку
И кубокъ пуншевой.

Спаринный собутыльникъ!
Забудемся на-часъ.
Пускай ума свѣпильникъ
Погаснеть нынѣ въ насъ,
Пускай спарикъ крылашый
Лепишь на почшовыхъ!
Намъ дорогъ мигъ ушрашы
Въ забавахъ лишь однихъ.

Ты счастливъ, другъ сердечный:
Въ спокойствіи златомъ
Течешь швой вѣкъ безпечный,
Проходишь день за днёмъ,
И ты, въ бесѣдѣ Грацій,
Не зная черныхъ бѣдъ,
Живешь какъ жилъ Горацій,
Хотя и не поэтъ.
Подъ кровомъ небогатымъ
Ты вовсе незнакомъ
Съ зловѣщимъ Иппократомъ,
Съ нахмуреннымъ жрецомъ;
Не видишь у порогу
Толпящихся заботъ;
Нашли къ тебѣ дорогу
Веселость и Эросъ;
Ты любишь звонъ спакановъ
И прубки дымъ густой,

И демонъ Мешромановъ
Не власпвуетъ шобой.
Ты счастливъ въ этой долѣ —
Скажи, чего же боль
Мнѣ другу пожелаешь?
Придешся замолчать. . . .

Дай Богъ, чѣмъ я, съ друзьями
Вспрѣчая сошый май,
Покрытый съдинами,
Сказалъ тебѣ стихами:
« Вошь кубокъ, наливай!
Веселье, будь до гроба
Сопутникъ вѣрной нашъ,
И пусть умремъ мы оба
При спукѣ полныхъ чашъ! »

Г О Р О Д О К Ъ.

(Къ * * *).

Проспи мнѣ, милый другъ,
Двухъ-лѣтнее молчанье;
Писаешь тебѣ посланье
Мнѣ было не-досугъ.
На проѣздъ принесенный
Изъ родины смиренной
Въ великой градъ Пешра,
Отъ утра до утра
Два года все кружился
Безъ дѣла въ хлопошахъ,
Зывая, веселился
Въ театръ, на пирахъ;
Не вѣдалъ я покоя,
Увы! ни на часокъ,

.....
.....
.....

Но слава, слава Богу!
На ровную дорогу
Я выѣхалъ шеперь;
Ужъ выполкалъ за дверь
Забобы и печали,
Которыя играли —
Спыжусь — споль долго мной;
И въ тишинѣ свяшой
Философомъ лѣнливымъ,
Опѣ шума въ далекѣ,
Живу я въ городкѣ
Безвѣстностью счастливымъ.
Я нанялъ свѣтлый домъ
Съ диваномъ, съ камелькомъ;
Три комнашки просыя —
Въ нихъ лапа, бронзы нѣтъ,
И пикани выписныя
Не кроюшъ ихъ паркешъ.
Окошки въ садъ веселый,
Гдѣ липы преспарѣлы
Съ черемухой цвѣтущъ;
Гдѣ мнѣ въ часы полдневны
Березокъ своды темны
Прохладу сѣнь даюшъ;
Гдѣ ландышъ бѣлоснѣжной
Сплелся съ фіалкой нѣжной,
И быстрый ручеекъ,

Въ спруяхъ неся цвѣшокъ,
Невидимый для взора,
Лепечешь у забора.
Здѣсь добрый пѣвой поэтъ
Живетъ благополучно;
Не ходишь въ модный свѣтъ;
На улицѣ карешь
Не слышенъ стукъ докучной;
Здѣсь грома вовсе нѣтъ;
Лишь изрѣдка шелега
Скрипишь по мостовой,
Иль пупникъ, въ домикъ мой
Пришедъ искашь ночлега,
Дорожною клюкой
Въ калипку поступишь....

Блаженъ, кто веселился
Въ покоѣ, безъ заботъ,
Съ кѣмъ впайнѣ Фебъ дружился
И маленькой Эрошъ;
Блаженъ, кто на просшорѣ
Въ укромномъ уголкѣ,
Не думаетъ о горѣ,
Гуляетъ въ колпакѣ,
Пьетъ, ѣстъ, когда захочетъ,
О госпѣ не хлопочетъ!
Никто, никто ему
Лѣнишься одному

Въ поспелъ не мѣшается;
Захочешъ — Аонидъ
Толпу къ себѣ сзываетъ;
Захочешъ — сладко спишь,
На Рифмова склоняясь
И тихо забываясь.
Такъ я, мой милой другъ,
Теперь расположился;
Съ толпой безспыдныхъ слугъ
На-вѣки распроспился;
Укрывшись въ кабинетъ,
Одинъ я не скучаю,
И часто цѣлой свѣшъ
Съ восторгомъ забываю.
Друзья мнѣ — мерпвецы,
Парнаасскіе жрецы,
Надъ полкою простою,
Подъ тонкою шафною,
Со мной они живутъ,
Пѣвцы краснорѣчивы,
Прозаики шупливы,
Въ порядкѣ спали шупъ.
Сынъ Мома и Минервы,
Фернейскій злой крикунъ,
Поэтъ въ поэсахъ первый,
Ты здѣсь! сѣдой шалунъ!
Онъ Фебомъ былъ воспитанъ,

Издѣспива спалъ піипъ;
Всѣхъ больше перечипанъ,
Всѣхъ менѣ помипъ;
Соперникъ Эврипида,
Эраты нѣжной другъ,
Арьосша, Тасса внукъ —
Скажу ль? . . . опецъ Кандида —
Онъ все; вездѣ великъ
Единспвенной спарикъ!
На полкъ за Вольшеромъ
Виргилій, Тассъ съ Гомеромъ,
Всѣ вмѣспѣ предстоятъ.
Въ часъ упренній досуга
Я часто другъ опъ друга
Люблю ихъ опрывать.
Пипомцы юныхъ Грацій —
Съ Державинымъ попомъ
Чувспвишельный Горацій
Является вдвоємъ.
И ты, пѣвецъ любезной,
Поэзіей прелеспной
Сердца привлекшій въ плѣнъ,
Ты здѣсь, лѣнпай безпечный,
Мудрецъ проспосердечный,
Ванюша Лафонпенъ!
Ты здѣсь — и Дмипревъ нѣжный,
Твой вымысль любя,

Нашелъ пріющъ надежный
Съ Крыловымъ близъ тебя.
Но вотъ наперсникъ милой
Психеи златокрылой!
О добрый Лафоншенъ,
Съ шобой онъ смѣлъ сразиться...
Коль можешь ты дивиться,
Дивись: ты побѣжденъ!
Воспитанны Амуромъ
Вержье, Парни съ Грекуромъ
Укрылись въ уголокъ,
(Не разъ они выходятъ
И сонъ опъ глазъ отводятъ
Подъ зимній вечерокъ).
Здѣсь Озеровъ съ Расиномъ,
Руссо и Карамзинъ,
Съ Мольеромъ - исполиномъ
Фонвизинъ и Княжнинъ.
За ними, хмурясь важно,
Ихъ грозный Ариспархъ
Является отважно
Въ шестнадцати томахъ,
Хоть спрашно стихопкачу
Лагарпа видѣшь вкусъ,
Но часто, признаюсь,
Надъ нимъ я время трачу.

Кладбище обрѣли
На самой нѣжной полкѣ
Всѣ школьнически полки,
Лежащiе въ пыли,
Визгова сочиненья,
Глупона псалмопѣнья,
Извѣстныя пворенья,
Увы! однимъ мышамъ.
Миръ вѣчной и забвенья
И прозѣ и стихамъ!
Но ими огражденну
(Ты долженъ это знать)
Я спряхалъ пошасенну
Сафьянную пепрадь.
Сей свитокъ драгоцѣнный,
Вѣками сбереженный,
Опѣ члена Русскихъ силъ,
Двоюроднаго брата,
Драгунскаго солдата
Я даромъ получилъ.
Ты, кажешься, въ сомнѣньи...
Не трудно отгадать;
Такъ, это сочиненьи,
Презрѣвшiя печашь.
Хвала вамъ, чада славы,
Враги Парнаскихъ узъ!
О князь, наперсникъ Музъ,

Люблю твои забавы;
Люблю твоей колкій сѣпхъ
Въ посланіяхъ твоихъ;
Въ сапирѣ — знанье свѣта
И слога чистоту,
И въ рѣзвості куплепа
Игриву оспроту —
И ты, ...

.
.
.

Какъ, въ юношески лѣты,
Въ волнахъ шуманной Леты
Ихъ гуртомъ попопилъ;
И ты, замысловатый
Буянова пѣвецъ,
Въ карпинахъ споль богатый
И вкуса образецъ;
И ты, шутникъ безцѣнный,
Который Мельпомены
Копурны и кинжалъ
Игривой Талы далъ!
Чья кисть мнѣ нарисуетъ,
Чья кисть скомпанируетъ
Такой оригиналъ!
Тутъ вижу я съ Чернавкой
Подщипа слезы льетъ.

Но назову ль дѣшину,
Что доброю порой
Тепради половину
Наполнилъ лишь собой!
О пы, высотъ Парнасса
Бояринъ небольшой,
Но пылкаго Пегаса
Наѣздникъ удалой!
Намаранныя оды
Убранство чердаковъ,
Гласящъ изъ роды въ роды:
Великъ, великъ — Свисповъ!
Твой даръ цѣнишь умѣю,
Хоть право незнаю;
Но здѣсь тебѣ не смѣю
Хвалы сплешащъ вѣнокъ:
Свисповскимъ должно слогомъ
Свиспова воспѣвашъ;
Но убирайся съ Богомъ!
Какъ пы, въ шомъ класъся радъ,
Не спану я писащъ.

О вы, въ моей пуспынѣ
Любимые шворцы!
Займите же ошнынъ
Безпечноспи часы.
Мой другъ! весь день я съ ними,
То въ думу углубленъ,

То мыслями своими
Въ Элизій пренесень.
Когда же на закапѣ
Послѣдній лучъ зари
Пошопенѣ въ яркомъ зламѣ,
И свѣшлые цари
Смеркающейся ноци
Плывушѣ по небесамъ,
И тихо дремлюшѣ роци
И шорохъ по лѣсамъ;
Мой геній невидимкой
Лепашенѣ надо мной;
И я въ тиши ночной
Сливаю голосъ свой
Съ паспущьею волынкой.
Ахъ! счаспливѣ, счаспливѣ пошѣ,
Кшо лиру въ даръ ошѣ Феба
Во цвѣшѣ дней возъмѣшѣ!
Какъ смѣлый жипель неба,
Онѣ къ солнцу воспаришѣ,
Превыше смертныхъ спашенѣ,
И слава громко гряненѣ:
«Безсмершенѣ ввѣкъ піишѣ!»
Но ею мнѣ ль гордишѣся,
Но мнѣ ль безсмершьемъ льспишѣся?...
До слезѣ я споришѣ радѣ,
Не быюсь лишѣ обѣ закладѣ,

Какъ знашь, и мнѣ, бышь можешь,
Печашь свою наложишь
Небесный Аполлонъ;
Сіяя горнимъ свѣшомъ,
Безпрепешнымъ полешомъ
Взлечу на Геликонъ.

Не весь я преданъ пылью:
Съ моей, бышь можешь, пылью
Полунощной порой
Сынъ Феба молодой,
Мой правнукъ просвѣщенный,
Бесѣдовашь придетъ
И, мною вдохновенный,
На лиръ воздохнешь.

Покамѣшъ, другъ безцѣнный,
Каминомъ освѣщенный,
Сижу я подъ окномъ
Съ бумагой и съ перомъ,
Не слава предо мною,
Но дружбою одною
Я нынѣ вдохновенъ.
Мой другъ, я счастливъ ею;
Почто жъ ея сестрой,
Любовію молодой,
Напрасно пламенью?
Иль юности злапой
Вопще даны мнѣ розы,

И лишь на-вѣки слезы
Въ юдоли, гдѣ разцвѣлъ,
Мой гореспшой удѣлъ? . . .
Пѣвца соупникъ милой,
Мечпанье легкокрыло!
О! будь же ты со мной,
Дай руку сладоспраспью,
И съ чашей круговой
Веди меня ко счаспью
Забвенія пропой;
И въ часъ безмолвной ночи,
Когда лѣнивой макъ
Покроешь помны очи,
На вѣспреныхъ крылахъ
Примчись въ мой домикъ пѣсной,
Тихонько поспучись,
И въ пишинѣ прелестной
Съ любимцемъ обнимись!
Мечпа! въ волшебной сѣни
Мнѣ милую яви,
Мой свѣпъ, мой добрый геній,
Предметъ моей любви,
И блескъ очей небесный,
Ліующихъ огнь въ сердца,
И Грацій спанъ прелестный,
И снѣгъ ея лица;
Предспавъ, чпо на колѣняхъ

Покоясь у меня,
Въ порывистыхъ помленьяхъ
Склонилася она
Ко груди грудью спрасшной,
Успами на успахъ,
Горишь лицо прекрасной
И слезы на глазахъ!...
Почпо стрѣлой незримой
Уже лешишь ты въ даль?
Обманешь — и пропасть
Бѣглець невозвратимой!
Не слышишь плачь и стонъ,
И гдѣ крылатый сонъ?
Исчезнешь обольститель,
И въ сердцѣ грусть - мучитель.

Но все ли, милой другъ,
Бышь счастья въ упоеньѣ?
И въ грусти томный духъ
Находишь наслажденье:
Люблю я въ лѣтній день
Бродить одинъ съ тоскою,
Встрѣчать вечерню тѣнь
Надъ тихою рѣкою,
И съ сладостной слезою
Въ даль сумрачну смотрѣшь;
Люблю съ моимъ Марономъ
Подъ яснымъ небосклономъ

Близъ озера сидѣшь,
Гдѣ лебедь бѣлоснѣжной,
Оспавя злѣкъ прибрежной,
Любви и нѣги полнѣ,
Съ подругою своею,
Закинувъ гордо шею,
Плывеши во златѣ волнѣ;
Или, для развлеченья,
Оспавя книгъ ученье,
Въ досужной мнѣ часокъ
У добренькой старушки
Душистый пью чайскъ;
Не подхожу я къ ручкѣ,
Не шаркаю предъ ней,
Она не присѣдаетъ,
Но потчасъ и вѣсшей
Мнѣ пропасть наболшаетъ.
Газеты собираетъ
Со всѣхъ она споронъ,
Все свѣдаетъ, узнаетъ:
Кто умеръ, кто влюбленъ,
Кого жена по модѣ
Рогами убрала,
Въ которомъ огородѣ
Капуста цвѣтъ дала,
Оома свою хозяйку
Ни за что наказалъ,

Аншошка балалайку,
Играя, разломалъ —
Спарушка все расскажешь,
Межъ-тѣмъ какъ юбку вяжешь,
Болшаешь все свое;
А я сижу смиренно
Въ мечпаньяхъ углубленный,
Не слушая ее,
Ни рифмы Удалова.

Такъ нѣкогда Свислова
Въ сподицѣ я внималъ,
Когда свои пворенья
Онъ съ жаромъ мнѣ чипалъ.
Ахъ! видно Богъ пыпалъ
Тогда мое перпѣнье!

Иль добрый мой сосѣдъ,
Семидесяти лѣтъ,
Уволенный опъ службы
Маіоромъ опспавнымъ,
Зовешь меня изъ дружбы
Хлѣбъ - соль опкушашъ съ нимъ.
Вечернею пирушкой
Спарикъ, развеселясь,
За дѣдовскою кружкой
Въ прошедшемъ углубясь,
Съ Очаковской медалью
На раненой груди,

Вспомнишь шу башалю,
Гдѣ, рошѣ впереди,
Лешѣль на встрѣчу славы,
Но встрѣпился съ ядромъ,
И палъ на долъ кровавый
Съ булашнымъ палашемъ.
Всегда я радъ душею
Съ нимъ время провождашь,
Но, Боже, виновашъ!
Я каюсь предъ Тобою,

.....

.....

Какъ папа, Іудеевъ
Я вовсе не люблю,

.....

Но, другъ мой, если вскорѣ
Увижусь я съ побой,
То мы уходимъ горе
За чашей круговой.

.....

Вспомнишь шу башалю,
Гдѣ, рошѣ впереди,
Лешѣль на встрѣчу славы,
Но встрѣпился съ ядромъ,
И палъ на долъ кровавый
Съ булашнымъ палашемъ.
Всегда я радъ душею
Съ нимъ время провождашь,
Но, Боже, виновашъ!
Я каюсь предъ Тобою,
.....
Какъ папа, Іудеевъ
Я вовсе не люблю,
.....
Но, другъ мой, если вскорѣ
Увижусь я съ побой,
То мы уходимъ горе
За чашей круговой.
.....

БЕЗВѢРІЕ.

О вы! кошорые съ лзвншельнымъ упрекомъ,
 Счипая мрачное безвѣріе порокомъ,
 Бѣжите съ ужасомъ шого, кшо съ первыхъ лѣтъ
 Безумно погасилъ ошрадный сердцу свѣтъ,
 Кошораго вся жизнь естъ мракъ и изступленье:
 Восплачьте вы о немъ, имѣйте сожалѣнье!
 Взгляните на него — не шамъ, гдѣ каждый день
 Тщеславіе на всѣхъ наводитъ ложну шѣнь,
 Но въ тишинѣ семьи, подѣ кровлею родною,
 Въ бесѣдѣ съ дружесшвомъ, иль съ шемною меч-
 шою —

Взгляните: бродитъ онъ съ увядшею душой,
 Своей ужасною помимый пустошой;
 То горьки слезы льетъ; шо — рабъ спрасшей,
 волненья —

Напрасно ищешъ онъ унынью развлеченья.
 Напрасно, въ пышности свободной простоты,
 Природы передъ нимъ ошкрышы красоты;

Напрасно вокругъ себя печальныйъ взоръ онъ во-
дишь:

Умъ ищешь божества, а сердце не находишь.

Наспигнешь ли его глухихъ судебъ ударъ;

Опымешся ли вдругъ минувный счастья даръ;

Въ любви ли, въ дружествѣ ль обнимешь онъ
измѣну

И невозвратную онъ имъ узнаешь цѣну:

Лишенный всѣхъ опоръ, оппавшій вѣры сынъ,

Ужъ видишь съ ужасомъ, что въ міръ онъ одинъ,

И мощная рука къ нему съ дарами мира

Не простирается изъ-за предѣловъ міра.

Несчастные спрасшей и немощей сыны,

Мы всѣ на страшный гробъ родясь осуждены;

Всечасно бранныхъ узъ готово разрушенье;

Нашъ вѣкъ — невѣрный день; смерть — быстрое
запимѣнье.

Когда холодна пма объемлешь грозно насъ,

Завѣсу вѣчности колеблешь смертный часъ:

Ужасно чувствовашъ слезы послѣдней муку

И съ міромъ начинашь безвѣстную разлуку!

Тогда, бесѣдуя съ оставленной душой,

О вѣра! ты споишь у двери гробовой,

Ты ночь могильную ей тихо освѣщаешь

И, ободренную, съ надеждой опускаешь.

Но, други, пережишь ужаснѣе друзей!...

Лишь вѣра въ тишинѣ, отпradoю своей,

Живишь унылый духъ и сердца ожиданье;
«Наспанешь — говоришь — назначенно свиданье.»
А онъ, слѣпой мудрецъ! у гроба спонешь онъ,
Съ усладой бытія несчастный разлучень,
Надежды пихаго не внемлешь онъ привѣша:
Подходишь къ гробу онъ, взываетъ . . . нѣшь опи-
вѣша!

Видали ль вы его въ безмолвныхъ шѣхъ мѣсцахъ,
Гдѣ кровныхъ и друзей священный плѣшетъ прахъ?..
Видали ль вы его надъ хладною могилой,
Гдѣ Деліи его таится пепель милой?
Къ почившимъ позванный вечерней пишиной,
Къ креслу прикинулъ онъ безчувственной гла-
вой;

Одинъ, съ опчаяньемъ, въ слезахъ ожеспоченья,
Въ молчаньи ужаса, въ безумствѣ изскупленья,
Дрожишь! И между - шѣмъ, подъ сѣнью шем-
ныхъ ивъ,

У гроба матери колѣна преклонивъ,
Тамъ дѣва юная въ печали безмятежной
Возводишь къ небу взоръ болѣзненной и нѣжной.
Одна шуманною луной озарена,
Какъ ангелъ горести являея она;
Вздыхаетъ медленно, могилу обнимаетъ:
Все тихо; но она — какъ кажется — внимаетъ.
Несчастный на нее въ безмолвіи глядишь,
Поникнулъ головой, препенцешъ и бѣжишь;

Спѣшивъ онъ далѣе, но въ слѣдъ унынью бродитъ;
Тамъ умножаетъ лишь поску души своей:
При древнемъ торжесѣхъ священныхъ алтарей,
При гласѣ пасыря, при сладкомъ хоровъ пѣньѣ
Тревожился его безвѣрное мученье.

Онъ Бога тайнаго нигдѣ, нигдѣ не зрѣтъ;
Съ померкнушею душой святынь предстоитъ;
Холодный ко всему и чуждый умиленью,
Съ досадою пихому внимаетъ онъ моленью.
« Счастливецъ! — мыслишь онъ — почто не можно мнѣ,

« Спраспей бунтующихъ въ смиренной пишинѣ,
« Забывъ о разумѣ и немоцномъ и спрогомъ,
« Съ одной лишь вѣрою повергнувшись предъ Богомъ? »

Напрасный сердца крикъ! Нѣтъ, нѣтъ! не суждено

Ему сей тайны знать: безвѣріе одно,
По жизненной спесѣ во мракъ вождь унылый,
Несчастливаго влечетъ до вѣчныхъ врагъ могилы!

КЪ Б — О В У.

Философъ рѣзвый и піишъ,
Парнасскій счастливый лѣнivecъ,
Харипъ изнѣженный любимецъ,
Наперсникъ милыхъ Аонидъ!
Почто на арфѣ злэшоспруннoй
Умолкнулъ, радости пѣвецъ?
Уже ль и пы, мечпашель юной,
Разспался съ Фебомъ наконецъ?

Уже съ вѣнкомъ изъ розъ душисныхъ,
Межъ кудрей выющихся злшыхъ,
Подъ пѣнью пополей вѣшвисныхъ,
Въ кругу красавицъ молодыхъ,
Заздравнымъ не спучишь фіаломъ,
Любовь и Вакха не поешь;
Довольный, счастливый началомъ,
Цвѣшовъ Парнаскихъ вновь не рвешь;
Не слышенъ нашъ Парни Россійскій;
Пой, юноша! — пѣвецъ Тіискій
Въ тебя вліялъ свой нѣжный духъ.

Съ побою твоей прелестный другъ,
Лилета, красныхъ дней опрада:
Пѣвцу любви любовь награда.
Наспой же лиру — по струнамъ
Лепай игривыми перстами,
Какъ вѣснѣй зѣфиръ по цвѣтамъ,
И сладоспасными стихами
И шепчимъ шопотомъ любви
Лилету въ свой шалашъ зови;
И звѣздъ ночныхъ при блѣдномъ свѣтѣ,
Плывущихъ въ дальной вышинѣ,
Въ уединенномъ кабинетѣ
Волшебной внемля тишинѣ,
Слезамъ счастья грудь прекрасной,
Счастливецъ милый, орошай;
Но, упоенъ любовью спасной,
И нѣжныхъ Музъ не забывай!
Люби нѣтъ болѣ счастья въ мірѣ;
Люби — и пой ее на лирѣ.

Когда жъ къ тебѣ въ досужный часъ
Друзья, знакомые сберушся,
И вина пѣнныя полюшся,
Отъ плѣна съ прескомъ свободясь,
Описывай въ стихахъ игривыхъ
Веселье, шумъ гостей болтливыхъ
Вокругъ накрытаго стола,
Спаканъ, кипящій пѣной бѣлой,

И стукъ блестящаго стекла;
И госпи дружно спихъ веселой,
Бокаль въ бокаль ударя въ ладъ,
Неспройнымъ хоромъ повшоряшъ.
Поэшъ! въ швоей предметы волъ!
Во звучны струны смѣло грянь,
Съ Ж пой кроваву брань,
И грозну смерть на рашномъ полъ.
И ты въ спрояхъ ее вспрѣчалъ,
И ты, постигнушый судьбою,
Какъ Россъ, пишомецъ славы палъ!
Ты палъ, и хладною косою
Едва, скошенный, не увялъ! *

Иль, вдохновенный Ювеналомъ,
Вооружись саширы жаломъ;
Подъ-часъ прими ея свисшокъ,
Рази, осмѣивай порокъ.
Шушя, показывай смѣшное,
И, если можно, насъ исправъ,
Но Тредьяковского оставъ
Въ споль часпо рушимомъ покоѣ;
Увы! довольно безъ него
Найдемъ безчисленныхъ поэшовъ,
Довольно въ мірѣ ешъ предметовъ
Пера достойныхъ швоего!

* Кому не извѣстны Воспоминаніа 1807 года?

Но что? цѣвницею моею,
Безвѣстный въ міръ семь поэтъ,
Я пѣсни продолжаю не смѣю.
Прости — но помни мой совѣтъ:
Доколь, Музами любимый,
Ты Піэридъ горишь огнемъ,
Доколь, сраженъ стрѣлой незримой,
Въ подземный ты не снидешь домъ,
Мірскія забывай печали,
Играй: тебя молодой Назонъ,
Эропъ и Граціи вѣнчали,
А лиру спрощалъ Аполлонъ.

Р О М А Н С Ъ.

Подъ вечеръ, осенью ненастной,
Въ пуспынныхъ дѣва шла мѣспахъ,
И тайный плодъ любви несчастной
Держала въ препешныхъ рукахъ.
Все было тихо: лѣсъ и горы,
Все спало въ сумракъ ночномъ;
Она внимательные взоры
Водила съ ужасомъ кругомъ.

И на невинномъ семъ швореньѣ,
Вздохнувъ, остановила ихъ....
Ты спишь, дѣша, мое мученье...
Не знаешь гореспей моихъ!
Откроешь очи и, поскуя,
Ты къ груди не прильнешь моей,
Не встрѣпишь завтра поцѣлуя
Несчастной мащери швоей!

Ее манишь напрасно будешь!
Мнѣ вѣчный спыдъ вина моя!
Меня на-вѣки ты забудешь...
Но не забуду я тебя!
Дадуть покровъ тебѣ чужіе,
И скажутъ: ты для насъ чужой!
Ты спросишь: гдѣ мои родные?
И не найдешь семьи родной!

Несчастный! будешь грустной думой
Томишься межъ другихъ дѣшей,
И до конца съ душой угрюмой
Взираешь на ласки махерей.
Повсюду странникъ одинокой,
Всегда судьбу свою кляня,
Услышишь ты упрекъ жестокой....
Проспи, проспи тогда меня!

Ты спишь!... позволь себя, несчастный,
Прижать къ груди въ послѣдній разъ.
Проступокъ мой, твой рокъ ужасный,
Къ спраданью осуждаютъ насъ.
Пока лѣта не опогнали
Невинной радости твоей,
Спи, милой! горькія печали
Не пронущь дѣшества психихъ дней!

Но вдругъ за роцей освѣтила —
 Вблизи ей — хижину луна.
 Блѣдна, препенуща, уныла,
 Къ дверямъ приблизилась она;
 Склонилась, шихо положила
 Младенца на порогъ чужой;
 Со страхомъ очи отвѣтила —
 И скрылась въ темнотѣ ночной.

ВОСПОМИНАНІЯ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

Нависъ покровъ угрюмой ночи
На сводъ дремлющихъ небесъ;
Въ безмолвной тишинѣ почилъ доль и рощи,
Въ сѣдомъ шуманъ дальній лѣсъ;
Чуть слышится ручей, бѣгущій въ сѣнь ду-
бравы,
Чуть дышетъ въперокъ, уснувшій на лиспахъ,
И пихая луна, какъ лебедь величавый,
Плывешъ въ сребристыхъ облакахъ.

* *

*

Плывешъ — и блѣдными лучами
Предметы освѣтила вокругъ;
Алеи древнихъ липъ открылись предъ очами,
Проглянули и холмъ и лугъ.
Здѣсь, вижу, съ шополемъ сплелась младая ива
И опразилась въ кристалль зыбкихъ водъ,

Царицей средь полей лилея горделива
Въ роскошной красотѣ цвѣтешъ.

* *
*

Съ холмовъ кремнистыхъ водопады
Спекающъ бисерной рѣкой;
Тамъ въ шихомъ озерѣ плескаются Наяды
Его лѣнивою волной;

А тамъ въ безмолвіи огромные черпоги,
На своды опершись, несущя къ облакамъ.
Не здѣсь ли мирны дни вели земные боги?
Не се - ль Минервы Росской храмъ?

* *
*

Не се - ль Елизіумъ полнощный,
Прекрасной Царскосельской садъ,
Гдѣ, льва сразивъ, почилъ орелъ Россіи мощный
На лонѣ мира и опрадъ?
Увы! промчались шѣ времена злащя,
Когда подъ скипетромъ Великія Жены
Вѣнчалась славою счастливая Россія,
Цвѣтѣя подъ кровомъ пишины.

* *
*

Здѣсь каждый шагъ въ душѣ раждаетъ
Воспоминанья прежнихъ лѣтъ;
Возрѣвъъ вокругъ себя, со вздохомъ Россъ вѣ-
щаетъ:
«Исчезло все, Великой нѣтъ!»

И въ думу углубленъ, надъ злчными брегами
Сидишь въ безмолвіи, склоняя въпрямъ слухъ;
Пропекшія лѣта мелькають предъ очами

И въ пихомъ восхищеніи духъ.

* *

*

Онъ видишь: окруженъ волнами,
Надъ твердой, мшищою скалой
Вознесся памятникъ *. Ширяся крылами,
Надъ нимъ сидишь орелъ молодой.

И цѣпи тяжкія и сѣрѣлы громовыя
Вкругъ грознаго столпа прикрапы обвились,
Кругомъ подножія, шума, валы сѣдые
Въ блестящей пѣнѣ улеглись.

* *

*

Въ пѣни густой угрюмыхъ сосенъ
Воздвигся памятникъ проспой.
О, сколь онъ для шебя, Кагульскій берегъ, поно-
сень

И славенъ родинѣ драгой!
Безсмертны вы во-вѣкъ, о Русски исполины,
Въ бояхъ воспитанны средъ бранныхъ непогодъ;
О васъ, сподвижники, друзья Екатерины,
Пройдетъ молва изъ рода въ родъ.

* *

*

* Въ честь графу А. Г. Орлову-Чесменскому.

О громкій вѣкъ военныхъ споровъ,
 Свидѣтель славы Россіянъ!
 Ты видѣлъ, какъ Орловъ, Румянцовъ и Суворовъ,
 Попомки грозные Славянъ,
 Перуномъ Зевсовымъ побѣду похищали.
 Ихъ смѣлымъ подвигамъ, спрашась, дивился міръ;
 Державинъ и Пепровъ героямъ пѣснь брятали
 Спрунами громозвучныхъ лиръ.

* *

И ты промчался, незабвенный!
 И вскорѣ новый вѣкъ узрѣлъ
 И брани новыя и ужасы военны:
 Спрадашь — естъ смершнаго удѣлъ.
 Блеснулъ кровавый мечъ въ неукропимой длани
 Коварствомъ, дерзостью вѣнчаннаго царя.
 Возспалъ вселенной бичъ — и вскорѣ лютой
 брани
 Зардѣлась грозная заря;

* *

И быстрымъ понеслись попокомъ
 Враги на Русскія поля.
 Предъ ними мрачна степь лежишь во снѣ глу-
 бокомъ,
 Дымится кровію земля,
 И селы мирныя и грады въ мглѣ пылають,
 И небо заревомъ одѣлося вокругъ,

Лѣса дремучіе бѣгущихъ укрываютъ,
И праздный въ полѣ ржавитъ плугъ.

* * *

Идутъ; ихъ силъ нѣтъ препоны,
Все рушатъ, все свергаютъ въ прахъ,
И пѣвни блѣдныя погибшихъ чадъ Беллоны,
Въ воздушныхъ соединясь полкахъ,
Въ могилу мрачную нисходятъ непреспанно,
Иль бродятъ по лѣсамъ въ безмолвіи ночи....
Но клики раздались!.... Идутъ въ дали туман-
ной.... —

Звучатъ кольчуги и мечи!

* *

Спрашисъ, о рапъ иноплеменныхъ!
Россіи двинулись сыны;
Возсналъ и спаръ и младъ, лешащъ на дерзно-
венныхъ,

Сердца ихъ мщенъемъ возжены.
Воспрепещи, тиранъ! ужъ близокъ часъ паденья!
Ты въ каждомъ рапникѣ узришь богатыря.
Ихъ цѣль: иль побѣдишь, иль пасъ въ пылу сра-
женья

За Вѣру, за Царя.

* *

Решивы кони браню пышутъ,
Усѣявъ рапниками долъ,

За строемъ строй печешь; всѣ мѣсью, славой
дышущъ,

Воспоргъ во грудь ихъ перешель;
Лешяшъ на грозный пиръ, мечамъ добычи ищущъ,
И се — пылаешь брань; на холмахъ громъ гремишь,
Въ сгущенномъ воздухѣ съ мечами стрѣлы сви-
щущъ,

И брызжешь кровь на щипъ.

* *

Сразились — Русской побѣдись!

И вспяшь бѣжишь надменный Галль;
Но сильного въ бояхъ небесный Вседержись
Лучемъ послѣднимъ увѣнчалъ;

Не здѣсь его сразилъ воишь посѣдѣлый;
О Бородинскія кровавыя поля!

Не вы исповсѣху и гордоси предѣлы:

Увы! на башняхъ Галль Кремля!...

* *

*

Края Москвы, края родные,

Гдѣ на зарѣ цвѣшущихъ лѣтъ

Часы безпечности я прашилъ златые,

Не зная горестей и бѣдъ,

И вы ихъ видѣли, враговъ моей опчизны,

И васъ багрила кровь и пламень пожиралъ!

И въ жертву не принесъ я мщенья вамъ и жизни....

Вопще лишь гнѣвомъ духъ пылалъ!

* *

*

Гдѣ ты, краса Москвы споглавой,
Родимой прелеснь спороны?
Гдѣ прежде взору градъ являлся величавой,
Развалины теперь однѣ.

Москва! сколь Русскому швой зракъ унылый спра-
шенъ!

Исчезли зданія вельможей и Царей,
Все пламень испребилъ, вѣнцы запмились ба-
шенъ,
Чершогн пали богачей.

* *
*

И шамъ, гдѣ роскошь обншала,
Въ сѣнисшыхъ рощахъ и садахъ,
Гдѣ миршъ благоухалъ и липа шрепешала,
Тамъ нынѣ угли, пепелъ, прахъ;
Въ часы безмолвные прекрасной лѣшней ношн
Веселѣ шумное шуда не полешнтъ,
Не блещутъ ужъ въ огняхъ брега и свѣшлы
рошн —

Все мершво, все молчнтъ....

* *
*

Ушѣшся, машъ градовъ Россн,
Воззрн на гибель пришлеца.

Ошягопѣла днесъ на ихъ надменной вын

Десннца мсшящая Творца.

Взглянн: онн бѣгутъ, озрѣшся не дерзаютъ,

За строемъ строй печешь; всѣ месью, славой
дышущъ,

Восторгъ во грудь ихъ перешелъ;
Лешащъ на грозный пиръ, мечамъ добычи ищущъ,
И се — пылающъ брань; на холмахъ громъ гремищъ,
Въ сгущенномъ воздухѣ съ мечами стрѣлы сви-
щущъ,

И брызжешъ кровь на щипъ.

* *

Сразились — Русской побѣдишель!

И вспяшъ бѣжишъ надменный Галъ;

Но сильнаго въ бояхъ небесный Вседержишель
Лучемъ послѣднимъ увѣнчалъ;

Не здѣсь его сразилъ воишель посѣдѣлый;
О Бородинскія кровавыя поля!

Не вы несповсѣду и гордоспшъ предѣлы:

Увы! на башняхъ Галъ Кремля!...

* *

*

Края Москвы, края родные,

Гдѣ на зарѣ цвѣшущихъ лѣтъ

Часы безпечности я прапиль золошые,

Не зная горешей и бѣдъ,

И вы ихъ видѣли, враговъ моей опчишны,

И васъ багрила кровь и пламень пожиралъ!

И въ жершву не принесъ я мщенья вамъ и жизни....

Вошще лишь гнѣвомъ духъ пылалъ!

* *

*

Гдѣ ты, краса Москвы споглавой,
Родимой прелеснь спороны?
Гдѣ прежде взору градъ являлся величавой,
Развалины шеперь однѣ.

Москва! сколь Русскому швой зракъ унылый спра-
шенъ!

Исчезли зданія вельможей и Царей,
Все пламень испребилъ, вѣнцы зашмились ба-
шенъ,
Чершогн пали богачей.

* *
*

И шамъ, гдѣ роскошь обншала,
Въ сѣнисшыхъ роццахъ и садахъ,
Гдѣ миршъ благоухалъ и липа шрепешала,
Тамъ нынѣ угли, пепелъ, прахъ;
Въ часы безмолвные прекрасной лѣшней ноци
Веселѣ шумное шуда не полешншъ,
Не блещущъ ужъ въ огняхъ брега и свѣшлы
роци —

Все мершво, все молчншъ....

* *
*

Ушѣшся, машъ градовъ Россн,
Воззри на гибель пришлеца.

Ошягошѣла днесъ на нхъ надменной вын

Десннца мстящая Творца.

Взглянн: онн бѣгушъ, озрѣшся не дерзающъ,

Ихъ кровь не преспааетъ въ снѣгахъ рѣками течь,
Бѣгутъ — и въ шмѣ ночной ихъ гладь и смерть
срѣзаютъ,
А съ пыла гонитъ Россовъ мечъ.

О вы, которыхъ препенали,
Европы сильны племена,
О Галлы хищныя! и вы въ могилы пали....

О страхъ! о грозны времена!
Гдѣ ты, любимый сынъ и счастья и Бѣлоны,
Презрѣвшій правды гласъ, и вѣру, и законъ,
Въ гордынь возмечшавъ мечемъ низвергнушь про-
ны? —

Исчезъ, какъ упрямъ спрашной сонъ!

* * *

Въ Парижѣ Россѣ!—Гдѣ факель мщенья!
Поникни, Галлія, главою!

Но что я зрю? Герой съ улыбкой примиренья
Грядешь съ оливою злашой;
Еще военной громъ грохочешь въ опдаленъи,
Москва въ уныніи, какъ степь въ полнощной мглѣ —
А онъ несешь врагу не гибель, но спасенье
И благотворный миръ землѣ.

И благотворный миръ землѣ.

Достойный Внукъ Екатерины!
 Почто небесныхъ Аонидъ,
 Какъ нашихъ дней пѣвецъ, Славянской Бардъ
 дружины,
 Мой духъ воспоргомъ не горипъ!
 О, если бѣ Аполлонъ піишовъ даръ чу-
 десной
 Вліялъ мнѣ нынѣ въ грудь! Тобою восхищень,
 На лиръ бѣ возгремѣлъ гармоніей небесной
 И возсіялъ во тмѣ времёнъ!

О Скальдъ Россіи вдохновенной,
 Воспѣвшій рапныхъ грозный спрой!
 Въ кругу друзей швоихъ, съ душой воспламенен-
 ной,
 Взгреми на арфѣ золотой;
 Да снова спройный гласъ Герою въ честь про-
 льешся,
 И струны препешны посыплютъ огонь въ сердца,
 И рапникъ молодой вскипишь и содрогнешся
 При звукахъ браннаго пѣвца.

НАПОЛЕОНЪ НА ЭЛЬБѢ.

1 8 1 5.

Вечерняя заря въ пучинѣ догорала,
Надъ мрачной Эльбою носилась пишина.
Сквозь пучи блѣдныя пихонько пробѣгала

Туманная луна;
Уже на западѣ съдой, одѣтый мглою,
Съ равниной синихъ водъ сливался небосклонъ:
Одинъ во пмѣ ночной надъ дикою скалою
Сидѣлъ Наполеонъ.

Въ умѣ губителя пѣснились мрачны думы:
Онъ новую въ мечсахъ Европѣ цѣпь ковалъ
И, къ дальнимъ берегамъ возведши взоръ угрюмый,
Свирѣпо прошепшалъ:

«Вокругъ меня все мершвымъ сномъ почило,
Легла въ шуманъ пучина бурныхъ волнъ,
Не выплывешъ ни уплый въ море чолнъ,
Ни гладный звѣрь не взвоешъ надъ могилой —
Я здѣсь одинъ, мяшежной думы полнъ...

О, скоро ли, напѣнясь подъ рулями,
Меня помчишь покорная волна,
И спящихъ водъ прервешся шишина?...
Волнуйся, ночь, надъ Эльбскими скалами,
Мрачнѣе шмись за тучами, луна!
Тамъ ждуть меня безспрашныя дружины;
Уже сошлись, уже сомкнуны въ строй!
Ужъ міръ лежишь въ оковахъ предо мной!
Прейду я къ вамъ сквозь черныя пучины,
И гряну вновь погибельной грозой!
И вспыхнешь брань! за Гальскими орлами,
Съ мечемъ въ рукахъ побѣда полетишь,
Кровавой токъ въ долинахъ закипитъ,
И проны въ прахъ низвергну я громами,
И сокрушу Европы дивный щипъ!...
Но вокругъ меня все мерпвымъ сномъ почило,
Легла въ шуманъ пучина бурныхъ волнъ,
Не выплывешъ ни ушлый въ море чолнъ,
Ни гладный звѣрь не взвоешь надъ могилой —
Я здѣсь одинъ, мяшежной думы полнъ....

О счастье! злобный обольстителъ!

И ты, какъ сладкой сонъ, сокрылось опъ очей,
Средь бурей пайный мой хранишель
И вѣрный пѣспунъ съ юныхъ дней!
Давно ль невидимой спезею
Меня ко шрону ты вело
И скрыло дерзоспной рукою

Въ вѣнцахъ лавровое чело!
Давно ли съ трепетомъ народы
Несли мнѣ робко дань свободы,
Знамена чести преклоня,
Дымились громы вокругъ меня,
И слава въ блескъ надъ главою
Неслась, прикрывъ меня крыломъ? ...
Но туча грозная нависла надъ Москвою,
И грянулъ мести громъ! ...
Полнощи Царь молодой! Ты двинулъ ополченья,
И гибель вслѣдъ пошла кровавымъ знаменамъ,
Опоздалось могущаго паденье,
И миръ землѣ и радость небесамъ,
А мнѣ — позоръ и започенье!
И раздробленъ мой звонкій щипъ,
Не блещетъ шлемъ на полѣ браней,
Въ прибрежномъ злѣкѣ мечъ забытъ
И шукнеетъ на туманъ.
И тихо все кругомъ. Въ безмолвіи ночей
Напрасно чужахъ мнѣ смерти завыванье,
И снукъ блистающихъ мечей,
И падшихъ ярое степенанье.
Лишь плещущимъ волнамъ внимаешь жадный
слухъ;
Умолкъ сраженій кликъ знакомый,
Вражды кровавой гаснутъ громы
И факель мщенія попухъ.

Но близокъ часъ! грядетъ минута роковая!
Уже летишь ладья, гдѣ грозный пронъ сокрытъ;
Крутомъ просперша мгла густая
И, взоромъ гибели сверкая,
Блѣднѣющій мятежъ на палубѣ сидишь.
Спрашисъ, о Галлія! Европа! мщенье, мщенье!
Рыдай! швой бичъ возспалъ — и все падетъ во
прахъ,
Все сгинетъ — и тогда, въ всеобщемъ разру-
шенъ,

Царемъ возсяду на гробахъ!»

Умолкъ. На небесахъ лежали мрачны шѣни,
И мѣсяцъ, дальнихъ шучъ покинувъ шемны сѣни,
Дрожащій, слабой свѣшъ на западъ изливалъ;
Восточная звѣзда играла въ океанѣ,
И зрѣлася ладья, бѣгущая въ шуманѣ
Подъ сводомъ Эльбскихъ грозныхъ скалъ —
И Галлія тебя, о хищникъ! осѣнила;
Побѣгли съ шрепешомъ законные цари.
Но зришь ли? гаснетъ день, мгновенно мгла со-
крыла

Лице пылающей зари,
Просперлась тишина надъ бездною сѣдою,
Мрачнѣя неба сводъ, гроза во мглѣ виситъ,
Все смолкло... шрепещи! погибель надъ шобою
И жребій швой еще сокрытъ!

СТИХОТВОРЕНІЯ,

ПРОПУЩЕННЫЯ

ВЪ ПОСЛѢДНЕМЪ ПОЛНОМЪ ИЗДАНІИ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОСЛАНІЯ

В. Л. П — ну.

Что восхищительнѣй, живѣй
Войны, сраженій и пожаровъ,
Кровавыхъ и пусыхъ полей,
Бивака, рыцарскихъ ударовъ;
И что завиднѣй крапкихъ дней
Не слишкомъ мудрыхъ усачей,
Но сердцемъ испинныхъ гусаровъ?
Они живутъ въ своихъ шатрахъ,
Вдали забавъ и нѣгъ и Грацій,
Какъ жилъ безсмершый прусъ Горацій
Въ Тибурскихъ сумрачныхъ лѣсахъ;
Не знаютъ свѣша принужденья,

*

Не вѣдаюшъ, чпо скука, спрахъ,
Даюшъ обѣды и сраженья,
Поюшъ и рубяшся въ бояхъ.
Счасливъ, кпо миль и спрашенъ міру,
Объ комъ за пѣсни, за дѣла
Гремилъ правдивая хвала;
Кпо славилъ Марса и Темиру
И бранную повѣсилъ лиру
Межъ вѣрной сабли и сѣдла!

КЪ Ю . . . В У.

—

Любимецъ въпреныхъ Лаисъ,
Прелестный баловень Киприды,
Умъй сносишь, мой Адонисъ,
Ея минушныя обиды!
Она дала красы молодой
Тебѣ въ удѣлъ очарованье:
И черный усь и взглядъ живой,
Любви улыбку и молчанье.
Съ тебя довольно, милый другъ!
Пускай, желаній пышныхъ чуждый,
Ты поцѣлуями подругъ
Не наслаждаешься; что нужды?
Въ чаду веселій городскихъ,
На легкихъ крыльяхъ Терпсихоры
Къ тебѣ красавицъ молодыхъ
Лешапъ задумчивые взоры. . . .
Увы! языкъ любви нѣмой,
Сей вздохъ души краснорѣчивой,
Бышь долженъ сладокъ, милый мой,

Безпечности самолюбивой —
И счастливы ты своей судьбой.
А я — повѣса вѣчно праздный,
Потомокъ Негровъ безобразный,
Взрощенный въ дикой проспопѣ,
Любви не вѣдая спраданій,
Я вравлюсь юной красотѣ
Безстыднымъ бѣшенствомъ желаній....
Съ невольнымъ пламенемъ ланишъ,
Украдкой Нимфа молодая,
Сама себя не понимая,
На Фавна иногда глядитъ.

Умолкну скоро я. Но если въ день печали
Задумчивой игрой мнѣ пѣсни отвѣчали;
Но если юноши, внимая молча мнѣ,
Дивились долгому любви моей мученью;
Но если ты сама, предавшись умиленью,
Печальные стихи твердила въ тишинѣ
И сердца моего языкъ любила спрашивать;
Но если я любимъ: позволь, о милый другъ,
Позволь одушевить прощальный лиры звукъ
Завѣтнымъ именемъ любовницы прекрасной.
Когда меня на-вѣкъ обыметъ смертный сонъ,
Надъ урною моей промолви съ умилениемъ:
«Онъ мною былъ любимъ; онъ мнѣ былъ дол-
женъ
И пѣсень и любви послѣднимъ вдохновениемъ.»

АНТОЛОГИЧЕСКІЙ ОТРЫВОКЪ.

Подруга милая! я знаю, опчего
Ты съ нынѣшней весной опъ нашихъ игръ оп-
сшала;

Я тайну сердца швоего
Давно, повѣрь мнѣ, угадала:
Кларисъ въ шебя влюбленъ; онъ молодъ — и не
разъ

Украдкою вдвоемъ я замѣчала васъ;
Ты слушаешь его въ безмолвіи, краснѣя,
Твой взоръ популненный желаніемъ горитъ...

И долго послѣ, Галашея!
Улыбку нѣжную лицо швое хранишь.

ЗАГАДКА.

(При посылкѣ бронзоваго сфинкса.)

(Писано, вѣроятно, къ Дельвигу.)

—

Кшо на снѣгахъ возраспилъ Осокриповы нѣж-
ныя розы?

Въ вѣкѣ желѣзномъ, скажи, кшо золопой уга-
далъ?

Кшо Славянинъ молодой, Грекъ духомъ, а ро-
домъ Германецъ?

Вошъ загадка моя: хитрый Эдипъ, разрѣши.

—

Н О В Ы Я С Т Р О Ф Ы

ИЗЪ ЕВГЕНІЯ ОНЪГИНА.

Сокровище роднаго слова,
Замѣшаятъ важные умы,
Для лепешанія чужова
Пренебрегли безумно мы.
Мы любимъ Музъ чужихъ игрушки,
Чужихъ нарѣчій погремушки,
А не читаемъ книгъ своихъ.
Но гдѣ жъ онѣ? давайте ихъ!
Конечно: Сѣверные звуки
Ласкають мой привычный слухъ;
Ихъ любятъ мой Славянскій духъ;
Ихъ музыкой сердечны звуки
Усыплены: но дорожатъ
Одними звуками піишь.
И гдѣ жъ мы первыя познанья
И мысли первыя нашли?
Гдѣ примѣняемъ испытанья?

Гдѣ узнаемъ судьбу земли?
Не въ переводахъ одичалыхъ,
Не въ сочиненьяхъ запоздалыхъ,
.....
.....

Поэты наши переводяшъ
Или молчашъ; одинъ журналъ
Исполненъ припорныхъ похвалъ,
Топшъ брани плоской; всѣ наводяшъ
Зѣвоу скуки, чупъ не сонъ:
Хорошъ Россійскій Геликонъ!

(Главы III строфа 10.)

Увы, друзья! мелькають годы —
И съ ними въ слѣдъ одна другой,
Мелькають въпренія моды
Разнообразной чередой.
Все измѣнилось въ природѣ!
Ламушъ и фижмы были въ модѣ;
Придворный франшъ и ростовщикъ
Носили пудреный парикъ;
Бывало, нѣжные поэмы,
Въ надеждѣ славы и похвалъ,
Точили шонкѣй мадригалъ
Иль остроумные куплеты;

Бывало, храбрый генералъ
Служилъ — и грамоты не зналъ.

(Главы III строфы 25 и 26.)

О вы! копорыя любили
Безъ позволенія родныхъ
И сердце нѣжное хранили
Для впечатлѣній молодыхъ,
Для радостей, для нѣги сладкой —
Дѣвицы! если вамъ украдкой
Случалось тайную печать
Съ письма любезнаго срыватьъ,
Иль робко въ дерзоспныя руки
Завѣшный локонь отдаватьъ,
Иль даже молча дозволять
Въ минушу горькую разлуки
Дрожащій поцѣлуй любви,
Въ слезахъ, съ волненіемъ въ крови, —
Не осуждайте безусловно
Тапьяны вѣпреной моей;
Не повторяйте хладнокровно
Рѣшенья чопорныхъ судей.
А вы, о дѣвы безъ упрѣка!
Копорыхъ даже рѣчь порока
Спрашивъ сегодня какъ змѣя —
Совѣшную вамъ поже я.

Кшо знаешъ? пламенной поскою
Сгорите, можете бышь, и вы —
И завтра легкій судъ молвы
Припишетъ модному герою
Побѣды новой шоржесиво:
Любви васъ ищешъ божесиво.

Ж Е Н Щ И Н Ы.

(Отрывокъ изъ *Евгенія Онегина*.)

Въ началѣ жизни мною правилъ
Прелесный, хитрый, слабый полъ;
Тогда въ законъ себѣ я спавилъ
Его единый произволъ.
Душа лишь только разгоралась,
И сердцу женщина являлась
Какимъ-то чистымъ божесивомъ.
Владѣя чувствами, умомъ,
Она сіяла совершенствомъ.
Предъ ней я шаялъ въ шипинѣ:
Ея любовь казалась мнѣ
Недосыгаемымъ блаженствомъ.
Жить, умереть у милыхъ ногъ —

Инаго я желань не могъ.
То вдругъ се я ненавиждѣлъ,
И препешалъ и слезы лилъ,
Съ шоской и ужасомъ въ ней видѣлъ
Созданье злобныхъ, шайныхъ силъ;
Ея пронзительные взоры,
Улыбка, голосъ, разговоры,
Все было въ ней отправлено,
Измѣной злой напоено,
Все въ ней алкало слезъ и спона,
Питалось кровію моею. . . .
То вдругъ я мраморъ видѣлъ въ ней
Передъ мольбой Пигмаліона
Еще холодной и нѣмой,
Но вскорѣ жаркой и живой.

* * *

Словами вѣщаго поэта
Сказаць и мнѣ позволено:
Темира, Дафна и Лилеша —
Какъ сонъ забыты мной давно.
Но есмь одна межъ ихъ полною. . . .
Я долго былъ плененъ одною. . . .
Но былъ ли я любимъ, и къмѣ,
И гдѣ, и долго ли? . . . зачѣмъ
Вамъ это знашь? не въ эпосъ дѣло!
Что было, то прошло, то вздоръ;

А дѣло въ томъ, что съ этихъ поръ
Во мнѣ ужъ сердце охладѣло,
Закрылось для любви оно
И все въ немъ пусто и темно.

* *
*

Дознался я, что дамы сами,
Душевной тайнѣ измѣня,
Не могутъ надивиться нами,
Себя по совѣсти цѣня.
Воспорги наши своенравны
Имъ очень кажущаяся забавны;
И право съ нашей стороны
Мы непростижительно смѣшны.
Закабалась неосторожно,
Мы ихъ любви въ награду ждемъ,
Любовь въ безуміи зовемъ,
Какъ будто претовати возможно
Опъ мопыльковъ иль опъ лилей
И чувствъ глубокихъ и спраспей!

ЭПИГРАММА.

(Изъ Антологіи.)

Лукъ звѣнитъ, стрѣла препенещъ,
И клубясь издохъ Пиѳонъ;
И швой ликъ побѣдой блещетъ,
Бельведерскій Аполлонъ!
Кшо жъ вступился за Пиѳона,
Кшо разбилъ швой испуканъ?
Ты, соперникъ Аполлона,
Бельведерскій Мипрофанъ!

КЪ КАВЕРИНУ.

1 8 1 7.

—

Забудь, любезный мой Каверинъ,
Минушной рѣзвости нескромные списхи.
Люблю я первый, будь увѣренъ,
Твои счастливые грѣхи.
Все чередой идешь опредѣленной,
Всему пора, всему свой мигъ;
Смѣшенъ и въпреный спарикъ,
Смѣшенъ и юноша спешенный.
Пока живешся намъ, живи;
Гулай въ мое воспоминанье;
Усердствуй Вакху и любви,
И черни презирай ропшанье:
Она не вѣдаетъ, что дружно можно жить
Съ Киѳерой, съ поршикомъ, и съ книгой и
съ бокаломъ;
Что умъ высокій можно скрыть
Безумной шалости подъ легкимъ покрыва-
ломъ.

Э Л Е Г І Я.

Подъ небомъ голубымъ спраны своей родной
Она помилась, увядала. . . .
Увяла наконецъ, и вѣрно надо мной
Младая пѣнь уже лепала;
Но недосступная черпа межъ нами естъ.
Напрасно чувство возбуждалъ я:
Изъ равнодушныхъ успъ я слышалъ смерти
вѣсть,
И равнодушно ей внималъ я.
Такъ вопъ кого любилъ я пламенной душой
Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ,
Съ такою нѣжною, помышельной тоской,
Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ!
Гдѣ муки, гдѣ любовь? Увы! въ душѣ моей
Для бѣдной, легковѣрной пѣни,
Для сладкой памяти невозвратимыхъ дней
Не нахожу ни слезъ, ни пѣни.

ЭПИГРАММА.

—

Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ.
« Охопа еспь, да мало мозгу.
А сколько лѣтъъ ему, вопросъ? »
Пятнадцать. — « Только-то? Эй, розгу! »
Засимъ принесъ семинариспъ
Тепрадъ лакейскихъ диссерпацій,
И Фебу вслухъ прочелъ Горацій,
Кусая губы, первый лиспъ.
Опяжелѣвъ, какъ опъ дурмана,
Сердито Фебъ его прервалъ,
И топчась взрослога болвана
Поставипъ въ палки приказалъ.

КЪ ЯЗЫКОВУ.

Къ тебѣ собирался я давно
Въ Нѣмецкій градъ, побой воспѣшый,
Съ побой попишь, какъ пьютъ поэты
Тобой воспѣшое вино.
Ужъ зазывалъ меня съ собою
Тобой воспѣшый Киселевъ,
И я съ веселою душою
Оставишь былъ совсѣмъ гошовъ
Неволю Невскихъ береговъ.
И что жъ? гербовыя заботы
Схватили за полы меня,
И на Невѣ, хощь нѣтъ охоты,
Прикованнымъ оспался я.
О юносѣ, юносѣ удалая!
Могу ль тебя не пожалѣть?
Въ долгахъ, бывало, упьюная,
Займодавцевъ убѣгая,
Гошовъ былъ всюду я лепѣшь.

Теперь докучно посѣщаю
Своихъ лѣнивыхъ должниковъ,
Оспепенившись, проклиная
Я пѣжесѣ денегъ и годовъ.
Прости, пѣвецъ! играй, пируй,
Съ Кипридой, Фебомъ торжесѣвуй,
Не знай сѣшельнаго чвансѣва,
Не знай любезныхъ должниковъ,
И не плаши своихъ долговъ,
По праву Русскаго дворянсѣва.

П О Р Т Р Е Т Ъ.

Съ своей пылающей душой,
Съ своими бурными спраспиями,
О жены съвера, межъ вами
Она является порой,
И мимо всѣхъ условій свѣта
Спремипся до утраты силъ,
Какъ беззаконная комеша
Въ кругу расчисленномъ свѣпигъ.

ЭПИГРАММА.

Обиженный журналами жестоко,
Зоиль Пахомъ печалился глубоко.
Вопль подалъ онъ на цензора доносъ;
Но цензоръ правъ; намъ смѣхъ, Зоилу ноосъ.
Иная брань, конечно, неприличносць.
Нельзя сказаць: *такой-то-де старикъ*
Козелъ въ откахъ, плюгавый клеветникъ,
И золъ и подлъ — все это будетъ личносць;
Но можете печатаць, напимърь,
Что «*господинъ парнасскій старовѣрь*
Въ своихъ стапьяхъ нелѣпицы орапоръ,
Опмѣнно валь, опмѣнно скучноваць,
Тяжеловаць и даже глуповаць»:
Тупъ не лицо, а только липераторъ.

КРИВЦОВУ,
ПРИ ПОСЫЛКѢ ВОЛЬТЕРОВОЙ ПОЭМЫ.

—

Когда сожмешь ты снова руку,
Которая тебѣ даришь,
На скучный пунш и на разлуку,
Вопь эпу книжечку Харишь?
Амуръ нашелъ ее въ Цицеръ,
Въ архивѣ шалости молодой.
По ней молись своей Венерѣ
Благочестивою душой.
Проси, Эпикуреецъ мой!
Османься вѣкъ, каковъ ты нынѣ!
Лепи во мрачный Альбионъ!
Да сохранишь тебя въ чужбинѣ
. и вѣрный Купидонъ!
Неси въ чужой предѣлъ пенаша;
Но помни прежні дни свои,
Люби недѣвственнаго брата,
Спрадальца чувственной любви.

2 Марта, 1818.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Долго сихъ листовъ завѣшныхъ
Не касался я перомъ;
Виновать, въ сполѣ моемъ
Уже давно безъ спрокъ привѣшныхъ
Залежался твой Альбомъ.
Въ именины, очень ксшаши,
Пожелать тебѣ я радъ
Много всякой благодаши,
Много сладосныхъ опрадъ, —
На Парнассѣ много грома,
Въ жизни много пихихъ дней,
И на совѣснн твоей
Ни единаго Альбома
Опѣ красавицъ, опѣ друзей.

ВЪ АЛЬБОМЪ МАЛЮТКЪ.

Играй, Адель,
Не знай печали!
Хариты, Лель
Тебя вѣнчали
И колыбель
Твою качали.
Твоя весна
Тиха, ясна:
Для наслажденій
Ты рождена.
Часъ упоеній
Лови, лови!
Младья лѣша
Опдай любви,
И въ шумъ свѣта
Люби, Адель,
Мою свирѣль.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

—

Одно стихошвореніе, напечатанное въ моемъ журналѣ, навлекло на меня обвиненіе, въ которомъ долгомъ полагаю оправдаться. Это стихошвореніе заключаесть въ себѣ нѣсколько грустныхъ размышленій о заслуженномъ полководцѣ, копорый въ великій 1812 годъ прошелъ первую половину поприща, и взялъ на свою долю всѣ невзгоды опспупленія, всю опвѣпспвенность за неизбѣжные уроны, предоспавя своему безсмертному преемнику славу оппора, побѣдъ и полного поржества. Я не могъ подумашъ, чпобы шупъ можно было увидѣть намѣреніе оскорбить чувство народной гордости и спараніе унизить священную славу Купузова; однако жъ меня въ шомъ обвинили.

Слава Купузова неразрывно соединена со славою Россіи, съ памяшью о величайшемъ собы-

пії новѣйшей исторіи. Его пишло: спаситель Россіи; его памятникъ: скала Святой Елены! Имя его не только священо для насъ, но не должны ли мы еще радоваться, мы Русскіе, что оно звучишь Русскимъ звукомъ?

И могъ ли Барклай-де-Толли совершивъ имъ начатое поприще? Могъ ли онъ остано- вившись и предложивъ сраженіе у кургановъ Бородина? Могъ ли онъ послѣ ужасной битвы, *гдѣ равенъ былъ неравный споръ*, отдать Москву Наполеону и спать въ бездѣйствіи на равнинахъ Тарушинскихъ? Нѣтъ! (Не говорю уже о превосходствѣ военнаго генія.) Одинъ Кутузовъ могъ предложить Бородинское сраженіе; одинъ Кутузовъ могъ отдать Москву непріятелю; одинъ Кутузовъ могъ останавливаться въ этомъ мудромъ, дѣятельномъ бездѣйствіи, усыпляя Наполеона на пожарахъ Москвы и выжидая роковой минуты: ибо Кутузовъ одинъ облеченъ былъ въ народную довѣренность, которую такъ чудно онъ оправдалъ!

Не ужели должны мы быть неблагодарны къ заслугамъ Барклая-де-Толли, потому что Кутузовъ великъ? Ужели послѣ двадцати-пяти-лѣтняго безмолвія, поэзіи не позволено произнести его имени съ участіемъ и умиленіемъ? Вы упре-

каете спихотворца въ несправедливости его жалобъ; вы говорите, что заслуги Барклая были признаны, оценены, награждены. Такъ, но къмъ и когда? ... Конечно не народомъ, и не въ 1812 году. Минута, когда Барклай принужденъ былъ уступить начальство надъ войсками, была радостна для Россіи, но стѣмъ не менѣе тяжела для его спохического сердца. Его опешупленіе, которое нынѣ является яснымъ и необходимымъ дѣйствіемъ, казалось вовсе не таковымъ: не только ропшалъ народъ, ожесточенный и негодующій, но даже опытные воины горько упрекали его и почти въ глаза называли измѣнникомъ. Барклай, не внушающій довѣренности войску, ему подвластному, окруженный враждою, язвимый злорѣчіемъ, но убѣжденный въ самого себя, молча идущій къ сокровенной цѣли и уступающій власть, не успѣвъ оправдать себя передъ глазами Россіи, останетсѣ навсегда въ исторіи высоко-поэпическимъ лицомъ.

Слава Кутузова не имѣетъ нужды въ похвалѣ чьей бы то ни было; а мнѣніе спихотворца не можетъ ни возвыситъ, ни унижитъ того, кто низложилъ Наполеона и вознесъ Россію на эту степенъ, на которой она явилась въ 1813 году. Но не могу не огорчиться, когда въ смиренной хвалѣ моей вождю, забытому Жуковскимъ,

сообщественники мои могли подозрѣвать низкую и преступную сапиру на того, кто нѣкогда внушилъ мнѣ слѣдующіе стихи, конечно недостойные великой пѣни, но искренніе и изліянные изъ души.

Передъ гробницею святой
Спою съ поникшею главой . . .
Все спишь кругомъ; однѣ лампы
Во мракъ храма золотяшъ
Сполбовъ граничныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.

Подъ ними спишь сей власпелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маспешый спражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей оспальной изъ спан славной
Екатерининскихъ орловъ.

Въ швоемъ гробу воспоргъ живешь!
Онъ Русскій гласъ намъ издаешь;
Онъ намъ швердишь о шой годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой швоей сѣдинѣ:
« Иди, спасай! » Ты вспалъ — и спасъ . . . и
проч.

ФРАНЦУЗСКІЕ СТИХИ,

НАПИСАННЫЕ А. С. ПУШКИНЫМЪ (ВЪ ЕГО МОЛОДОСТИ)

КЪ ОДНОМУ ТОВАРИЩУ И СОВОСПИТАНИКУ ЕГО

ПО ЦАРСКОСЕЛЬСКОМУ ЛИЦЕЮ.

MON PORTRAIT.

Vous me demandez mon
 portrait,
 Mais peint d'après nature ;
 Mon cher, il sera bientôt
 fait
 Quoique en miniature.

Je suis un jeune polisson
Encore dans les classes:

Point sot, je le dis sans
façon
Et sans fades grimaces.

Onc il ne fut de babillard,
Ni docteur en Sorbone —
Plus ennuyeux et plus brail-
lard
Que moi même en personne.

Ma taille à celle des plus
longs

Ne peut être égalée;
J'ai le teint frais , les che-
veux blonds
Et la tête bouclée.

МОЙ ПОРТРЕТЪ.

Ты просишь у меня пор-
трета моего,
Но — списаннаго съ натуры;
Любезный другъ, онъ скоро
будеть готовъ,
Хоть и въ миниатюрѣ.

Я молодой повѣса,
Еще не вышедшій изъ клас-
совъ.

Не глупъ, сознаюсь въ томъ
безъ чиновъ
И безъ притворныхъ ужи-
мокъ.

Не бывало еще ни болтуна,
Ни Сорбонскаго доктора,
Скучнѣе и горластѣе

Моей особы.

Станъ мой съ высокимъ

Не можетъ быть въ уровень;
Я свѣжъ лицомъ; волоса мои
бѣлокуры *.

А голова курчава.

* Въ молодости Пушкина волоса его были свѣтлорусы.

J'aime et le monde, et son
fracàs,
Je haïs la solitude;

J'abhorre et noises et dé-
bâts,
Et tant soit peu l'étude.

Spectacles, bals me plai-
sent fort,
Et d'après ma pensée,
Jedirais ce que j'aime encor...
Si n'étais au Lycée.

Après celà, mon cher ami,
L'on peut me reconnaître:
Oui! tel que le bon Dieu
me fit,
Je veux toujours paraître.

Vrai démon pour l'espiè-
glerie,
Vrai singe par sa mine
Beaucoup et trop d'etour-
derie.
Ma foi — voila — Pouchkine.

Люблю и свѣтъ и шумъ
его,
Ненавижу одиночество;

Терпѣть не могу досадъ и
перекоровъ *,
А — отъ малой части — и
ученья.

Спектакли, балы мнѣ очень
правятся **.
И — по душѣ (по мысли) —
Сказалъ бы, что еще люблю...
Еслибъ не находился въ Ли-
цеѣ.

Послѣ этого, милый другъ,
Узнать меня можно:
Да! такимъ, какъ Богъ со-
здалъ меня,
Хочу всегда казаться.

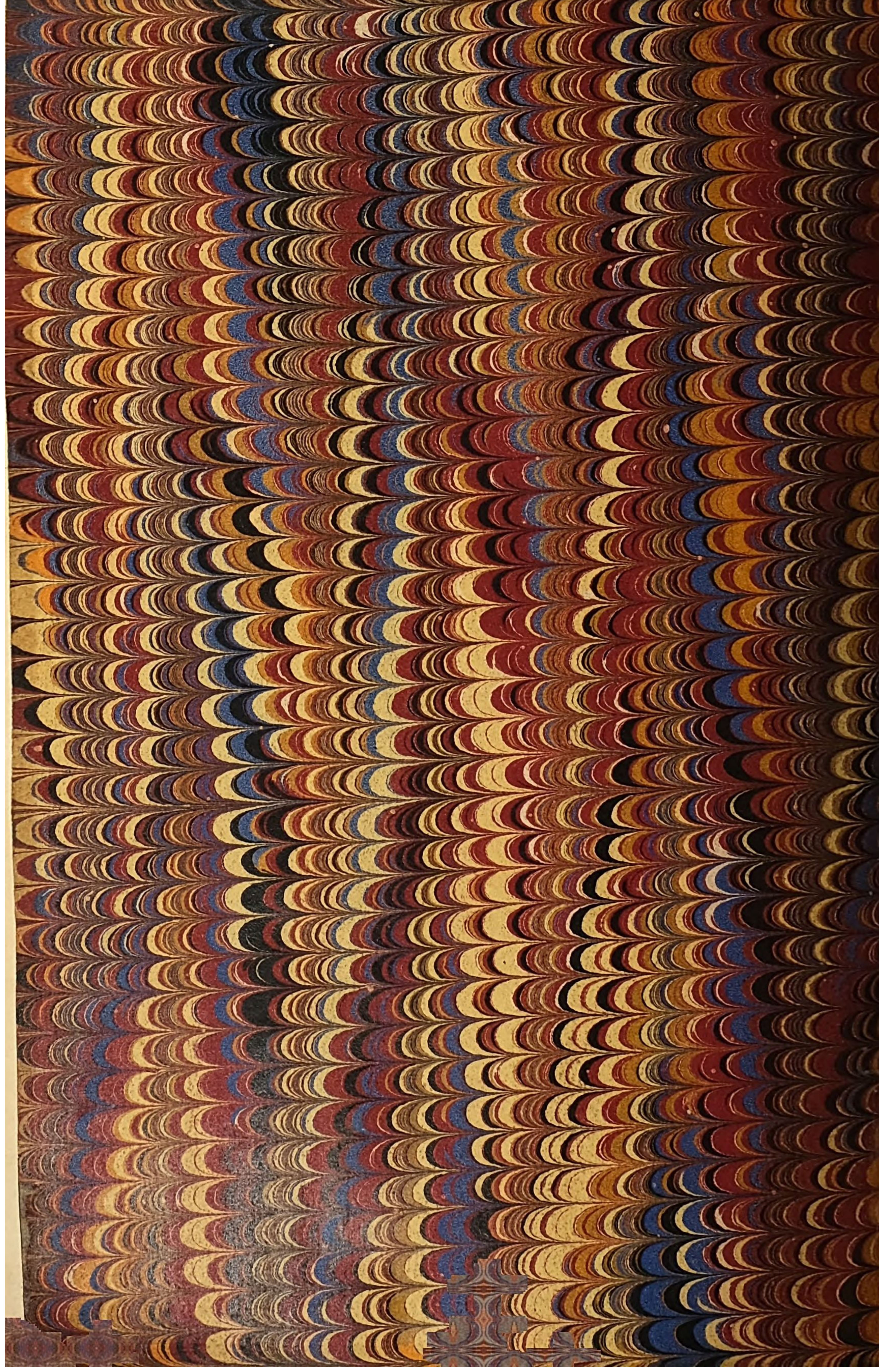
Настоящій демонъ въ ша-
лостяхъ,
Настоящая обезьяна по виду,
Я вѣтренникъ большой и
даже черезчуръ.
По чести таковъ — Пушкинъ.

* Прекрасное свойство автора — родное не всѣмъ литераторамъ нашего вѣка.

** Пушкинъ былъ душой общества, а веселость его неистощимая — какъ истинный гений. Таковъ именно былъ юноша Пушкинъ, когда присылалъ мнѣ первые стихи свои для печати. И теперь еще храню я, какъ клейводъ, собственноручное письмо его, въ которомъ онъ напоминалъ мнѣ о томъ за два мѣсяца до своей смерти.

Примѣчанія и переводъ стиховъ — П. К — ва.

КОНЕЦЪ ДЕВЯТАГО ТОМА.

Puškin, Aleksandr Sergeevič,

Sočinenija Alexandra Puškina

Bd.: 9

Sanktpeterburg 1841

Bamberg, Staatsbibliothek -- L.russ.o.60(9
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11731120-3